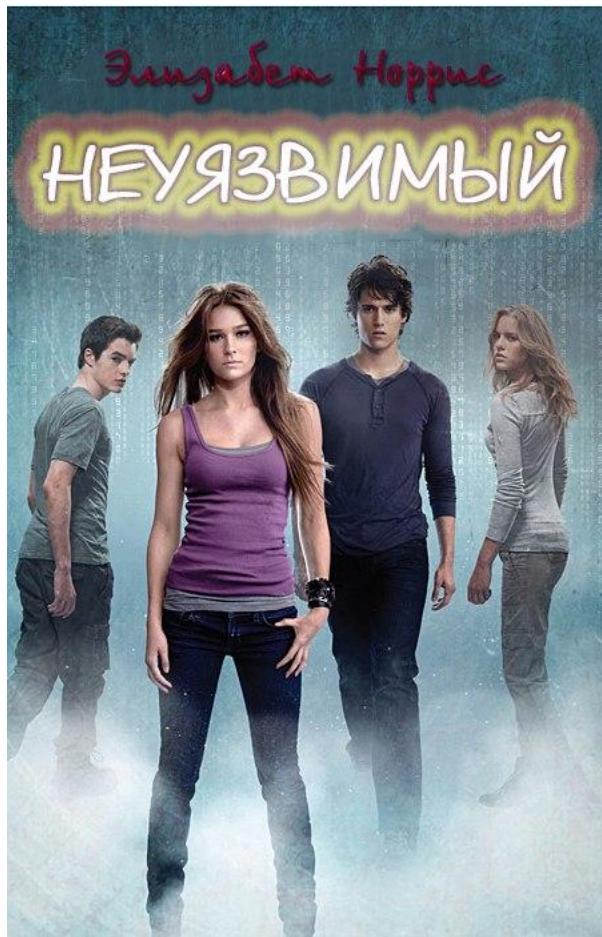

«Неуязвимый» Элизабет Норрис

Оригинальное название: Unraveling

Название на русском: Неуязвимый

Серия: Unraveling, #2

Перевод: smala33, Witcher20, vbv

Редактор: Мария Сятчихина

Специально для группы: ["°•†Мир фэнтези†•°"](#) Переводы книг

Любое копирование без ссылки на группу и переводчиков ЗАПРЕЩЕНО!

Просим Вас уважать чужой труд

Аннотация

Спустя четыре месяца после того, как Бен исчез в портале, вернувшись в свою родную вселенную, Дженнель думает, что больше никогда не увидит его снова. Ее мир опустошен, однако жизнь, наконец, возвращается в нормальное русло. Пока не появляется секретный агент Тейлор Барклай. Кто-то из параллельной вселенной начал торговлю людьми, похищая их и продавая в разных мирах, а Бен является главным подозреваемым. Теперь его семья находится в тюрьме и будет казнена, если Бен не вернется в течение пяти дней. И когда Дженнель узнает, что кто-то, о ком она заботилась в своем мире, пропал без вести, она понимает, что должна помочь Барклаю, не смотря на опасность. Теперь у Дженнель есть только пять дней, чтобы найти настоящего преступника. Пять дней, чтобы найти пропавших без вести, прежде чем они будут потеряны навсегда. Пять дней, чтобы встретиться с парнем, который похитил ее сердце. Но когда все улики складываются в один пазл, Дженнель понимает, что возможно она совершенно не знала Бена. Сможет ли она раскрыть правду прежде чем все погибнут?

Часть первая

*Проводим жизнь свою в трудах,
Но сделать все не удается.
Незавершенное всегда
На день грядущий остается.
Генри Лонгфелло*

07:15:01:55

В жизни бывают дни настолько идеальные, что они кажутся попросту нереальными.

В такие дни вы просыпаетесь, вдоволь выпавшись, в небе сияет солнышко, а с океана дует лёгкий ветерок, не давая вам замёрзнуть или же перегреться, и всё идёт просто отлично. Как будто вы оказались внутри фильма со своим собственным саундтреком, и вы так счастливы, что губы непроизвольно растягиваются в улыбке. Такие дни сродни настоящему волшебству.

А у меня долгое время не было ни одного такого дня.

Так долго, что казалось, будто их вообще никогда не было. На самом деле, когда, через восемнадцать часов после пробуждения, я позволила Сесилии повести меня в старую закусочную, которую она превратила в кухню (где температура, похоже, доходила до сотни градусов), я чувствовала, что идеальные дни - просто ложь.

-Что ты делаешь? -Говорит Сесиль, ругая меня. -Это никогда не сработает.

- Моя идея и не сработает? Какой кошмар. - Я напоказ закатываю глаза. - Предложишь идею получше - попробуем по-твоему. - Я едва не добавила, что нам не нужен попкорн, но успела сдержаться. Так я лишь разозлю её, а гнев Сесилии из-за испорченных планов - то, чего я стараюсь избегать.

Это ночной кинопоказ в Куалькомме.

Около месяца назад Сесилия решила, что ночной кинопоказ - это именно то, что нужно Куалькомму. Людям было бы на что посмотреть, и нам недоставало только нужного оборудования. Она заставила Кевина Коллинза и меня потратить выходные на поход по всем заброшенным кинотеатрам Сан-Диего и

поиск проекторов, оборудования и фильмов, которые мы могли бы показать.

И вот теперь более трех сотен людей сидит на бывшем футбольном поле - Чарджерс-, и еще больше - на местах для зрителей. На расстеленных одеялах люди жмутся друг другу и смотрят на проекторе -Эту прекрасную жизнь-, поставленную Сесилией - и хотя происходящее вокруг не слишком прекрасно, мои возражения горят синим пламенем, да еще и Кевин поддержал ее решение, надеясь завоевать ее сердце.

И попкорн - единственная загвоздка в ее плане.

Генератор позволил нам использовать микроволновку, чтобы превратить в попкорн половину мешков, собранных нами по городу, но она перегружала нашу электросеть. Даже Си не собиралась спорить и убеждать, что попкорн важнее освещения. Так что теперь я использую пару старых сковородок и дровянную печь.

Только я подумала о нем, как Кевин толкнул дверь, широко улыбаясь Сесилии. Поразительно, но я признаю, что он сделал впечатляющий шаг вперед, получил диплом о среднем образовании, и был зачислен в морские пехотинцы пару месяцев назад. - Леди Джей! - кричит он, придя с некоторыми парнями из своего отряда. - Мы пришли к вам, чтобы вы нас накормили.

Мне бы хотелось сказать, что после зачисления на службу он повзрослел, но он такой же, как и всегда.

Я игнорирую Кевина. У меня это хорошо получается.

Сесилия, у которой было что-то свое на уме, улыбается ему лучезарной улыбкой. - Вы здесь, супер, - сказала она, кладя им в руки пакеты с попкорном, не давая шанса сказать им хоть что-то. - Начните с людей сзади, они дальше от экрана. И убедитесь, что все возьмут по горсточке, и передадут остальное вниз. Потому что у нас по одному мешку приблизительно на пятнадцать человек.

Один и парней закатывает глаза - он здесь, очевидно лишь потому, что у Кевина плохо выходит с Сесилией.

Кевин театрально кланяется:

- Ваше желание будет исполнено.

Наблюдая за всеми этими нелепостями, я изо всех сил стараюсь не фыркнуть.

Уже уходя, Кевин оглядывается на меня.

- Поторопись, женщина. Если нам придется тебя долго ждать, мы так и не посмотрим фильм.

Не в силах сдержать смех, Сесилия выталкивает Кевина за дверь, и вселенная наконец-то вознаграждает меня, потому что попкорн начинает трещать.

- Итак, у Кевина к тебе чувства... - сказала я, как только он ушёл. Каждый парень испытывал влечение к Си. Даже Алекс, мой лучший друг, который говорил мне, что не собирается заводить отношения с девушками до колледжа потому, что не хотел быть обязанным представлять подружку матери, не убедившись, что она с этим справится, был от неё без ума. Алекс, который теперь уже не назначит свидание. Который погиб из-за меня.

Я проглатываю те мысли, несмотря на комок в горле, и сосредотачиваюсь на Сесилии. Я хочу чтобы она была счастлива.

Она краснеет, но ничего не говорит.

- Он довольно милый, - я добавляю. А также незрелый и сводит меня с ума, но я не могу отрицать, что на него приятно посмотреть.

Сесилия смеется и кивает головой. - Он такой. Затем она делает паузу и добавляет: - А еще он забавный. Очень веселый. Каждый раз, когда я вижу его, он заставляет меня взрываться от смеха. Кроме того, меня не удивляет, какой он заботливый. Он всегда делает такие приятные мелочи для меня.

Она сказала это так, будто дальше последует -но-.

- Так в чем же проблема? - я посмеиваюсь, но Сесилия не смеется.

- Это ужасно. Я имею в виду, я хочу ему нравится. - вздыхает она. - Я просто не могу. Я не знаю. Я думаю, он просто не мой тип.

Я понимаю, о чем она говорит. О желании нравиться кому-то и не иметь возможности. Попытки Кевина подцепить меня, с половиной парней его отряда, и конечно же Ник. Свидание или даже немного романтики, было бы таким желанным отвлечением от всего, что происходит, но все, что я вижу, когда смотрю на другого парня - это не Бен Майклз.

С того дня, как он ушел, я везде ищу Бена. Вспоминая его темно-карие глаза; его волосы падающие ему на лицо; как он протянул руку, коснулся моей щеки, и потянул в последний поцелуй; как сделал медленные шаги назад к порталу, как будто он действительно не хотел уезжать; как сказал мое имя и сказал что любит меня.

Но портал поглотил его, и он исчез.

Но в основном, я думаю о том, как он сказал, - Я вернусь за тобой.

- Ладно, не смейся, - внезапно говорит Сесилия, делая мне одолжение и вытаскивая из мыслей, которые я должна отпустить. - Мой тип что-то вроде плохого парня, не совсем, но почти. В кожаной куртке, с дьявольской улыбкой, которого не одобрили бы мои родители, кто-то кого нужно спасти.

У Бена не было кожаной куртки или дьявольской улыбки. Но он определенно был таким парнем, которого бы мой отец мог бы опасаться. И его не обязательно спасать.

Только я бы спасла его, а теперь он ушел.

- Не мешало бы также, если бы у него были красивые глаза, - добавляет Сесилия.

Я улыбаюсь, думая о темных, глубоко посаженных глазах Бена и проницательности в них, когда он смотрел на меня.

Каждые пять или десять минут, Сесилия возит охапку пакетов попкорна на поле. Когда, наконец-то, все они разданы, мы пробираемся через толпу, ища моего брата, Джареда, Кевина и его друзей. Остался еще один дополнительный пакет попкорна, и поскольку мы чувствовали себя прожорливыми, мы его взяли.

Я едва смотрю фильм, потому что больше смотрю на Джареда, который не может оторвать глаз от экрана.

Неважно, что я пропустила больше половины фильма. Или что он черно-белый и 1946 года. Неважно, что попкорн слишком маслянистый, и что от шерстяного одеяла у меня зуд по всей коже, или даже, что я устала и потная от печи.

После пятнадцати минут от начала фильма, Страз нашел нас, и сел рядом с

Джаредом, у которого глаза были на мокром месте.

Затем Страз подмигнул мне.

Я взглянула на Сесилию, которая улыбалась. Это улыбка, которую я хорошо знаю. Которая говорит -я же тебе говорила-. Я показала ей средний палец, потому что это правда.

Она была права.

Попкорн и ночь кино, были именно тем, что нам было нужно.

В конце концов, возможно эта ночь была волшебной.

07:00:45:13

На следующее утро все волшебство исчезло. Что часто происходит со мной, когда я встаю с постели, еще до восхода солнца, особенно в свой выходной день. Встала я, потому что Страз послал Си и меня съездить за запасами в Кэмп-Пендлтон. Он выбрал нас, потому что мы обаятельны – или, точнее, Сесилия обаятельна.

Это сработало. Она очень мило разговаривала со всеми, кто нам встречался, а я просто помогала с перетаскиванием тяжестей.

Мы едем домой, с Сесилией за рулем, в тишине. И это не потому, что нам грустно, или что мы устали, несмотря на то, что этот день был изнурительным и уже не совсем полдень. Эта тишина давит на нас, потому что, когда ведешь машину, ты не можешь отрицать, что мир изменился.

На побережье все хуже. Здания рухнули, дома разрушены, или просто исчезли. Крыша на моем любимом ресторане - Роберто, прогнулась, и патио треснуло и раскололось, положив конец моей традиции – есть буррито после пляжа. Деревья были выкорчеваны, и теперь лежат на боку, как будто их выбросили, как сорняки. В моем старом районе, деревья упали на дома, которые не рухнули от землетрясения. Обломки везде – валяются на траве и на обочине дороги.

Но хуже то, что до землетрясения, Сан-Диего было живым местом. Солнце, океанские волны, толпы туристов. А сейчас, он пуст, разрушен. Мертв.

Сейчас же царила гробовая тишина.

Потому, что прошло сто сорок дней с тех пор, как старый грузовой пикап сбил меня. Жар от его двигателя, запах сработавших тормозов и кто-то, выкрикнувший моё имя, были последними вещами, которые я запомнила. Сто сорок дней с тех пор, как я погибла.

С тех пор, как мой мир перевернулся.

Потому, что я не осталась мёртвой. Бен Майклз исцелил меня и вернул меня назад. Из-за него у меня появился второй шанс. Не знаю, как это произошло, но Бен изменил моё классное расписание, спорил со мной по-английски, взял меня в Сансет Клиффс и заставил меня влюбиться в него.

А потом он ушел.

Теперь весь мир изменился - для всех.

Мой отец погиб потому, что не знал, с чем столкнулся. Я раскрыла его убийство, спасла мир, потеряла лучшего друга и увидела, как Бен прошёл в портал и покинул эту вселенную.

Я остановила коллапс волновой функции, но ущерб был уже причинён.

Все природные стихии ударили одновременно, и не было места на планете, где можно было их избежать. Торнадо опустошали Средний Запад, землетрясения ровняли города с землёй вблизи разломов, и вдали от них, такие как Даллас и Вегас. Цунами накрывали итопили низменности, среди них были Коронадо, Новый Орлеан, Манхэттэн и части побережья Калифорнии. Лесные пожары распространились по всем направлениям, испепеляя города и людей.

И мы не были одиноки. Другие страны пострадали так же сильно. Некоторые из них перестали существовать.

Миллионы людей погибли.

Миллионы пропали без вести.

Современный мир получил чудовищный удар. Спутники сошли с орбит, телефонные линии умерли, электричество исчезло, реки пересохли. Повторные толчки рушили уцелевшие здания. Больницы были переполнены ранеными и умирающими. Лекарства и их запасы были на исходе. Стало не хватать еды и

воды. Ничто не могло избежать разграбления.

Так как Сесилия была за рулём, я прижалась лбом к стеклу, ощущая солнечное тепло. Я прикрыла глаза, пытаясь абстрагироваться от окружающей действительности, но напрасно. Я не могла забыть, как здесь было раньше.

- Хватит. - сказала Сесилия, когда мы проехали кочку на неровной дороге, - Хватит молчать и выглядеть подавленной.

- Я думала, ты знаешь, что это моё обычное состояние. - ответила я, но всё-таки убрала голову и села прямо. Она любит покомандовать, но она права.

Сесилия смеется. - Я знаю, ты лучше, чем ты думаешь, Джи.

- Ты знаешь, что черлидерство мёртвый спорт? - спросила я, - Вряд ли стоит быть такой весёлой.

Она фыркнула и притворилась оскорблённой, но я знала, что это понарошку. Нам обоим достались первоклассные билеты, чтобы наблюдать, как меняется этот мир. Может, мне это казалось, но Сесилия предвидела последствия лучше, даже если не знала реальной причины, их вызвавшей.

Я собиралась сказать что-то ещё, когда заметила что-то.

Это был покосившийся дом с провалившейся крышей, а перед ним несколько человек разглядывали ассортимент вещей, разложенных на сухой траве.

Сесилия увидела тоже и воскликнула, - Это же распродажа! Надо посмотреть.

Трудно было сказать, было у них что-нибудь, что нам бы пригодилось. Эти домашние распродажи устраивают для обмена. Людям нужны запасы, обычно лекарства или еда, и они готовы предложить свои ценности, чтобы получить их.

Конечно, не у многих людей есть лишние лекарства или еда. Но у нас есть. Благодаря моим связям в ФБР и с семьёй Сесилии, заправляющей одним из крупнейших убежищ в регионе, у нас есть доступ к вещам, недоступным простым смертным. У нас в кузове ящик воды и экономная бутыль аспирина. Я не могу раздать всё, но что-то мы можем дать этим людям.

- Похоже, у них есть книги. - добавила Сесилия, паркуясь, - Может, у них найдётся что-нибудь для Джареда.

Ему была нужна новая книжка. Мы могли только многократно перечитывать - Гарри Поттер и Орден Феникса-. Он говорил нам, что это лишь середина повествования.

Я вышла из грузовика. Мужчина в сломанных очках направился к нам, но я оставила Сесилию разговаривать с ним. Она у нас самая общительная.

Какая-то старая одежда и одеяла лежали в стороне. Затем ряд DVD-дисков. Я посмотрела, нет ли среди них -Секретных материалов-. Мы потеряли свою коллекцию, когда рухнул наш дом. Электричество до сих пор было нестабильно, чтобы смотреть DVD, но когда оно вернётся, мой брат будет скучать по ней.

На дисках оказались в основном индийские фильмы, и я направилась к книгам. Это бульварное чтиво, много классики, но посредственной, на мой взгляд. Я знала, что следовало сохранить -Моби Дика- или -Великие ожидания-, но не могла заставить себя сделать это. Наконец я заметила красно-чёрную обложку.

Я нашла её. Радость сделала меня рассеянной и безмятежной. Я повернулась, готовясь позвать Си, чтобы показать ей, что я нашла, но из-за невнимательности столкнулась с каким-то парнем.

Он был выше меня, и моя голова была на уровне его плеч. Моя щека прошлась по мягкому хлопку его рубашки, когда я налетела на него. Он ойкнул и выронил все книжки из рук. Я остановилась, чтобы убедиться, что не упаду, и посмотрела на его лицо. Даже если это была не моя вина, я хотела извиниться.

Но слова застряли в моём горле.

- Простите. Вот что бывает, когда таскаешь слишком много вещей. - сказал он с неуверенной улыбкой, говорящей о том, что он немного смущён.

И внезапно всё вокруг меня замерло. Голоса других людей, шум ветра в кронах деревьев стихли, и всё, что я видела, это был этот парень напротив меня. Всё в нём было знакомо. Волнистые волосы, чёрные глаза, застенчивая улыбка.

Я закрыла глаза, чтобы убедиться, что я это не представила, что солнцепёк и недостаток сна не сыграли со мной шутку, но когда открыла их, он всё ещё стоял передо мной.

Как будто, материализовавшись по моему желанию.

- Бен? - прошептала я, так как моё тело застыло, будто боясь спугнуть видение.

07:00:40:53

Бен покраснел и это было всё, что мне было нужно.

Как будто, он никогда не уходил, как будто, всегда был со мной, обменивался улыбками и взглядами со мной. И мы краснели, так как хорошо помнили, каково это, таять в объятьях друг друга, целоваться, позабыв, насколько сложный этот мир.

Я взвигнула и заключила его в объятия. Я не спрашивала, что он тут делает, как долго его не было или почему он не пришёл, чтобы найти меня. Я просто притянула его к себе и держала со всем, что у меня было. Я упивалась его реальностью. Ощущением его под моими руками, теплом его кожи, мускулами в его руках, дыханием в его груди. Он был настоящий.

Только какой-то не такой.

Обняв его, я поняла в чём разница.

Не только в том, что он был безвольным в моих объятиях, как человек, в которого вцепилась совершенно незнакомая ему женщина. Он не ощущался родным и знакомым, и пах по-другому - пряностями и мокрой травой.

Я знала, что это должно означать.

В возбуждении, я отшатнулась от него и стала говорить что-то бессвязное. Не знаю, что я говорила, должно быть пыталась неуклюже извиниться, потому, что он пожал плечами и провёл рукой по своей голове. Затем открыл свой рот, чтобы что-то сказать перед тем, как снова замолчать.

Сердце колотило в моих ушах и ком застрял в горле. Волна отчаяния захлестнула меня, вызвав слёзы в глазах и оставив пустоту в груди. Это несправедливо.

Я взглянула на него снова и теперь отличия буквально бросились в глаза. Его причёска слишком короткая, глаза светлее и, возможно, не такие печальные, грудь шире, и одет он в шорты цвета хаки и кофту с аббревиатурой NFL. Я

поборола острое желание расшвырять его кроссовки Адиdas.

Этот парень не был моим Беном, а был чужаком, носящим его лицо.

Потому, что вселенная не одна. Их много. Это мультивселенная. Существуют тысячи вселенных, и теория, согласно которой, они могут стать параллельными, но когда разные люди в разных вселенных делают разный выбор, результаты тоже разные.

Каждый в этом мире может иметь двойника где-то вне его, и не одного. Могут быть и другие версии меня, живущие в разных мирах.

Могли быть и другие версии Бена.

Вот как этот.

07:00:38:22

Я думала о моём Бене Митчеле каждый день.

Все сто сорок из них.

Я стараюсь чем-нибудь занять себя, и большинство дней я могу вытолкнуть мысли о нем из своей головы, но я не могу забыть его. Я делаю что-нибудь обыденное - дразню Джареда и взлохмачиваю его волосы, или помогаю Сесилии в эвакуационных убежищах, и вспоминаю Бена или то, как он говорил мне что-нибудь поразительное.

Как-то Си и я заполняли бензобак, и я сказала ей, - Я всегда любила запах бензина.

И вдруг мной овладел момент, и я была где-то еще-- Бен и я стояли снаружи Kon-Tiki Motorcycle в Pacific Beach, ветер дующий с океана, моя кожа чувствует себя странно пустой и открытой. Мои пальцы переплелись с его, я приблизилась к нему и упёрлась лбом ему в грудь. Его тело было расслабленным, как если бы оно плыло по волнам. Его свободная рука поднялась, и его пальцы скользнули по моим волосам, прежде чем его рука легла между моими лопатками, и я прошептала его имя.

Иногда, на секунду, я теряюсь в воспоминаниях, и чувствую себя легкой и счастливой. Легкомысленная улыбка расплывается на моем лице, и у меня

такое чувство, будто он здесь.

Почти.

Тогда на меня наваливается тяжесть реальности, и я вспоминаю, что я одна. Что Бен ушел.

И мое сердце словно разрывается снова и снова.

Ночи хуже. Я не сплю и думаю о том как губы Бена касались моих губ, или силу в его длинных пальцах и их прикосновения к моей коже. Иногда не хватает его инстинктов-- Я помню, как это было, его руки обнимали меня, и я могу чувствовать их отсутствие.

Больше всего мне не хватает его улыбки.

Но это не мой Бен Митчел.

07:00:38:21

Мы стоим там-я и этот незнакомец-минуту, не зная что сказать. Я все еще не могу поверить, что он реален. Бен говорил мне, что никогда не сталкивался со своим двойником в этом мире. Я думаю, что даже не предполагала, что он может существовать.

Парень должно быть понял, что я приняла его за кого-то другого, потому что сказал, - Я только что переехал сюда из Сан-Клементе. - Жестом он подозревал другого парня, у себя за спиной, более худого, и с более короткими темными волосами, но с теми же кудряшками на кончиках, и такими же глубоко посаженными глазами. Он выглядит почти идентично. - Мой брат и я приехали сюда после того, как землетрясение разрушило наш дом. Мы слышали, что здесь больше еды.

Его брат - Дерек.

- Это благодаря присутствию военных, - бормочу я. Надеюсь этого ответа достаточно. Я не могу заставить себя сказать что-то еще. Я слишком занята, глядя через его плечо. Его брат так на него похож, только на более старую версию. Я не спрашиваю, что случилось с их родителями или, как они жили раньше. Я просто смотрю.

Наконец, двойник Бена что-то сказал полу хрюкнув, полу пробормотав, затем нагнулся и начал собирать упавшие книги.

Я хотела помочь ему. Я столкнулась с ним, поэтому он уронил книги, но по каким то причинам я не могла помочь ему. Я не хочу заводить с ним беседу. Я не хочу знать кто он или почему он здесь, или что ему нравится. Это не имеет значения. Его сходства и различия будут чувствоватьться. Они причинят боль.

Я смотрю через плечо. Сесилия вручает две бутылки воды парню с разбитыми очками, но смотрит она на меня. Я хочу убраться отсюда.

И я ухожу.

Я возвращаюсь к машине, хватаю Сесилию и тяну ее за собой.

- Эй, подожди, это Бен Майклс? - говорит она. - Боже, я думала-

- Это не он. - Я не хочу объяснять, то немногое, что знаю о мультивселенной и двойниках. Не сейчас.

- Но-

- Си, я сказала это не он. У них есть, то что ты хочешь?

Сесилия качает головой.

- Мы можем убраться отсюда?

Она должна видеть это на моём лице, всё что я чувствую. Или может быть это просто её внутреннее чутьё которое знает что тема закрыта. В любом случае она кивает и идёт в сторону водителя. -Поехали отсюда.

Я сажусь в машину, дверь захлопнулась за мной.

Сесилия заводит машину и мы уносимся, оставляя двойника Бена позади. Я сжимаю мои руки в кулаки, чтобы унять дрожь, и кладу голову на спинку сиденья.

Через некоторое время, я поймала её взгляд, и я знала что она хочет спросить меня об этом. Но она не знала как. Потому что это усложнило бы нашу дружбу. Мы дразнили друг друга - она слишком мужественная, а я слишком

раздражительна - но мы дополняли друг друга.

Поэтому она знала когда мне надо побыть одной.

Я думаю о Бене Митчеле всё время.

Иногда я задаюсь вопросом, что если бы я выбрала неправильно - если бы попросила его остаться. Что если бы я снова вернулась в тот день, интересно, сделала ли бы я тот же самый выбор.

В основном, мне было интересно, увижу ли я его снова когда-нибудь.

06:12:21:53

12 часов спустя, я прибыла в Qualcomm и снова увидела Сесилию. Её дядя бежал на стадион перед землетрясениями. Теперь это большой эвакуационный лагерь в Сан Диего, и является семейным делом.

Обычно мне нравится здесь. Что-то в Си, принявший лагерь и всех её жителей, как и её личная ответственность заставляет чувствовать себя менее мрачной. Проводя время вместе и заправляя здесь всем, начинает казаться что это нас сплачивает вместе.

Но не сейчас. Это не такой визит.

Когда она увидела меня, она не могла не съехидничать. -Там другая пропала без вести-, она сказала, её блондинистые волосы почему то растрёпаны, возможно был хвостик. Её серая футболка в грязи, а её джинсы разорваны в нескольких местах. Я никогда не задумывалась, как это, когда на твоих плечах лежит груз ответственности за часть города - часть бездомных - теперь я знаю.

Наша пропавшая без вести - это Рени Адамс. Ей 22 года, и согласно описанию, она 5,4 фута и худая, с каштановыми волнистыми до плеч волосами, и карими глазами. Одета в белый свитер с длинными рукавами, джинсы, шлёпанцы, портмоне и золотое кольцо. Она работала в центре города, и до землетрясений жила с парнем в Pacific Beach. Он считается погибшим и она прибыла в Qualcomm после того как на её глазах рухнул её дом.

Выделена койка на клубном уровне в отделе 47, одна из областей предназначенных для одиноких женщин, Рени замкнулась в себе, она в основном спала, чем бодрствовала, и много плакала. Она была даже занесена в список склонных к самоубийству, к ней был прикреплён советник.

Однако она была на дневной группе терапии. И в этот момент, в полдесятого вечера в понедельник - спустя три часа после комендантского часа - её нигде не

было в отделе 47. Все объявления по стадиону были тщетны. Её койка была пуста.

За исключением порванной простыни и крохотного, пожелтевшего осколка, который походит на часть ногтя.

Я держу линейку между пальцами в перчатках и фотографирую его размеры. Четыре и три четверти дюйма в длину, половина дюйма в самом широком месте, этот ноготь может быть ее.

Я представляю, как девушка падая с кровати, протягивает руки, чтобы схватиться за что-нибудь-хоть за что-нибудь-и зацепляется за простынь. Только простынь не такая сильная, так что она рвется, и девушка оставляет частичку себя позади.

- Когда она пропала?- спросила Дейдра, её голос тихий, но в нём чувствовалась тяжесть.

Я не смотрела на Сесилию, когда она говорила, что не знает. Она пытается выглядеть спокойной и ответственной, пытается сосредоточится, но её глаза покраснели, а лицо покраснело из того что она много плакала.

Дейдра была агентом ФБР чуть больше 10 лет. 8 лет из них она работала с моим отцом. Она не знала Сесилию так, как я, но она может распознать невиновного.
-Сесилия это не ваша вина. Лучшее что вы можете сейчас, это дать нам информацию.- Перефразировав, она сказала, - Когда вы видели её в последний раз?-

Сесилия сглотнула. - Она пропустила групповую встречу вчера, и поэтому кто-то решил проведать её после того, как она не пришла сегодня. Я говорила с каждым, кого смогла найти, но она знала мало людей, или я думаю не многие её знали. Таким образом, последний раз её видели в пятницу в вечерней терапии в 4 часа.-

Три дня.

Даже если я в джинсах и балахоне, меня знобит. Мой отец говорил что, если человека не находят в течении 24-х часов, то шансы, что вы найдёте его живым равны десяти процентам. И эти шансы уменьшаются с каждым часом.

-Я пойду поговорю с советником,- сказала Дейдра, и я могу сказать по её тону, что она говорила это Сесилии, а не мне. Мы открывали много раз эти файлы; такова процедура. - Как закончите встретимся у рампы. Сесилия, если ты вспомнишь сто-нибудь--

-Конечно,- сказала Сесилия, её глаза расширились и стремились понравится. Её светлые волосы подскакивали с каждым кивком головы. -Я скажу вам сразу же.-

Как только Дейдра скрылась из видимости, плечи Сесилии поникли и она тяжело села на пол.

После того, как я делаю еще пару снимков, я записываю оставшиеся детали - кошелек Рене все еще здесь, валяется на полу вместе с телефоном рядом с чем-то, похожим на каплю крови - я поворачиваюсь и смотрю на Си. - Я не знала ее, - говорит она.

- Здесь так много людей. - Мы обе понимаем, что ей просто нереально знать всех. Даже такой очень общительный человек как Си не может познакомиться со всеми на стадионе, забитом переселенцами.

- Но я ничего не знаю о ней. Правда, - сказала она, скрестив руки на груди. - Только её имя и то, что говорят люди о ней.-

Я хочу сказать что-нибудь утешительное - это то, в чем Сесилия нуждается от меня прямо сейчас - но все, о чем я сейчас думаю прозвучало бы слишком слабо. Тон может огорчить человека, независимо от того, сколько слов вы используете.

- О! - Сесилия выпрямилась. - Я забыла. Кто-то говорил мне, что они думали, что Рене делала что-то с компьютерами. Знаешь, как работу. Они не были уверены в этом, но что-то очень крутое. Она как-то говорила об этом ночью, о том, что она потеряла свою работу, и как теперь, без компьютеров, она практически деградирует.

- Я положу его в файл, - сказала я.

Сесилия смеется. Горечь в ее голосе звучит как-то неправильно. - Она думала тогда, что она деградирует. Интересно, что она думает сейчас.

Хоть я и знаю, что это не поможет, я все равно говорю. - Это не твоя вина.

- Как она могла исчезнуть вот так? - спросила она, собирая ее ногти. - Как мог любой из них? Дженифер Джойс или Клинтон Нельсон или Дэвид Боннелл или-

Я перебиваю ее до того, как она перечислит все имена. Истина в том, что она права. Мы не должны были потерять столько людей сейчас. Но я этого не говорю. Вместо этого, я говорю, - Я не знаю, но эти подростки и взрослые. Ты не можешь нести ответственность за них.

Она посмотрела на меня, и наши взгляды встретились впервые за сегодня.

Её голубые глаза остекленели, и я хотела её подбодрить, поэтому я хотела сделать что-то - хоть что-нибудь - что в моих силах.

- Кто знает, может они даже не пропали, - говорю я. - Может Рене Адамс ушла.
- Слова застревают в горле. На языке нескладная ложь. Тот, кто оставляет половину ногтя, не уходит без последних вещей, принадлежащих ему.

Сесилия просто качала головой и смотрела в сторону.

Она знала что я делаю: что большинству людей здесь некуда идти.

-Мы никого не нашли,- сказала она, её голос оборвался в конце предложения.

Я сжала губы и пыталась думать о чём нибудь полезном, чтобы сказать что то, что заставит чувствовать её лучше. Но она всегда была в этом лучше чем я

-Куда все подевались?- спросила она.

Я не ответила, потому что хоть убей, я не знала.

06:12:14:43

Сесилия и двое вооруженных охранников из эвакуационного центра сопровождают Дейдру и меня обратно к машине.

- Не волнуйся, все наладится, - лгу я, пока обнимаю ее.

Затем Дейдра и я в машине проезжаем через лабиринт - автостоянку. Мы молча страдаем в тишине несколько минут, Дейдра прижимает друг к другу губы, и хмурит брови - это ее постоянное лицо. Я кратко задаюсь вопросом, будет ли она смеяться или улыбаться еще когда-нибудь, как она привыкла, а потом она говорит, - Еще один.

Я не отвечаю, потому что и не надо.

Мой отец работал в -Пропавших без вести--это была его первая работа, в качестве аналитика в бюро в 90-е годы. В его первый год было 67,806 случаев пропавших в США. Помню, каким огромным числом мне показалось это тогда.

Но это было, когда он был жив.

Больше оно не кажется таким огромным числом.

Потому что, на сегодняшний день числится 113,801 пропавших человек. И это только в округе Сан-Диего.

Рене Адамс под номером 113,802.

06:11:52:37

Автомагистрали между штатами потрескались, разрушились, наполовину упали, и неустойчивы, так что мы едем по проселочным дорогам. Они были

очищены, но все равно не в лучшем состоянии. Я держусь за ручки, чтобы не врезаться телом в дверь. Мы не разговариваем, потому что фары позволяют Дейдре видеть только около 10 футов дороги перед ней. Дорога ухабистая, мы едем в тишине и темноте.

Мы проезжаем первый военный контрольно-пропускной пункт на Аэро Драйв, а потом еще один на Бальбоа Авеню, без инцидентов.

Каждый раз Дейдра останавливалась машину и это утомляло. Морпех с автоматом надетым через плечо, светила фонариком в машину. Дейдра держала оба наших документа, и когда нас узнали, Морпех кивает и говорит нам проезжать.

Пока мы едем, я стараюсь не смотреть в окно. Там темно, и невозможно что-то увидеть. Но я знаю, что там. Я знаю, что Walmart на Аэро Драйв пережил землетрясение с минимальными повреждениями, только чтобы быть разграбленным. Легко вспомнить прошлый раз, когда я там была. Хруст битого стекла под моими ногами, густой дым, запах огня и горящей пластмассы и тело мертвой беременной женщины, убитой от травмы затылка.

Слишком легко помнить. Каждый раз, когда я закрываю глаза, я хочу забыть.

Вокруг Бальбоа есть дома которые ещё стоят, а некоторые даже пригодны для жилья - но по большей части всё иначе. Эти не так повреждены, как те которые находятся в окрестностях, где лежат руины.

Я с трудом могу вспомнить, как здесь всё выглядело раньше.

Я закрываю глаза и пытаюсь ни о чём не думать - абсолютно ни о чём. Я хочу очистить свой разум. Но эта тьма, как черная дыра, как портал, и вдруг я вижу Бена, его тёмные глаза и его мягкие каштановые волосы. Я могу видеть на его лице взгляд и он говорит, - Я вернусь к тебе.- Когда он сделал ещё один шаг назад и пообещал. Когда он остановился, сказал моё имя, сказал что любит меня портал закрылся и засосал его в темноту.

Немного задыхаясь от боли, я крепко сжимаю каблуки в руках, как будто это поможет избавиться от воспоминаний.

06:11:37:11

Третий пропускной пункт на Бульваре Клермонт Меза. Мы мигнули 2 раза фарами и Морпех с автоматом сигнализировал о предстоящей остановке. Дейдра медленно подъехала, затем опустила окно и показала наши документы.

Но вместо того, чтобы пропустить нас, он держал их и не отдавал, проверяя фонариком каждый угол нашей машины.

Вначале я была раздосадована. Мои силы были исчерпаны, всё тело болело и я была раздражена. Мы должны быть в одной команде - хорошие парни - и вот мы задержаны каким - то подражателем героя.

Но когда он не отдал наши документы, струйка страха холодом прошлась по мне. Я немного дрожу и сижу прямо.

Что то не так.

Он посмотрел наверх и сказал,-Какие у вал дела на этой дороге?- Его голос низкий и я не признаю его. Он либо новичок на этом пропускном пункте, либо новичок в ночную смену.

Моё сердцебиение ускорилось, сердце колотится очень быстро.

У Дейдры было терпение святого, поэтому она не зациклилась на этом парне. Вместо этого она спокойно объяснила,-Мы просто едем из Qualcomm. Ещё один пропавший человек, находящийся под угрозой исчезновения, вторая категория.

Находящийся под угрозой исчезновения означает, что это выглядит как случай похищения, а не так что кто-то сбежал или пропал и считается погибшим в одном из стихийных бедствий. Категория 2 означает возраст от 16 до 24 лет.

-Вы можете выйти из машины, пожалуйста?- сказал он, и моё дыхание участилось.

Дейдра должно быть чувствовала тоже самое потому, что она сказала, - Серьёзно?-

Он ждёт, чтобы мы вышли. Я успокаиваю дыхание и руки, чтобы расслабиться. Сжатые кулаки точно не говорят о сотрудничестве.

Дейдра открыла дверь и взглянула на меня. Я должна быть слепой, чтобы не увидеть этот взгляд. Он говорил, не делай глупостей. Я не нуждалась в напоминании. Прежде чем объявили военное положение, некоторые люди дрались с армией - было даже несколько случаев после его принятия, люди не хотели верить что мир изменился, люди которые отказывались отдавать свои права.

Эти люди в конечном итоге умерли.

Страх засел у меня в груди, и я открываю дверь.

Выходите живо из машины, я сразу подымаю руки, скрещиваю пальцы и кладу их за голову. Я дышу равномерно и говорю себе, что знаю это упражнение. Что я должна подчиниться этой процедуре.

Через несколько минут мы вернёмся к нашему пути.

Два Морпеха в полном камуфляже шагнули из темноты. Один из них навёл на меня оружие.

06:11:33:28

Другой Морпех приводит в порядок своё оружие у него за спиной и говорит,-У вас есть какое либо оружие?-

-Нет, сэр,- сказала я.

Он кивнул и начал ощупывать меня.

Я почти сказала ему о моём оружии в бардачке, но передумала.

С одной стороны он не спросил. А с другой ему не нужно было знать об этом.

Всё моё тело напряжено, готовое к чему то-бороться или бежать, я не уверена. Может быть я ещё просто по природе устойчива к некоторым парням с оружием. Я видела как 2 Морпеха обыскивали машину, и я слышала приглушенный голос Дейдры, хотя я не могла разобрать ни слова.

Я пыталась успокоить свое дыхание и немного расслабиться.

Морпех посочувствовал мне. Он молод и напоминает мне об Алексе - не потому, что они похожи, а потому что 4 месяца назад, этот парень возможно был в средней школе.

-Можете опустить руки,- сказал он мне, добавив, -всё чисто.-

Не в первый раз, я думаю если Алекс был призывником, то значит что он не погиб в Park Village. Волна вины и сожаления вдруг нахлынули на меня, оставляя боль в груди и горький привкус во рту. Я сделала много ошибок и Алекс заплатил за худшие из них.

Я слышала, что Дейдра открыла дверь машины. -Дженнель, садись.-

Я не стала колебаться. Я прыгнула внутрь и хлопнула дверью.

Я жду когда Дейдра заведёт машину. Её движение неторопливые и целеустремлённые, не похоже, что мы убегаем. Хотя я понимала психологию этого, я снова чувствовала паническое желание быстрее уехать.

Я держусь невозмутимой, пока заводится двигатель. Когда мы поехали, медленно удаляясь от фонарей и оружия, я пытаюсь осознать затаив дыхание.

-Всё хорошо,- сказала Дейдра, её дрожащий голос повторял это, пытаясь убедить в этом ни сколько меня, а себя.

-Я знаю,- сказала я, так чтобы она не беспокоилась, но потом я прислонилась лбом к холодному стеклу, и чувствовала, как пульс звенел у меня в ушах.

Или она убеждена, или разговор помогает ей успокоиться, потому что она продолжала, -Они остановили водителя за 15 минут до нас. У него не было никакого объяснения что он здесь делает после отбоя, и когда они попросили его выйти из машины, он покинул машину, обезоружил одного морпеха, а другому сломал нос. Они потеряли его в темноте.-

-Он сбежал?- спросила я удивлённо. Морпехи на КПП хорошо обучены и экипированы. Вероятнее бы предположить, что побег от них закончится травмой или смертью.

Дейдра кивала. - Подозреваемый мужчина, рост примерно шесть футов, на вид 20 лет с лохматыми тёмными волосами, голубые глаза, и светлая борода. Он был одет полностью в чёрное и армейского вида ботинки.-

Она остановилась, и я ждала когда она продолжит. Там очевидно больше.

Я уставилась на неё, но она больше ничего не сказала. Её лицо как маска, она смотрит в лобовое стекло, но затем она сжимает губы вместе, машина медленно останавливается, и она посмотрела на меня.

Она повторила описание, хотя в этом не было необходимости. -Звучит знакомо?-

Я отвернулась. Конечно.

Именно так я бы описала агента Интерверс, чья политика мультивселенна. Агент, который проник в ФБР, когда пытался остановить Волновой распад. Агент, с которым у меня нет никаких отношений.

Тейлор Барклай.

06:11:27:56

Я не сказала имя Барклая вслух, как будто проговаривая эти слова, они каким то образом сбудутся.

Дейдра добавила, -Они послали команду на его поиски, но он как сквозь землю провалился.-

По моим рукам и шее пробежал холодок. Эти дни обретали новый смысл - по нескольким причинам. Во - первых, потому что мы потеряли многих людей. Но ещё потому, что я видела людей исчезающих прямо передо мной.

Я видела чёрные дыры которые открывались из ниоткуда, круговые порталы в другие миры, семь футов или выше, как своего рода большой бассейн смолы. Я

почувствовала понижение температуры, как воздух вокруг меня вдруг стал разного качества и запаха - влажный, бесконечный, открытый. Я наблюдала за людьми, которых засасывали порталы и покидавших эту землю.

И это не в первый раз когда я подумала, что мой мир и порталы как то связаны.

Людей, исчезающих в воздухе, встретишь не часто.

06:11:20:45

Мы не имеем никаких ответов-просто слишком много предположений,-когда, наконец, проходим через службу безопасности и останавливаемся в отеле Мирамар.

-Ты скажешь ему или это должна сделать я? - спрашивает Дейдра прежде чем мы выйдем из машины. Я знаю, что она все еще злится, я никогда не говорила ей о том, что прошлой осенью, пока не стало слишком поздно. Я имела неосторожность держать все это в себе. Как только мы обнаружили, что творилось с порталами, Алекс хотел, чтобы я сказала Стразу что происходит на самом деле, я не хотела.

И я знаю, что это, наверное, главная причина, почему Алекс мертв.

Мне придется с этим жить.

- Я скажу ему, - говорю я.

Дейдра кивает, и мы выходим из машины. Она направляется к себе в квартиру, а я иду квартиру, которую делю с Джаредом и Стразом. Это двухкомнатная квартира с военной обстановкой, которая означает, что все темно-серых, мягко, но крепко, и мы имеем вода в бутылках, сложенную в каждом шкафу, которых больше, чем у многих других людей. За последние сто пятнадцать дней, мы все чаще называем это домом.

-Чувак, я уже начинаю чувствовать себя забытой домохозяйкой,- говорит Джаред с улыбкой, когда я захожу. В комнате темно, но у него есть книга в мягкой обложке на коленях и он зажег свечу на столе рядом с креслом, которое он начал называть своим. Электричество в дефиците; источники объединены и в результате все должны использовать один и тот же источник-к счастью, на базе есть дровяная плита.

- Ты сделаешь мне ужин, по крайней мере?- Я говорю шутя, хотя по иронии судьбы это словно ржавый нож в моем кишечнике. После того, как я так старалась удержать его от слишком быстрого взросления, несколько последних месяцев оказались вне моего контроля.

-Там на стойке холодные консервированные спагетти.

Еда нормируется и раздается раз в неделю, это одно из моих многочисленных рабочих мест. Сейчас мы имеем дело с продуктами длительного хранения, потому что это все, что есть. Такие продукты, как фрукты, овощи, молочные и мясные уже все закончились. Каждый работает на ферме чтобы все восстановить, но я не знаю, сколько времени это займет. И не уверена, что у нас есть план что делать, когда консервы закончатся.

Вода-это самое худшее. Можно вскипятить воду, чтобы очистить ее от последствий пожаров, но водопроводная вода в самой Южной Калифорнии непригодна для питья. Военные делали поставки, принося бутилированную воду, которая складировалась в Федеральном агентстве по управлению в чрезвычайных ситуациях. Страз продолжает говорить, что все будет лучше, но все хуже, чем было-всю зиму будет трудно, труднее для людей в странах с холодным климатом, еще труднее для людей более бедных слоев населения. Это своего рода афтершок (повторный толчок).

-Невозможно не полюбить консервированные спагетти, - говорю я со вздохом. Я голодна, но сначала я иду к Джареду, чтобы взлохматить ему волосы. - Ты наелся?

Он поднимает книгу и закатывает глаза. -Даже не пытайся отдать мне свой ужин снова.

Я не отвечаю, потому что именно это я и пытаюсь сделать. Вместо этого я говорю, - Как в школе?

-Так себе, - отвечает он. - Я не знаю, кто решил, что было бы хорошо учиться по воскресеньям, но они должны быть похищены инопланетянами.

Школы закрылись, когда произошло землетрясение, но они открылись снова- большой доступность зал вместо класса, и они открыты каждый день. Джаред ходит до старой школы Mira Mesa каждое утро с другими детьми, которые живут на базе. Седьмые классы старше занимаются в тренажерном зале, а все остальные в столовой. Я ходила в первые несколько недель, но Джаред прав, это не самая удачная идея.

Правда, организованная школа удерживает детей от неприятностей. Это слабое ощущение нормальной жизни, чтобы сдерживать истерику. Вот почему существует школа по воскресеньям. Вместо этого я говорю, - Есть время наверстать упущенное.

Джаред хмурится, но не пытается выразить свое мнение по поводу моего отсутствия в школе. Это обсуждение считается давно закрытым.

Я расчитываю сдать GED и эффективно закончить пораньше. Так и сделали большинство людей, которых я знала с востока. Многие из них связались с красным крестом, чтобы помочь восстановлению. Вот что Кейт и Ник делают.

Тот, в ком немного больше хардкора сдал ASVAB, военные вступительные экзамены и вступил в армию.

Я сейчас нахожусь здесь из-за Страза. После того, как я “закончила”, я пошла дальше с тестами и обучением стрельбе из огнестрельного оружия. Затем Страз подpisал меня на работу в ФБР-так что я, в сущности, нечто среднее между учеником и временным работником. Он поставил меня в паре с Дейдрой из-за ее опыта и сказал мне, что он ждет, чтобы отправить меня в колледж после того, как все вернется к нормальной жизни.

Мы не знаем, когда это произойдет, хотя, и я еще и не знаю, что хотела бы сделать со своей жизнью, во всяком случае. У меня действительно не всегда есть конкретные планы, но я хотела бы поступить в колледж, путешествовать, обучаться за рубежом. Я хотела бы иметь шанс выяснить, чем были мои мечты. Алекс хотел следовать по стопам моего отца. С этим он ушел, и я чувствую, что я обязана делать то, что он не может - бороться с плохими парнями и все такое.

Живот Джареда урчит, но я не обращаю на это внимания. - Как нога? - Я спрашиваю.

-Нормально, - говорит он, но его лицо кривится и я знаю, что это не так. Он сломал ее во время землетрясения, и даже если он сейчас здоров, он не так силен, как прежде.

Я опираюсь на него и напоминаю себе, что могло быть и хуже. Сын Дейдры потерял руку, и ее дочь не разговаривает, потому что мир изменился.

-Что ты читаешь?- спрашиваю я, фокусируясь на книге, что заставляет меня думать о двойнике Бена и, насколько возможно, мне следовало помочь ему забрать книги, которые он выронил из-за меня-может быть, мне следует с ним поговорить-и я должна выкинуть его из моей головы.

Глаза Джареда загораются. - Это супер круто. Страз нашел ее где-то. Некоторые страницы повреждены водой, но прочитать все еще можно. Это про парня, который только вышел из тюрьмы и едет на прогулку до Аляски, и находит сбитый самолет, с женой президента на борту, и она мертва.

- Авиакатастрофа?

- Нет, ее точно убили люди, - говорит он, вставая. - Мне нравится только пятьдесят страниц. Это офигенно. Она тебе понравится. - Потом его лицо становится серьезным. - Ты в самом деле не голодна? Потому что, если голодна, ты должна поесть, но если ты не . . .

Я отрицательно качаю головой. - Попробуем. Страз вернулся?

- Да, он собирает рации.

Я киваю и иду через раздвижные стеклянные двери на крыльце к пяти квадратным метрам газона, что мы называем двор. Страз сидит в одном из двух складных стульев, а его ноги делают его слишком большим для кресла, словно это детский стул или еще что. Он не уделяет мне много внимания, после того как раздвижная дверь закрылась позади меня. Он держит рацию возле уха и мощный фонарик изучая карту Сан-Диего на садовом столе.

- Новые приказы президента, - голос потрескивает по радио, за которым следует более горький смешок, и мне интересно, что это за приказы. И та часть беседы, которую я упустила.

Страз вздыхает и говорит - Я посмотрю, что можно сделать.

Настоящий президент, тот, кто был избран когда мир изменился, находится в коме, а вице-президент мертв. Спикер палаты является сейчас президентом, и, по-видимому, он что-то вроде шутки. Предполагалось, что это будет год президентских выборов, что означает, что менее чем за год мы могли бы избрать нового президента, но это потребует контроля над голосованием, и я сомневаюсь, что это произойдет.

Неважно, впрочем. Правительство у нас не работало для такого масштабного кризиса. Если бы Сан-Диего был единственным пострадавшим городом, или даже если бы она произошла только в Калифорнии, остальные страны будут посыпать нам помощь пойдут по жизни как обычно.

Но пострадало все. Никого-неважно, кто они, ни где они живут, или во что они верили-не пощадило.

Первое, что и.о. президента сделал это приостановление личных свобод и объявление военного положения. С тех пор он принял временные действия, давая военным возможность призывать всех трудоспособных членов местных правоохранительных органов в целях сохранения мира и поддержания своего рода структуры.

Страз смотрит на меня и говорит - Ложная тревога? - Есть надежда на его лице, как и всякий раз, когда он спрашивает, но я не думаю, что это так же реально, как было раньше. Он все еще надеется, но больше не верит в это.

Я отрицательно качаю головой.

- Вы должны идти в постель. Завтра рано вставать. Я проверю твой отчет утром.

- А как насчет тебя? - спрашиваю я, потому что сейчас он так же плох, как был мой отец. Он почти не спит, и постоянно сидит со своей рапией рядом с ним в случае, если что-то случится.

- Это будет длинная ночь, - говорит он, тряхнув головой.

Я знаю, что лучше не спорить, поэтому ухожу. Когда открываю дверь, я слышу зернистый голос по радио, - Эй, Страз, мы получили доклады, еще один в Poway. Я получил команду по маршруту.

Еще один. Мне ничего не стоит, чтобы понять, что это значит. Это всегда одно и то же больше исчезновений.

Больше людей пропавших без вести.

06:11:01:03

Я поднимаюсь наверх и проскальзываю в свою спальню. В комнате пахнет вечнозелеными деревьями. Мы не ставили ставить елку на Рождество в этом году-очевидно, поскольку вокруг совсем нет деревьев - Джаред и Страз выкопали некоторые старые вечнозеленые-ароматические свечи и зажгли их по всему дому.

Я зажигаю свечу на тумбочке и стягиваю с себя джинсы, меняю свою футболку, затем тянусь под кровать за папкой с документами перед тем как заползти под одеяло. Файл потертый и немного потрепанный от постоянного листания, но это меня не остановит. Папка уже была такой, прежде чем передалась мне.

Откинувшись на подушку, я смотрю на ее имя-Эмили Бауэр. Синие чернила выцвели, будто время пытается стереть ее существование. На минутку я представляю себе какой была бы Эмили, похожа ли меня сейчас. Интересно, где и кем она была бы, если бы не пропала семнадцать лет назад.

Потом я открываю его - дело моего отца, которое я отказался выбросить.

Мне даже не нужно читать его-каждое слово запечатлевшееся в моей памяти в этой точке.

Файл это нерешенное дело 1995 года, первого года моего папы на работе, еще когда он искал пропавших без вести-по иронии судьбы, той же работой, которой я занимаюсь сейчас.

В семнадцатилетнюю девушку-капитан команды по плаванию, с академической стипендии USC, любимым человеком, друзьями, идеальной семьей с собакой и белым забором-пропала без вести из своей спальни. Все ее вещи были не тронуты, и оставались на месте. Нет незаконного вторжения, никаких следов взлома, ни одного, кто слышал или видел что-нибудь необычное-это было похоже на то, что она просто исчезла.

За исключением кровавого частичного отпечатка ладони на своей стене.

Я знаю дело достоверно теперь; оно было таким последние семнадцать лет, пока числилось за моим папой, и теперь, когда мир изменился, я знаю, что нет никакой надежды в его решении. Но это дело не отличается от тех, что мы имеем сейчас. Возможно, что-то мне поможет их решить. Кроме того, если мой папа был еще здесь, он бы по-прежнему просматривал файл каждый вечер, по-прежнему ища то, что он упустил.

Однажды, когда нам было двенадцать, Алекс спросил папу, почему он так держится за дело. Он сказал - Почему ты не сдаешься?

Это была суббота летом. Мы просто играли в одного из тех студентов малой Лиги игры в софтбол, и мы были потные и голодные, и мой папа доставал остатки пиццы из холодильника. Но когда Алекс спросил, папа остановился и обернулся. Его лицо было настолько серьезным, что даже тогда я знала, что бы он ни сказал, я этого никогда не забуду.

И я не забыла.

Он сказал - Отказ от чего-то признак того, что вам никогда не хотелось этого, это во-первых. Я никогда не откажусь от этой девушки. Я всегда буду искать ее. Даже если все остальные в ее жизни оставили это, я не успокоюсь до тех пор, пока не выясняю, что мы пропустили, и мы вернем ее обратно. До тех пор, пока она в безопасности.

Его здесь больше нет, чтобы отыскать ее, но я здесь и я не собираюсь отказываться от нее.

Кто знает-может, что-нибудь что поможет мне с исчезновении людей прямо сейчас.

Или это то, что я говорю себе. Другая причина, по которой я перечитываю этот файл каждый вечер, потому что мне нужно сосредоточиться на правде перед тем как лечь спать - о чем-то думать, потому что в тот момент, когда мой разум в измотан, если оставить его в таком состоянии, он не остановится, вспоминая.

Пули, руки Рида и Алекса на пистолете, кровь льется из отверстия в шее Алекса, глаза его стекленели, мои руки покрыты кровью.

Я не могу избавиться от этих изображений. Я вижу их каждый раз, когда закрываю глаза. Я вспоминаю эту ночь почти каждый раз, когда засыпаю. В мечтах, я стараюсь сделать другой выбор, но конечный результат всегда один и тот же.

Мой папа по-прежнему мертв. Больше не будет марафона - Икс-файлз- или плохи фильмы по кабельному. Алекс по-прежнему мертв-его кровь по-прежнему остается на земле недалеко от Вилледж парка-и он никогда больше не будет тащить меня на другой страшный фильм без сюжета. Он никогда больше не будет иметь возможность игнорировать его мать и отправиться в Вест-пойнт, вместо Стэнфорда. Он никогда больше не будет следовать своей мечте.

А Бен все-таки ушел.

05:17:37:43

На следующее утро я встала рано, а затем потратила весь день, доставляя пайки от базы в разные районы. Когда я вернулась домой, Страза не было. Джаред начал рассказ о своем понедельнике, прежде чем я даже попала внутрь, что-то о парне, ныряющем с небоскреба или что-то еще. Я знаю, что я не правильно слышу его, но весь день это ужасное чувство поднималось внутри меня, растекалось по венам вниз и отдавалось в костях. Все мое тело практически вибрирует.

Как-будто мое тело знает что случится что-то плохое.

- Чувак, если ты не будешь меня слушать . . .

- Джаред, извини, я отстала.

Я смотрю на моего брата-он должен ходить в монополии, и он играет против самого себя. Он смотрит на меня и говорит - Я установил все так, чтобы ты могла играть со мной, когда вернешься, а потом мне стало скучно. Но мы можем расставить все снова.

- Уверена, что это сработает, - говорю я. Я вдруг чувствую, что я слишком стара. Не физически, а просто потому, что я слишком устала, слишком напряжена и слишком много беспокоилась. Хотя здесь и нет никакой опасности Волнового распада и Оппенгеймер не ведет отсчет до конца света, это как будто я жду, что что-то пойдет не так.

Я сажусь на пол вместе с ним, и он начинает рассказ о том, как его класса посетил кинотеатр после школы. - Это было так здорово. М-р Хабли просто ворвался в театр, и мы пошли в самый большой зал, и что у него был другой учитель, который сидел с нами, пока он устанавливал проектор, и мы смотрели Миссия невыполнима 4.

Я не уверена, если это считается нарушением теперь, ведь театр был заброшен, хотя я предполагаю, что это все-таки частная собственность. - Ну, как фильм? - Я спрашиваю, хотя и уверена, что это было так же скверно, как и первые три.

Мои глаза горят этой мысли, потому что это то, что я сказала бы Алексу.

- Это было просто здорово. Та часть, в которой Том Круз летит вниз со здания была действительно крута. Может быть Сесилия сможет достать этот фильм для следующей ночи кино?

- Я спрошу ее, - сказала я честно, пока мы убираем дома с доски монополии.

- А что сегодня на ужин? - Джаред спрашивает. - Спагетти нет, верно?

Мы стараемся готовить что-то особенное по понедельникам. Я не уверена чья это была идея-моя или Страза, но мы все ели вместе, и тогда тоже. Это приятно.

- Я думала праздник макарон и сыра, консервированного горошка и курицы.

- Куриные консервы? - Джаред кривит лицо.

- Я могу себе представить, консервы хуже, - говорю я ему.

- Почему Вы не можете просто взять что-то получше от этого магазина? - спрашивает Джаред.

Я не говорю ему, нет ничего лучше. Вместо этого я говорю - Ух ты, Джаред, я не знаю, может быть, потому что это воровство?

- Все рано, большинство людей крадут вещи. - Джаред, начинает перечислять всех его друзей и удивительные вещи, которые им удалось съесть недавно.

Раздается стук в дверь.

- Могу поспорить, Страз забыл свои ключи, - говорит Джаред, подпрыгивая вверх от пола.

- Я могу заверить тебя, если Виктор Ле говорит, что ел филе-миньон прошлой ночью, то он либо имеет скот, в своем дворе или он лжет, - отзываюсь я после него.

Я слышу, как мой брат говорит что-то невнятное, а затем кто-то громко хлопая пинком открывает входную дверь.

У меня есть доля секунды, чтобы разработать стратегию, но я не знаю, с кем имею дело, так что я вскакиваю на ноги и иду в зал.

В моих дверях очертания человека, стоящего за моим братом. По его росту и телосложению, я знаю, что это не Страз.

Кажется весь воздух высасывается из комнаты. У меня нет абсолютно ничего, чтобы защитить себя, и этот парень мой брат.

Но когда он использует свою ногу, чтобы пинком закрыть дверь и регулирует свет в комнате, я понимаю, что это Тейлор Барклай.

- В чем дело, Теннер? Ты выглядишь так, словно увидела привидение, - говорит он с улыбкой.

05:17:21:49

Я на секунду расслабилась. Мое тело чувствует себя немного как желе, и я протягиваю руку, чтобы положил ее на стену. Хотя я уверена, что Барклай в моем мире-это плохой знак.

Он держит одну руку на плече Джареда. Мне это не нравится.

Барклай должно быть увидел изменение моей позиции. - Почему бы тебе не отправиться наверх, малыш?

Джаред смотрит на меня, и я киваю. Последнее, что я хочу, - это втягивать его в то, с чем связан Барклай, показывая на мою дверь. Мы оба наблюдаем, как он выходит из комнаты.

- Теннер, расслабься.- Он поднимает свои пустые руки и улыбается. - Я здесь чтобы просто поговорить. Я не хотел напугать тебя.

Его улыбка обезоруживает. Она легкая и вскользь, как будто мы давным-давно потерянные друзья и он рад меня видеть.

- Так ты приходишь ко мне домой и пугаешь моего брата?

Барклай пожимает плечами. - Я постучал.

- Чего ты хочешь? - Я спрашиваю, потому что, давайте смотреть правде в глаза, он чего-то хочет.

Его улыбка исчезает, и его брови сдвигаются, я вижу вспышку раздражения на его лице. - Мне нужна твоя помощь. Мне нужно, чтобы ты пошла со мной.

Он вытаскивает наладонник из кармана-я бы узнала один из них где угодно-и я

качаю головой. Я помню, как сильно меня обожгло последний раз, когда он потащил меня через портал, и подумала, что одна искры хуже всех наших пропавших людей. А что, если вот почему Барклай здесь? А что, если я следующая?

- Никуда я не пойду. - Я закусила нижнюю губу и обдумывала что делать дальше.

- У нас нет времени спорить прямо сейчас, - говорит он. - Я все объясню, как только мы уйдем отсюда.

В рукопашном бою я ничего не смогу против Барклая, пока я не смогу застать его в полной неожиданности и нокаутировать. Я уверена, что он имеет пистолет при себе, а я нет. Он также имеет (квантовой зарядное устройство) наладонник и, как результат, он имеет доступ к любой Вселенной. Я не смогу держать его подальше от нас.

Значит, я должна выслушать его.

- Если ты хочешь, чтобы я куда-то пошла с тобой, можешь объяснить это прямо сейчас, - сказала я, отодвигаясь. - Я не буду, слепо следовать за тобой через портал.

- Хорошо, хочешь чтобы мы поболтали, Теннер? Почему бы тебе не сесть, - говорит он, усаживаясь на нашем серо-коричневм диване с глупой, надменная ухмылка на его лице.

Я двигаюсь в гостиную и сажусь на диван, так далеко, как могу от него. - Так в чем дело?

- У нас проблема.

-У нас? - спрашиваю я, потому что есть Барклай, а есть я. Нет никаких мы.

Он обращает свои голубые глаза на меня и смотрит секунду. И тогда он говорит - Это Бен.

05:17:15:12

Мое сердце может на самом деле остановиться. - Что насчет Бена? - Мой голос слишком хриплый, слишком тихий. Он совсем не похож на мой собственный.

Барклай выпрямляется. - Ты видела его?

Я глотаю. Тяжело. - Нет, он вернулся в свою Вселенную.

Барклай кивает. - Если у тебя есть..

- У меня нет, - я настаиваю, и я ненавижу то, что я должна была сказать это снова.

Он кивает. - Пару месяцев назад я наткнулся на дело. Оно большое, Теннер, - говорит он, потирая руки. - Люди из разных вселенных исчезают. Их похищают.

Похищены. Как в похищении.

Сейчас он завладел всем моим внимание. Я чувствую свой пульс во всем теле, даже в кончиках моих пальцев.

- Все, что я имею это открытые сложно организованные точки, которые остаются непойманными долгое время,- Барклай продолжает. - Кто-то создал рынок торговли людьми. Они собираются в разных вселенных, похищают людей, а затем продают их в рабство на других землях.

- Торговля людьми? Как секс-рабы?

- Больше, чем что, - Барклай говорит с гримасой. - Думаю, об общей картине. Воровство людей из других вселенных, особенно вселенных, которые не имеют возможности путешествовать между вселенными. Никто не придет искать их, и им не нужно никуда идти. Выхода нет.

- А если нет страха быть пойманым, кто-то может превратить огромные прибыли путем продажи домашних рабов богатым в любой другой мир. Рабы на дешевую рабочую силу, рабов, которые могли быть солдатами в войне ты знаешь, и да, рабов для секса тоже.

Никто не придет искать их, и им не нужно никуда идти.

Я не могу застрять в этом. Я поняла что он говорит-что делает это идеальным преступлением-но есть что-то в моем мозгу, что имеет проблемы с пониманием. Каким эгоистичным и развратным должен быть человек, чтобы создать что-то вроде этого? Мне интересно, они ищут и выбирают людей с определенной целью, или они просто похищают их наугад и выясняют это позже.

Я думаю, что Рени Адамс, и я задаюсь вопросом, каким рабом она сейчас является. Эта мысль заставляет меня хотеть все бросить.

- Так что происходит здесь,-почему у нас так много пропавших людей? - спрашиваю, хотя я уже знаю ответ.

- Что? - Барклай спрашивает, прежде чем кивает и говорит - О. Да. Любой мир, который имеет низкую возможность перемещения между мирами будет огромной мишенью. Мир, который только что пережил катастрофу или войну, или какие-либо трагические события, конечно, станет, скорее всего, целью. Еще больше людей могут быть похищены в короткий период времени, прежде чем власти поймают виновных.

Что-то в том, каким образом он это говорит заставляет меня понять, что от здесь не по этому поводу. Он не заботится о Рени Адамс или любом другом из ста тысяч пропавших без вести людей что мы имеем в Сан-Диего.

- Так зачем ты здесь? - спрашиваю я.

- Мне нужно найти Бена, - говорит он. - И ты-единственная, кто может мне помочь.

- Я не видела его, Барклай, - я повторяю, и чувствую, как мое горло сжимается и горят глаза, когда я должна снова признать, что он не вернулся.

- Я знаю, - говорит он. - Но ты все еще можешь помочь мне.

- Я не собираюсь говорить ему делать что-то опасное, если это то, о чем идет речь, - говорю я, хотя от взгляда на лицо Барклая я могу сказать, что это не то. - Кроме того, то, что делает Бен имеет дело с торговлей людьми, если только . . .

Если только он пропал без вести.

05:17:11:02

Я не могу заставить себя даже озвучить эту возможность.

Барклай качает головой. - Это сложно. Как я уже сказал. Это громкое дело. Пропавших без вести никогда не было даже толком на моем радар - до нескольких месяцев назад.

- И что случилось потом?

- Детали не важны, но я начал искать пропавших людей по обычной схеме, как одолжение другу, только это оказалось не совсем обычно. Это большой, Теннер. Крупнейший рынок торговли людьми.

Все это имеет смысл, но . . . - Я по-прежнему не понимаю, какое отношение к этому имеет Бен.

Барклай колеблется. Он смотрит на свои руки, на секунду, и я замечаю, что он закусывает щеку изнутри. Я никогда не видела его таким взволнованным, как сейчас.

- Скажи мне, - говорю я, хотя и боюсь услышать это.

Затем он смотрит с жалостью на лице. - Кто-то с уникальными способностями-например, возможностью открывать порталы и путешествовать через вселенные мог бы легче обойти строгие правила межгалактических путешествий установленных АИ. (*агенство интерверс)

Мой разум подходит к логическому завершению, но моему сердцу нужна минута, чтобы наверстать упущенное. Потому что я не хочу верить, что это возможно. - Бен не может быть подозреваемым. Он..

- Ты знаешь, что Бен может делать,- говорит Барклай - Он главный подозреваемый.

- Но он дома.

Барклай качает головой. - Теннер, Бен не был в своем родном мире, на протяжении почти трех месяцев.

05:17:09:58

Я не могу дышать. На минуту, я не уверена из-за чего больше расстроилась - из-за того, что АИ подозревает Бена в торговле людьми или что он не дома, и он не вернулся ко мне. Где же он? Вся причина, почему он не остался здесь, это потому что я велела ему идти домой, к своей семье.

- Послушай, я знаю, что Бен не ?несет ответственность за это. Вот почему мне нужна твоя помощь,- добавляет Барклай.

Что заставляет меня вспомнить, что я знаю АИ и понимаю, что если Бен является главным подозреваемым, они, наверное, собрали команду для расстрела на месте, и я фокусируюсь на этом.

- Бен никогда не сделает ничего подобного, - говорю я. - Вы знаете его достаточно для этого.

Барклай кивает. - Я так и говорил, но никто из моего начальства не стал слушать.

- Что тебе от меня нужно? Показания или что? - спрашиваю я. Дав показания, я не могу рассчитывать на многое, но я знаю Бена. Я знаю его лучше, чем кто-либо другой. Я знаю, что это за человек, ошибки, которые он сделал, и то, что он сделал, чтобы исправить их.

Барклай качает головой, и что-то в его лице говорит мне, что его план более опасен, и может быть, даже меньше закончен чем-то вроде дачи показаний. - Мне нужно, чтобы ты помогла мне найти его.

Я чуть не рассмеялась. - Если он не дома и не здесь, у меня нет других идей. У вас есть ресурсы, которые я даже не могу себе представить. Каким образом я могу помочь? Кроме того, посмотри вокруг себя? Мой мир пытается восстановиться. Мне нужно быть здесь.

Он качает головой. - Я уже не по делу.

- Что ты имеешь в виду?

- Именно то, что и сказал.- Барклай вздыхает. - Я был отстранен от дела, потому что у меня слишком много связей. Они думают, что я лично связан с этим, поскольку я знаю всех игроков, участвующих в этом.

Он не должен говорить, что думает, что это чушь. Я знаю, что он делает, и он прав. Конечно, он вел дело, которое закончилось с участием Бена, а Бен стал мишенью в этом деле, и если он подозревается теперь, любое агентство захочет иметь агента, который знал подозреваемого, чтобы помочь.

Агенты отстраняются по одной причине: когда они становятся обузой.

Барклаю, похоже, не нравился Бен - раз он решил не стрелять в него, по крайней мере-но раньше у него не было никаких реальных связей с ним. Если Бен сделал что-то неправильно, Барклай не стесняясь делал то, что нужно. Это то качество в нем, которое я на самом деле уважаю.

Тогда возникает вопрос: кто думает, что он ответственен за это и почему?

- А что Эрик? - Говорю я. Эрик Брандт другой агент АИ и напарник Барклая. - Ты сказал, что он был твоим наставником. Он мог бы поговорить с кем-нибудь.

Барклай качает головой и когда он заговаривает снова, голос его хриплый. - Эрик мертв.

05:17:04:14

- Что? - я перестала дышать -Как?

- Официально, это был несчастный случай, - говорит Барклай. - Он был один дома, принимал душ. Он поскользнулся, упал, потянув занавеску за собой и ударил себя. Занавеска засорила слив и он утонул.

И если я еще не слышала скептицизм в голосе, я видела это на его лице, он добавляет, - Но, это не случайность. Кто-то убил его.

Я не согласна. Это похоже на сцену из одного из этих Пунктов Назначения - слишком много совпадений выстраиваются в очередь, чтобы случайно убить. Вместо этого я перехожу сразу к делу. - Кто мог это сделать?

- Я не знаю, - признается Барклай.

Я открываю рот, чтобы предложить свой вариант, но затем останавливаюсь и смотрю на Барклая. Он смотрит на меня, ожидая-даже предвкушающие. У него, очевидно, есть теория, и он хочет знать собираюсь ли я придумать что-то еще.

Я делаю глубокий вдох, потому что знаю, если я права, то я, может быть, впутаюсь в нечто огромное. - Когда это случилось?

- И я и Эрик написали об этом в наших отчетах как только поняли, что это именно рынок торговли людьми, а не только дело одного пропавшего без вести.
- отвечает Барклай. - Тогда мы были отстранены от дела. Я боролся с этим. Этот случай был для меня огромным плюсом в карьере, но Эрик сказал мне держаться в стороне от той информации что он будет говорить начальству.

-И ты так и сделал, - говорю я. Мне не нравится думать об этом.

Барклай кивает. - Два дня спустя Эрик был мертв, а отчет, что он якобы подписал с -доказательствами- против Бена был на сервере. Был выдан ордер на поиск и задержание Бена.

- Это означает, что . . . - мое сердце стучит в моей груди, и я не могу сказать свои мысли вслух.

Но Барклай знает, что я имею в виду. - Кто-то в АИ связан с этим.

Что могло бы объяснить и вопрос ответственности - Барклай был отстранен от дела, потому что кто-то выше него на самом деле не хотел, чтобы оно решалось.

Потому что Бен является удобным козлом отпущения.

05:17:01:46

Я слушаю все, что Барклай говорит, пока пытаюсь успокоить свое дыхание и руки.

Мне хочется бежать наверх, переодеться, обнять Джареда и сказать ему, что я вернусь, и сбежать через портал с Барклаем - освободить и спасти Бена от этих ложных обвинений. Это Бен. Он спас мне жизнь, и я хотела бы сделать что-нибудь для него.

Это Бен, и я люблю его.

Хотя я не верю самому Барклай, я верю в его мотивы. Это желание Барклай делать правильные вещи - быть правым парнем - и это его желание делать правильные вещи для своей карьеры. Плюс он и Эрик были партнерами, и есть неписаное правило в правоохранительных органах, по которому если ваш партнер убит, вы делаете все возможное, чтобы пригвоздить человека, который это сделал.

Но для меня все-таки есть одна очень важная вещь для рассмотрения.

- Каким образом я могу тебе помочь? - спрашиваю я.

Барклай поджимает губы, и я знаю, что он должен иметь хорошо обдуманную причину. Он поражает меня, как парень, который вряд ли когда-нибудь просит о помощи, и я сомневаюсь, что я его помощник. Но что бы это ни было, он не решается сказать мне.

- Я серьезно, - добавляю я. - Даже без ресурсов АИ, ты по-прежнему больше подготовлен, чтобы справится с этим в одиночку. В лучшем случае, я буду задерживать тебя. В худшем случае, я пойду своим путем.

Он ничего не говорит - он выглядит так, словно он пытается взвешивать свои слова, прежде чем заговорить. Учитывая его способности легко меня обидеть, я не могу сказать, что я виню его.

- Не стоит недооценивать себя, - говорит он наконец. - Я сделал это, и ты чуть не застрелила меня.

- Это другое. Мы были здесь. - Я отрицательно качаю головой. - Что может быть полезного, если я потащить с тобой через различные миры? Плюс мне нужно думать о брате и помочь восстановить мой мир.

Он закатывает глаза. - Мой план немного сложнее, чем это, Теннер.

- Так что это за план?

Он ничего не говорит, и тогда у меня есть свой ответ. Я не собираюсь слепо покинуть мой мир и отдать свою жизнь в руки Барклай, когда не могу придумать ничего, что могло бы реально помочь найти Бена или доказать, что он невиновен. - Мой ответ -нет".

- Ты не можешь сказать -нет-. Я..

- Это не о тебе, - говорю я ему.

Барклай встает и начинает расхаживать по комнате, напротив меня. - Это важно. Ты должна пойти со мной - я не смогу найти Бена без тебя.

- Скажи мне свой план, и, может быть, я буду передумаю.

Он качает головой.

Тупой придурок. - Тогда убирайся из моего дома, - говорю я и встаю. С меня хватит.

Я на полпути к лестнице, когда Барклай говорит: - Ты в опасности, Теннер.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему. Его выражение становится пустым, его голубые глаза просто таращатся на меня, не предавая все, что он думает.

У меня нет возможности спросить у него, почему. Потому что то, когда я на полпути вверх по лестнице, входная дверь распахивается и там Дейрдра с направленным пистолетом и десяток пехотинцев у нее за спиной, которая кричит Барклаю положть руки за голову и опуститься на землю.

05:16:53:35

- Черт возьми, я не верю в это дермо, - говорит Барклай, поднимая руки.

С лестницы, я кричу, что это нормально, что это просто Барклай, но никто не слушает.

Пехотинцы двигаются в квартиру, осматривая места возможных побегов, чтобы убедиться, что никто не находится здесь. Их пушки направлены на Барклай, их глаза только на нем.

Дейрдра кричит на Барклай и наступает на него быстро, но осторожно. Ее лицо выглядит совершенно диким - это Дейрдра Райс, агент ФБР, и Дейрдра Райс, вдова и мать двоих детей, все в одном. Дейрдра, которая не собирается терять кого-либо еще. Если бы я была Барклаем, я бы испугалась.

Она движется, Барклай остается с поднятыми руками. Он расслабился, но с чистым взглядом раздражения на его лице, как будто это неудобно для него.

Он даже не вздрагивает, когда Дейдра движется и обезоруживает его, взяв пистолет от основания его позвоночника.

- У тебя есть другое скрытое оружие? - говорит она, и голос ее хриплый со злобой.

- Пистолет у моей левой лодыжке, - говорит он.

Не отводя взора от него, она наклоняется, чтобы забрать резервный пистолет, после чего приказывает пехотинцам пройти и обыскать его.

Я не могу помочь, затаив дыхание. Я боюсь, что у Барклая есть и другое оружие. Он такой парень, который будет хотеть иметь запаску, из тех, кто хотел бы сохранить что-нибудь, чтобы использовать для побега. Кроме того, благодаря технологии, к которой он имеет доступ, он может иметь что-нибудь безобидное как перо, которое на самом деле окажется световым мечом.

Последнее, что мне нужно, это чтобы кто-нибудь пострадал - Дейдра, пехотинцы или даже Барклай.

- Мы можем отложить некоторое оружие и, может быть, сесть и рационально поговорить? - говорю я.

Дейдра не обернулась, чтобы взглянуть на меня, но я вижу гнев проходящий по ее лицу. Я знаю насколько она обвиняет Барклая за все, что произошло -потому что он предал бюро, потому что он лгал, потому что он во многом опоздал.

- Тейлор Барклай разыскивается для допроса, - говорит она. - И я планирую сделать именно это.

Я киваю, потому что я знаю, это правда, и если Страз был бы здесь, я уверена, он предпринял бы те же меры предосторожности.

- Наручники ему, - говорит Дейдра пехотинцу, который просто обыскал Барклая и вернулся пустой.

Я слышу скрип из прихожей наверху и поднимаю взгляд, чтобы увидеть Джареда. - С тобой все в порядке? - спрашиваю я шепотом.

Он кивает. - А у тебя?

Я не могла бы гордиться им больше. Дейдра и пехотинцы здесь, потому что Джаред использовали рацию в спальне Страза, чтобы войти в контакт с ними. Джаред отреагировал, хотя никто не говорил ему, и теперь он смотрел на меня с ?яростной защищенностью.

Это немного напоминает взгляд в зеркало.

- Я нормально, я буду через минуту.- он снова кивает, и он уходит без необходимости просить дважды. Он уходит, чтобы однажды стать великим человеком-он будет очень похож на нашего папу.

Когда я смотрю на Барклая, Дейдра переводит его на диван. Его руки за спиной, и он не будет активно бороться против нее, но он довольно солидный парень, и он точно никак не поможет ей.

- Где ты был, Тейлор? - спрашивает Дейдра.

Он фыркает. - Не в любом месте мы были бы знакомы.

- Так ты просто пошел домой, в свою собственную вселенную, и оставил нас, чтобы разгребать беспорядок, который вы оставили после себя? - спрашивает она.

Барклай стреляет глазами в меня, и я вижу искорку удивления, так как он предполагал, я держала мультивселенность и все, что с этим связано при себе, прежде чем он прикрыл это, пожав плечами притворным равнодушием. - Точно не мой беспорядок.

- А чей он был? - спрашивает она, хотя я говорила ей - несколько раз - ту же историю, которую рассказывала Стразу. Она знает, что это был Рид.

Барклай улыбается. - Это секретная информация.

Я не знаю, почему он пытается отделаться от нее, но когда она ударяет его по лицу, он должен понимать, что это работает.

05:16:21:57

Остальной допрос больно смотреть. Это не похоже на телевидение. Нет саундтрека, манипулирующего вашими эмоциями, музыка не заглушает крики вопросов и ответов, звук кожи ударяющей кожу, и взволнованное дыхание каждого, кто втиснут в слишком маленькую комнату. Воздух плотный и удущливый, страх, гнев, и это, угрожают задушить всех нас. Слишком жарко, и пот бисером стекает по моей коже, кажется подчеркивая, как мой пульс бьется под ним.

Вопросы Дейдры целенаправленные и конкретные. Она спрашивает Барклая обо всей его жизни в своей Вселенной до недавнего исчезновения здесь, в нашей. Она тверда и решительна - я даже чувствую себя немного врасплох от того, как она обрушивает вопросы на него.

Но Барклай кажется никак не успокоился. Несколько раз он выпускает маленькие шутки или ехидные замечания. Однажды он ответил на ее вопрос "Это немножко выше твоей зарплаты". Но в основном он просто молчал,

полузакрыв веки с выражением самодовольства, стиснув губы, изогнутые в высокомерной улыбке.

Он не вздрогнул от нескольких ее пощечин, но его губы кровоточили, когда Страз, наконец, пришел домой. Он открывает дверь медленно и проверяет комнату без единого выражения на лице. Его глаза встречаются с Дейдрой, и после безмолвного разговора между ними, она кивает и отходит.

- Поместить его в безопасное место и конфисковать все, что он имеет при себе - отдает он приказ пехотинцам. - Все время держать трех человек при нем. Кто-то должен ходить с ним съать, они должны сообщить по радио, чтобы прикрыть их в первую очередь.(???)

- Да, сэр, - говорит пехотинец.

Два из них поднимают Барклая, пока Дейдра шепчет что-то Стразу. Он кивает.

Когда они тянут его за дверь, Барклай поворачивается и смотрит на меня. - Ты умная, Теннер. Так же, как твой отец. Ты знаешь, что должна пойти со мной.

Мое лицо горячее на ощупь при упоминании моего отца. Интересно, а что он будет думать обо всем этом.

Но Барклай не имеет права упоминать моего отца. Если бы Барклай просто объяснился с ним, может быть, мой папа все еще был бы здесь. Что означает, что я не чувствую себя плохо из-за Барклая.

Я делаю глубокий вдох и напоминаю себе, что он не хотел рассказывать мне свой план, и я не собираюсь слепо следовать за ним. Я напоминаю себе, что я не могу сделать ничего, чтобы помочь.

- Ты должна пойти со мной, - Барклай повторяется. - У нас не много времени.

Хотя, это Бен.

У Бена немного времени.

05:16:19:03

Когда дверь закрывается, Дейдра откидывается на диване, Страз наблюдает за ней, а затем поворачивается, чтобы посмотреть на меня. - Как-то хочешь объяснить мне что, черт возьми, здесь происходит?

- Урод вернулся для того, чтобы оставить больше дерьяма, - Дейдра говорит, и я немного удивлена. Она не такой человек, который ругается. - А что еще нам нужно знать?

- Куда исчезают люди, - говорю я, не задумываясь. Потому что это правда. Если ничего не выйдет этой ночью, теперь мы знаем, почему людей похищают.

Минуту это чувствуется, будто воздух высосали из комнаты. Дейдра и Страз остановили свои глаза на мне. Мой пульс стучит в груди.

- Барклай расследует рынок торговли людьми, - говорю я. Тогда я рассказываю им о Барклае, преследующем меня сегодня, удивившем меня, прежде чем я вернулась домой, и о Джареде открывавшем ему дверь.

Страз поворачивается к Дейдре. - Привести всех сюда в ближайшие пятнадцать минут. Меня не волнует, что еще где происходит. - Она кивает и берет рацию, Страз кладет руку на мое плечо. Он слегка сжимает, и посмотрите на его лицо - это моя погибель. Его глаза стали мягкими, линии на его лице выражают озабоченность и беспокойство, спрашивая, с тобой все в порядке? Я борюсь, чтобы контролировать свои эмоции, держать жжение в моих глазах, чтобы оно не превратилось в слезы. Правда, иногда все это кажется чересчур для того чтобы я могла это вынести, как будто не знаю, как жить дальше.

Страз может либо сказать, насколько близко я к потере, либо просто сделать это, поэтому он тянет меня в объятия. - Все будет нормально, Джи-младшая.

Я знаю, что это неправда, но она по-прежнему заставляет чувствовать себя лучше.

Когда все здесь - каждый из пятнадцати других агентов ФБР, большинство из которых, я знаю, когда они работали на моего отца - я начинаю все сначала. Они все, казалось, были в курсе того, что произошло четыре месяца назад, так что я начала с дел о пропавших людях, над которыми мы с Дейдрой работали на протяжении последних двух месяцев. Я рассказываю им то, что Барклай сказал мне.

Единственное, что я не говорю им, это то, что Бен подозреваемый.

Меня не волнует, где он и что он делает. Я не позволю себе думать о том, почему он не остался дома, с семьей или почему он не возвратился. Неважно, насколько это съедает мои внутренности, факты таковы, что его нет и он не здесь. Но я знаю, что он не имеет ничего общего с рынком торговли людьми, и я не о том, чтобы сделать его подозреваемым здесь.

Я говорю им, что Барклай рассказал мне о торговле людьми и о пропавших людях-наших пропавших людях-которых похищают для тех, кто знает что их отправят в какую-то другую вселенную, где они не смогут вернуться, и мы не сможем спасти их, потому что не обладаем технологиями.

Когда я заканчиваю, никто ничего не говорит. Несколько человек, обмениваются взглядами, но Страз явно думает о чем-то, и никто не собирается

погружаться в это. Я начинаю отсчитывать секунды, как они проходят, и проходит целая минута, прежде чем кто-либо говорит.

Затем Страз говорит - Ну охренеть.

- Поэтому нам необходимо выяснить, как люди могут бороться, - говорит Дейдра. - Первым приоритетом должно быть то, что мы не можем потерять больше людей. Тогда мы сможем выяснить, как получить обратно тех, кого потеряли.

Несколько агентов вскочили и начать говорить одновременно. Это упоминание о теории Мультивселенной, начатой Стразом. Цель-доказать, что мультивселенная существует и понять как путешествовать. Страз набрал несколько известных ученых в Южной Калифорнии и дал им ожерелье Барклай, сказав, что я могла безопасно путешествовать через портал, а также несколько других вещей, которые он оставил.

Пару агентов намерены объявить мозговой штурм для поиска способов борьбы с порталами. Кто-то говорит, что они должны сообщить об этом общественности. Сделать какое-нибудь объявление. Объяснить людям.

При этом Страз качает головой. - Я уже нарушил Указ Президента, рассказав через что Дженнель прошла в сентябре. И я только что нарушил его снова, имея свою долю в этой новой информации.

Один из агентов, которого я не знаю, горько смеется. - Кого это волнует? Этот парень не наш реальный президент, в любом случае.

- Подождите, у нас все еще есть правительство? - спрашивает другой парень.

- Давайте сохраним шутки на потом. Мы не можем сделать объявление до тех пор, пока не узнаем, как люди могут сохранить себя в безопасности, - говорит Дейдра.

Страз кивает. - Мы будем только создавать панику.

- Мы должны изменить комендантский час, - говорю я. Болтовня прекращается. Я чувствую все глаза устремлены на меня и, хотя я не знаю, что я делаю, я полагаюсь на отношение большинства этих людей ко мне. - Все случаи похищений, до сих пор происходили, когда люди оставались одни. Ночной комендантский час может быть по-прежнему в силе, но мы могли бы увеличить его на час или два, чтобы заставить людей чувствовать себя лучше, и в то же время заявив, что никто не должен быть один. Создать дружескую атмосферу.

Несколько человек кивнуло. Парень, который не заботился о нашем Президенте пожимает плечами. - Мы могли бы сделать что-то вроде этого.

Они продолжают говорить об этом, но с меня хватит. Я извиняюсь и поднимаюсь в свою спальню. Никто не возражает, потому что я и так нахожусь на пределе своей полезности. Я не могу перестать думать о Бене. Не только потому, что сказал Барклай. А потому, что он там, и, может быть, в беде. А что, если он застрял где-то-или что, если он нуждается во мне?

Я вспоминаю, как мою кожу покалывало, когда его пальцы касались меня, как я чувствовала исходящее тепло, когда он обнимал меня, чувство успокоения, что нельзя было не замечать, когда моя голова была напротив его груди, мягкий стук его сердца под моей щекой.

Напряженность от его исчезновения столь сильна, что я ощущаю ее физически. Она начинается с пустоты в груди и вырывается наружу, пока мои руки дрожат и я хватаю ртом воздух. Я положила руку на стену, чтобы сохранить равновесие.

Интересно, правильное ли решение я приняла.

Барклай хотел, чтобы я пошла с ним. Я не изменила своего мнения-я все еще не понимаю, что могу сделать, чтобы помочь. И все-таки я не думаю, что следование за Барклаем вслепую, не зная его план-это разумно для меня. Я не Бен. Я не могу создать портал самостоятельно. Он не захочет, чтобы я потерялась в каком-нибудь другом мире.

Но даже не зная всего этого, даже повторив это про себя, я не могу заглушить мысли, твердящие: может быть, Бен нуждается во мне.

Может быть, я должна пойти.

05:05:23:13

Я просыпаюсь, обливается потом, мое сердце бешено колотится. Тень нависла надо мной, тяжелая рука на моем плече. На секунду это напоминает первый раз, когда я действительно заметила Бена - когда вернулась из мертвых, чтобы увидеть его силуэт, наклонившийся надо мной. Я открываю рот, чтобы сказать его имя.

Но туман сна исчезает, и я узнаю белокурые волосы Дейдры.

- Что случилось? - спрашиваю я. - Джаред в порядке?

- Он в порядке, - говорит Дейдра. - Но был сигнал бедствия. Мы должны ехать в Квальком.

Я киваю и скатываюсь с постели автоматически. Мои джинсы в куче на полу. Надеваю их, захватываю мой балахон и мое ружье и я за дверью, всего через секунду после нее. Дейдра не сказала, что за сигнал бедствия, но ей и не нужно.

Квальком, посреди ночи. Другой пропавший человек.

Когда мы в машине, я стягиваю волосы сзади в хвост. Мои часы говорит что сейчас 3:38 утра. Мы единственные люди на дороге, за исключением морских пехотинцев в пропускных пунктах. Они проверяют наши идентификаторы и пропускают нас, на их лицах застыло жесткое выражение.

Я думаю о Квалькоме, о Сесили и как она собирается справиться с этим. Я никогда не говорила ей о мультивселенной, не потому, что это звучит глупо - с ее одержимостью на все науки и любовью ко всему новому и необычному, Сесилия, наверное, единственный человек, кто поверила бы мне без сомнений - но когда я была с ней, я пыталась поддерживать мою жизнь почти нормальной. Рассказав ей о мультивселенной, о порталах, о том что Бен оставил меня, вернувшись в свой мир - это означало бы размышления об этом. Тусоваться с Си это один из немногих шансов, когда я могу отвлечься достаточно, чтобы отдохнуть.

Но теперь она будет втянута в это в любом случае. Я собираюсь сказать ей, чтобы она могла что-то сделать, чтобы помочь защитить людей в Квалькоме.

Интересно, кто будут пропавшими теперь - и в какое рабство попадут - это заставляет меня чувствовать себя слабой. Что-то другое, не дружеская атмосфера, я даже не могу думать о способах борьбы с другими похищениями.

Мне нужно увидеть Барклая.

Я чуть не сказала это вслух, Дейдре, прежде чем остановила себя. Она может и не согласиться на мой план. Возможно, она не видит логики в нем, потому что это означает позволить Баркллю уйти. Я поговорю со Стразом когда мы вернемся, и предложу ему что-то вроде сделки. Если Барклай сможет дать Стразу что-то конкретное, чтобы люди могли вооружиться против торговцев людьми или что-то нам, чтобы мы могли отслеживать их, когда они исчезают, или что-то еще, я уверена, что Страз позволит ему вернуться в Приму.

Мы должны работать с Примой - с АИ - а не против них.

Потому что я знаю кто победит, и это не мы.

Когда мы добираемся до Квалькома, тетя Сесилии уже бодрствует, чтобы встретиться с нами, ее глаза воспалены, а лицо покраснело и покрылось пятнами. Очевидно стресс добраться и до нее. - Слава богу, ты здесь, - говорит она, и как только мы уже достаточно близко, она тянет меня в объятия.

Я скрываю удивление, приступая к делу. - Два человека считаются пропавшими без вести? - спрашиваю я.

- Да, - говорит она, отодвигаясь. - Джек Райт. Ему одиннадцать.

Я чувствую как желчь двигается в моем желудке.

- Где это произошло? Он был один? - спрашивает Дейдра.

Тетя Сесилии кивает. - Оба его родителя были убиты в результате землетрясения, поэтому мы поселили его с другими детьми, которые находятся теперь в одиночестве. Сесилия и некоторые из девушек заботились о них.

Не удивительно, что она так расстроилась. Это будет ад для Си.

- Он встал, чтобы пойти в ванную в середине ночи, - добавляет она. - Он отсутствовал слишком долго, так что Сесилия и Кейт встали, чтобы проверить его.

Я посмотрела по сторонам и увидела Кейт, завернутую в одеяло. Она качает немного опущенной головой, как будто она плакала в одеяло. Я наконец поняла, что она променяла меня и продала нашу дружбу ради популярности. Мы еще точно не друзья снова, но я отпустила ненависть.

Я ищу Сесилию, поскольку она, как правило, быстро утешает всех, кто плачет, и дрожь проходит через мое тело. Я нигде ее не вижу, и когда я оглядываюсь назад, на ее тетю, вопрос почти застревает в горле.

- А второй? - спрашиваю я.

Ее глаза влажные и Дейдре говорит - Пожалуйста, скажите нам, что это не еще один ребенок.

Это не так, но для меня этот ответ будет еще хуже.

- Это Сесиль.

05:05:02:35

Впервые я встретилась с Сесиль на втором курсе. Она была единственным новичком на курсе химии, и когда пришло время отвечать на вопросы и играть учительского любимчика, она позволила Алексу баллотироваться за свои деньги. Она сидела впереди с хрустящим блокнотом и восемью разноцветными ручками, и практически выпадала из своего кресла с энтузиазмом каждый раз, когда мистер Эстерли задавал вопрос.

Она была блондинкой, игристой, и слишком взволнованной, чтобы быть в школе. Она была олицетворяла самоуверенность.

Алекс был безумно влюблен в нее, и я из принципа немного ее ненавидела.

Затем я застряла в качестве ее партнера по лабораторной.

Алекс был в Стэнфорде на выходных для “лучших студентов в Калифорнии”, и Эстерли пытался заставить Мейсона Рикмана не быть инертным, позволяя Сесилии делать всю работу, поэтому он поставил меня в тройку с ними, зная, что я бы изводила Мейсона делать свою долю. Сама лабораторная была, по сути, анализом нескольких различных химических веществ в коммерческих отбеливателях. Мой план состоял в том, чтобы просто сделать это - даже с если Мейсон будет замедлять нас, это будет легко.

Но затем Мейсон пролил отбеливатель и Сесилия сказала - Боже, Мейсон, просто потому, что Джанелль здесь не означает, что ты должен быть странным. Не позволяй ей заставлять тебя нервничать. Это как будто ты запал на нее.

Мейсон фыркнул. - Ну, я, конечно, не запал на тебя.

- Слава богу. Мне не нужен другой преследователь. Я имею в виду, этого вполне достаточно, чтобы оставить мой дом таким как он есть.

Мейсон посмотрел на меня и закатил глаза, но улыбка не покидала его лица.

- Не волнуйся, Джанель, сказала мне Сесиль. - Он немного странный, но я обещаю тебе, что он практически безвредный. В самом деле, если бы мы позволили ему, он, наверное, просто пошел бы спать. - Затем она вручила мне стакан. - Вот, наполни это, прежде чем он сумеет пролить его на нашу одежду.

Я поняла, Сесилии было смешно. Она высмеивала Мейсона - и меня - постоянно. И она любила когда мы могли придумать что-нибудь достаточно остроумное для того, чтобы высмеять ее в ответ.

Она была умная и трудолюбивая-как и я, если бы я была менее серьезна и более дружественна. Когда Алекс вернулся, она, и я засунули его с Мейсоном в большинство лабораторных и работали вместе. Хотя он ненавидел работать с Мейсоном, он любил внимание, которое в результате получил от Сесилии.

Я уже потеряла Алекс. Сесиль единственный друг, который у меня остался. Я не могу потерять ее тоже.

Я стараюсь слушать тетю Сесилии, она описывает что произошло. Кейт и некоторые другие слышали как Сесиль кричала “пожар!” - это то, что вы можете крикнуть и гарантировать, что люди прибегут - и побежала в коридор, чтобы увидеть, как она скрылась в какой-то черной дыре. Но тут что-то не в порядке либо с моими ушами, либо моим вниманием - или с обоими сразу. Я чувствую, что попала в какой-то воздушный туннель, и рев ветра в ушах.

Мы находимся на первом этаже Квалькома, где находятся маленькие дети и семьи с детьми, где произошло преступление. Несмотря на время, группы людей стоят вокруг и смотрят Дейдру и на меня.

И я не могу перестать смотреть на них, запоминая каждого.

Их лица отражают разные вариации одного и того же вопроса: что вы собираетесь с этим делать?

Мальчик пропал, что достаточно печально. Но исчезновение Сесиль это слишком - девушка, которая сохранила это место, девушка, которая дала людям надежду. Под гневными лицами отчаяние - вы можете увидеть это в их глазах. Потому что без Сесиль, как они будут продолжать жить?

Слабая опаленная линия ожога на бетоне - что я теперь знаю, это след портала появляющийся и быстро исчезающий - привлекает мое внимание, я сажусь на корточки и касаюсь его кончиками пальцев. Он никак не чувствуется. Здесь нет никакого знака, чтобы предположить, что два человека были просто вырваны из этого мира.

Я смотрю в ста футах к югу, в сторону ванной. В моем воображении я вижу Сесиль в розовые штаны и ее футболке - I ONLY DATE NINJAS- с Черепашками-ниндзя, выйдя из комнаты, где она спит, и, направляясь в сторону ванной. Ее бело-светлые волосы спутались, наверное, от ворочания с боку на бок, и у нее круги под глазами от недосыпа.

Я вижу, как она останавливается, и ее голова поворачивается на звук-может быть, крик или вопль, может быть, просто что-то необычное и, следовательно, тревожное, и потом я вижу как она бежит к нам, к одиннадцатилетнему мальчику с песочно-коричневыми волосами, который борется с одним или двумя своими похитителями. Она кричит им остановиться, и один из них поворачивается к ней, хватая ее, когда она приближается, решив, что взять ее тоже гораздо лучше, чем оставлять свидетеля. Девушка, которой только что исполнилось шестнадцать, девушка, маленькая, худая, со светлыми волосами и невинными глазами - она вероятно будет принята в качестве раба.

Она кричит “огонь!”, когда один из похитителей прикрывает ей рот и делает укол из шприца. Затем они исчезают через портал.

05:03:08:12

Страз проснулся, но был все еще дома, когда я вернулась. Он пьет кофе, черный и вероятно утопленный в сахаре, одной из немногих роскоши, которую благодаря ему мы все еще имеем.

Он открывает рот, чтобы, по-видимому, спросить о нашем новом деле, но я не позволяю ему начать.

- Не уходи пока, - говорю я, проходя мимо кухни и по направлению к лестнице.
- Ты и я увидим Барклай.

Дейдра зовет меня, пока я бегу вверх по лестнице, но я не могу остановиться. Мои планы несколько изменились, но действующие лица все те же. Мне нужен

Барклай, и мне не нужно, чтобы Дейдра попыталась вмешаться и остановить меня.

Когда добраюсь до своей комнаты, перехожу прямо к шкафу и, возвращаясь в прошлое, хватаю рюкзак с пола. Одежда, которую я ношу-джинсы, футболка, толстовка с капюшоном, кроссовки-достаточно хороши, а я не могу слепо участвовать в том, что задумывает Барклай. Я хватаю старый охотничий нож отца, его запасной пистолет, и все патроны, которые у нас есть и запихиваю все это в рюкзак. И я беру свою кожаную куртку, потому что, кто знает, как холодно будет там, куда я иду.

Со всем в рюкзаке, я надеваю его.

Я встаю и выхожу из комнаты, не оглядываясь назад, потому что легче было бы остаться здесь и просто быть расстроенной, чем пытаться что-то делать. Я должна держаться за свой гнев-мне нужно закутаться в нем, в несправедливости всего, что произошло, и держать его близко. Я не могу потерять мою решимость.

Я заглядываю в комнату Страза и Джареда, прежде чем спуститься вниз. Мой брат еще спит, запутавшись в покрывале, как будто он боролся с ним во сне, его каштановые волосы торчат в разные стороны. Я думаю о том дне перед землетрясениями, когда мы пошли в Диснейленд, и я знала, что это мог бы быть наш прошлый раз вместе, если бы наступил конец света. Я помню, как много он улыбался тогда-как много он умудряется улыбаться сейчас, несмотря ни на что.

Это мой брат, единственный оставшийся член моей семьи. Я должна остановить эти похищения прежде чем они станут хуже, прежде чем эти ребята начнут хватать людей из домов, а не просто из приютов. Я должна сделать это, чтобы вернуть Сесиль обратно и сохранить брата в безопасности, так, чтобы мне не пришлось беспокоиться, если он будет рядом.

Я двигаюсь в комнату и касаюсь его плеча, его кожа теплая от одеял. Я тихонько сижу на краю кровати. Его глаза подрагивают, и он немного стонет, сильнее сворачиваясь в комок.

Перебирая пальцами его волосы, я шепчу, - Я люблю тебя, Джаред, - и потому что знаю, что это цитата из X-Files, он поймет, добавляю, - Даже когда мир рушился, ты был моей константой. Мой пробный камень.

Приглушенное, - И ты была моим - выходит из-под одеяла. От звука его голоса, я могу сказать, что он улыбается.

Он будет зол, когда полностью проснется и узнает, что я ушла, но если это наш последний разговор, то он не плох. Это правда, ее не стоит забывать.

Поцеловав его в лоб, я встаю и направляюсь вниз.

Оба напряженные и краснолицые, Страз и Дейдра останавливаются, явно споря, и поворачиваются ко мне. И снова я не даю им шанса. Я просто смотрю прямо в голубые глаза Страза.

- Мне нужно, чтобы ты отпустил Барклая, - говорю я. - Потому что я должна пойти с ним.

05:02:57:43

Дейдра реагирует первой. - Он не может отпустить Барклая. - ее лицо приобретает оттенок немного темнее, и ее голос, суровый и громкий, растет, когда она продолжает говорить. - И ты, конечно, не можешь пойти с ним. Куда? В середине всего этого?

Страз еще не сказал ничего, так что я тоже не знаю что сказать. Я стою неподвижно и прямо, губы сжаты в прямую линию. Я пусть мой язык тела и выражение лица расскажут всю правду. Я позволяю ему говорить, что я продумала это, что я могу сделать это, что это - единственный путь.

Страз медленно глотает из своей кружки кофе. Потом смотрит на меня. - Ты никуда не идешь. И я просто не могу позволить Барклаю уйти. Мы должны узнать больше о том, что произошло этой осенью. И если то, что он сказал правда, мы должны знать, что можем сделать прямо сейчас. После того, как мы получим информацию, мы можем дать Барклаю команду обученных агентов, если он нуждается в помощи и не может доверять своим собственным людям.

- Вы думаете, что мы действительно можем позволить себе ждать так долго? - спрашиваю я.

- Страз, - говорит Дейдра. - Ты не можешь . . . Куда, черт возьми, она собирается идти? Мы не можем доверять ему!

Он не ответил ей. - Это не должна быть ты, - говорит он мне.

Но он ошибается. Это действительно должна быть я. Я думаю о Бене и Сесиль и знаю, что делать.

Это должна быть я.

Я не говорю ни слова, потому что мое лицо говорит, что я папина дочь. Что я сделаю это с или без его помощи.

Потому что я сделаю.

Даже если Страз не хочет этого. Я не могу сидеть и ждать кого-то, чтобы выяснить, как вернуть Сесиль назад. И я не могу сидеть без дела, задаваясь вопросом, мертв ли Бен из-за моего бездействия. Делать это вчера вечером было достаточно.

И Барклай не собирается брать команду агентов ФБР или морских пехотинцев и проходить портал в Приму и сталкиваться с АИ. Он даже не собирается болтаться и позволять себе задерживаться очень долго. Если они все еще не получил информацию, то это только временное - возможно даже, потому что он ждет меня.

Когда Страз выливает оставшееся кофе в раковину, я знаю, он на моей стороне.

- Джи, пойдем со мной. Давай поговорим с Барклаем, - говорит Страз. Дейдре он добавляет, - Созови другое собрание в течение часа. Мы нуждаемся в людях, чтобы быть подготовленными, а не паниковать. Нам нужен способ бороться с этим.

- Страз...

- Ди, у нас достаточно дерьяма, чтобы иметь дело с исчезновениями людей направо и налево. - он смотрит на меня. - Идем.

05:02:03:15

Когда мы впервые зашли, Барклай молчал. В камере чище и белее, чем я ожидала. Полы, стены, потолок, даже бары белые. Есть небольшая металлическая раковина и туалет с одной стороны, и маленькая койка с другой. Постель нетронута, одеяло и простыни без складок, как будто Барклай и не спал. Он сидит на полу, головой к стене, глаза закрыты, его руки теперь связаны друг с другом.

Он даже не поднял головы, когда дверь открывается и не признает это, когда Страз говорит, что пришел поговорить.

Когда он добавляет, - И я привел с собой кое-кого, - это заставляет Барклая отреагировать. Он улыбается.

- Я знал, что ты передумашь, Теннер, - говорит он.

Я вроде бы хочу сбить самодовольство прямо с его лица.

Страз хмурится. - Нам нужна информация.

Барклай не отвечает.

- Мы должны знать все о Приме, порталах, этом рынке торговли людьми, и какую именно роль вы сыграли в событиях, которые происходили несколько месяцев назад, - говорит Страз.

Барклай опять не отвечает, но он смотрит на меня, будто сочетая раздражение и удивление от того, что я выдала информацию о том, что произошло.

- Не будь придурком, - говорю я. - Нам наплевать на твои проблемы, мы заботимся о наших. - это не обязательно правда, так как я сильно забочусь о Бене и Сесиль, и у кого-то грязного в АИ есть потенциал, чтобы быть огромной проблемой, но я должна было что-то сказать.

- Это против правил АИ обсуждать мультивселенную с людьми, которые не является частью Интерверс Альянса, - говорит он.

- Серьезно, ты собираешься объяснять это мне? - я складываю руки на груди. - Я, кажется, припоминаю, что ты уже нарушил это правило.

Он знает, что я имею в виду ту информацию, которую он говорил мне о землетрясениях-и то, что он сказал мне вчера.

- Смотри, проблема в том, что ты нуждаешься во мне, - говорю я, хотя не на сто процентов уверена почему. - Я не собираюсь помогать тебе просто так. Поэтому тебе нужно поговорить с нами и дать ответы.

Барклай сводит брови, и я уверена, он сжимает зубы, но быстро кивает и затем говорит, - Ваши условия?

Я делаю глубокий вдох. - Моя подруга Сесиль пропала. Поэтому я пойду с тобой...

Страз прочищает горло. - На самом деле, я пойду с тобой. Джаннель останется здесь.

Мой рот открывается, хотя я не уверена, что я собираюсь сказать. Я не могу сказать себе, что это удивительно, что Страз пошел бы вместо меня. Но я просто не предвидела такой поворот событий.

Барклай качает головой. - Никакой сделки. Я не нуждаюсь в тебе. Я нуждаюсь в ней. Она знает о АИ, и они знают о ней. Я могу привести ее под маской опроса, и никто не будет думать, что это обман. Если бы я привел тебя, это привлекло бы внимание к нам.

Страз похоже собирался спорить, так что я положила ладонь на его руку. Я не знаю, почему Барклай нуждается во мне, но я ему верю. И я также знаю, что Страз должен заботиться о Джареду, когда я уйду. Чтобы убедиться в том, что он в безопасности.

- Я пойду с тобой, - повторяю я. - При двух условиях.

- Что мы вернем твою подругу? - спрашивает он.

- Да. И что ты скажешь Стразу о том, как бороться с этой дрянью.

- А как насчет Бена? - спрашивает Барклай.

Мой желудок падает, и я чувствую одышку, будто он только что ударили меня. - Что насчет него? - я не собираюсь говорить Барклаю, что лежала с открытыми глазами ночью, ожидая чтобы Бен Майлз вернулся назад в мою вселенную, в то время как он бегал вокруг и вовлекал себя в проблемы с АИ и кто знает что еще. Мне нужно убедиться, что он в безопасности, но самое главное это вернуть Сесиль назад. Вот что мне нужно от Барклайя прямо сейчас.

- Ладно, - говорит он, пожимая плечами. Уголки его губ все же поднимаются. На самом деле он не верите мне.

Правда в том, что Барклай не много может рассказать нам как блокировать порталы. Если бы мы имели гидрохлораднеум, мы могли бы использовать его. По-видимому, в Новой Приме, столице, где жил Барклай и находится штаб-квартира АИ есть здания, в основу которых входят химические составы, и это действует как щит, чтобы предотвратить открытие порталов внутри этих зданий.

И все же, у нас его нет. И даже при том, что Страз дал информацию ученым, не было большого продвижения в Проекте Мультивселенной, не то чтобы любой может обвинить их, учитывая состояние страны прямо сейчас.

- Не могут ли АИ отслеживать этих ребят через свои квантовые устройства или что-то еще? - спрашиваю я.

Он качает головой. - Нет, вот в чем и проблема. Они или используют устройства с черного рынка, или они уже демонтировали отслеживающие чипы. - Барклай вздыхает. - Если бы отслеживать их было легко, Теннер, мы бы их уже поймали.

- А вы не можете отслеживать активность или что-то в этом роде? - спрашивает Страз.

- Вряд ли. Каждая Вселенная имеет слабые места. Это пятна, где путешествия между вселенными легки - или легче, по крайней мере. Эти пятна не регистрируют активность, если порталы не являются неустойчивыми, если они не создают своего рода больших возмущений между Вселенными. - Барклай смещается на полу и смотрит прямо на меня. Порталы Бена были нестабильны. Вот почему мы закончили с таким количеством проблем.

- Где эти слабые места? - спрашивает Страз.

Барклай смеется. - Мы находимся в большом слабом месте. Оно называется Сан-Диего.

05:01:44:59

Барклай смотрит на меня. - Ты думаешь, это совпадение, что твой парень и его друзья были выброшены здесь? Они открыли портал без направления, поэтому он выбрал ближайшее слабое место, и они попали сюда.

- Почему океан?

- Потому что это самая тонкая часть, - говорит Барклай. - Вся эта область является слабым местом, но некоторые области тоньше, чем другие - некоторые более способствующие порталам.

- Поэтому мы ищем самые тонкие слабые места, где кто-то мог открывать портал, и делаем некоторую разведку, а также области, которые высоко населены, - говорит Страз. - Черт возьми.

Я смотрю на него. Я не уверена, что

- Мы должны разбить эвакуационные приюты. Подумайте, сколько исчезновений было в одном только Квалькоме.

- О, Боже, - я дышу. - Даже все люди в начале, что мы думали, возможно, покинули приют, потому что было слишком тесно . . .

Страз кивает. - Я возьму наших людей для этого, пока тебя не будет. - он смотрит на Барклая. - Существуют ли какие-либо места, которые являются . . . которые ты мог бы назвать толстыми?

- Даунтаун - говорит Барклай. Это беспорядок в центре города, не совсем пригодный для жилья. - Это последнее место, где я хотел бы открыть портал, если бы люди искали меня. Там завеса между вселенными толстая, и перемещение послало бы в реестр определенный уровень активности.

Я смотрю на Страза. Он, конечно же, имеет работу созданную для него.

05:01:42:58

После того, как Страз отдает приказ солдатам освободить Барклая, он ведет нас туда, где дорога La Jolla Village переходит в Северную Torrey Pines дорогу. Это - то, что раньше было юго-западной границей кампуса UCSD. Теперь это просто неровная земля, сбитые здания и скалы, которые падают прямо в океан.

Между землетрясениями и цунами, Калифорнийская береговая линия удалялась где то между двумястами футами и несколькими милями. Здесь, в северной La Jolla, океан начинается около двух тысяч футов вглубь от того, где он был раньше.

По словам Барклая, это хорошее место для нас, чтобы исчезнуть.

Когда он паркуется и выключает двигатель, Страз говорит, - Барклай, на пару слов.

Они вдвоем выходят из автомобиля, их головы на расстоянии в приблизительно десять ярдов. Я не уверена, что точно Страз хочет сказать ему, но я предполагаю, что это что-то вроде -Удостоверься, что она не пострадает-. Не то, чтобы Барклай мог это гарантировать - он тоже не будет в безопасности.

Когда я выхожу из автомобиля, мои туфли стучат по сухой, выжженной земле и поднимать пыль. Ветер не помогает, и я на секунду закрываю глаза, чтобы избавиться от жжения. Еще не совсем восход. Если я оглянусь назад, в сторону, откуда мы пришли, там оранжевые и розовые полосы в небе, и я представляю, как солнце будет всходить в ближайшее время. Но передо мной небо еще темное, и, хотя я не могу увидеть океан, я слышу как волны скользят к морю, завиваясь и накатываясь, разбиваются о утес.

Видимо, покончив с угрозами, Страз возвращается ко мне. Он кладет свои гигантские руки на мои плечи и сжимает-почти слишком сильно. Глаза его закрыты, и морщины на его лице глубоко запечатлелись-стресс оставил свой след. Когда его голос звучит напряженно, и я ценю, к какому количеству сдержанности он способен. Я не была бы в состоянии просто закрыть глаза и позволить ему оставлять меня.

И я знаю, что это не легко для него.

Не имеет значения, что это - правильно или что он не может быть тем, кто может уйти. Даже не имеет значения, что технически я взрослая, и он действительно не связан со мной. Мы связывались нашей любовью к моему папе в течение долгого времени, и теперь вездесущей болью из-за его отсутствия, а наша любовь друг к другу делает нас семьей.

Мы будто вдвоем против всего остального мира-я вижу, как кусает щеку и как напряжено его тело. Я могу чувствовать его в растущем комке в моем горле и по тому, как горят мои глаза.

Нет никаких небольших советов. Он не говорит мне быть в безопасности или быть осторожной. Нет никаких слов поддержки - серьезных или смешных. Он не говорит мне возвращать Сесиль, спасти положение или придерживаться плохих парней.

Он просто говорит, - Возвращайся.

Я скорее киваю, потому что не могу ответить. Что-то блокирует мое горло. Я поднимаю глаза к черному, безоблачному небу, чтобы не плакать, и запоминаю, как это чувствуется - прохладный ветерок пустыни, тишина полуночи, твердая земля моей Вселенной под ногами, сожженный запах дыма, задерживающегося везде, вкус пота на моей коже. И Страза - тепло его пальцев, врезающихся в

мои плечи, и глубокий вдох, который он делает для того чтобы сдержать свое дерьмо.

Я решаю не терять это. Это может быть заполнено проблемами, и нам могут потребоваться годы, чтобы решить их, но это мой мир - моя Вселенная. Мое место здесь.

Несмотря ни на что, я обещаю себе, я вернусь к своей семье.

05:01:37:26

Я касаюсь руки Страза на моем плече. Я сжимаю ее своей рукой и шепчу, - Я вернусь.

Я почти добавляю что-то придирчивое - я почти говорю ему, что не так легко избавиться от меня. Но я не делаю этого. Поскольку я собираюсь следовать за кем-то, кому я не доверяю, через портал и в другую Вселенную. Я буду в другом мире, сталкиваясь с группировкой, занимающейся контрабандой людей, потенциально коррумпированным международным агентством и технологией, которую я не могу понять.

Ничто из этого не будет легким.

- Вот, - говорит Барклай, вручая мне ожерелье, идентичное тому, которое он носит, идентичное тому, которое я носила в прошлый раз, когда прошла через портал, когда Бен и я возвращались сюда. - Надень это.

Это - металлическое ожерелье, как и вся одежда агентов АИ. Похоже, это просто оплетенный провод, но в нем есть электронная плата, которая позволяет путешествовать через активированные порталы, не будучи затронутым радиацией.

Барклай наблюдает за мной, наши глаза встречаются, и он удерживает мой взгляд.

Я думаю о том, как это чувствовалось, когда он потянул меня через мой первый портал несколько месяцев назад, когда одно из землетрясений собиралось разрушить дом Бена на нас - было чувство, что огонь перемещался через мои вены, сжигая меня изнутри, моя кожа будто таяла с моих костей. Барклай ввел мне что-то тогда, чтобы не дать мне умереть от радиации.

Я хрустнула костяшками пальцев, чтобы удержать руки от тряски.

- Мне нужна еще одна инъекция? - спрашиваю я. Я бы предпочла сначала сделать укол и избежать того ощущения, чем ждать что оно появится позже.

Барклай качает головой. - Его делают примерно раз в шесть месяцев.

Я киваю, делаю глубокий вдох, проигнорировав стук моего сердца, и говорю себе, что я готова.

Из кармана Барклай вытаскивает то, что похоже на сложный сотовый телефон - что-то среднее между iPhone и старым Palm Pilot.. Это его квантовое устройство, другая вещь, которую имеют все агенты АИ. Они активируют и открывают порталы, как навигационная система, которая использует координаты, чтобы определить точное место в любой выбранной вселенной, таким образом, агент знает, куда он идет. И это стабилизирует портал, когда он открывается.

Страз отстраняется, а я хочу обернуться и сказать до свидания еще раз. Потому что, что если я не вернусь? Что, если это последний раз, когда явижу его? Я хочу, чтобы этот момент имел значение.

Но я не смотрю, потому что не хочу, чтобы он смог увидеть, насколько я испугана. Вместо этого я просто наблюдаю за Барклаем, поскольку он нажимает несколько кнопок на устройстве. Он указывает им на землю перед собой.

Я слышу электрический звук - звук включения чего-то.

И затем портал внезапно открывается.

Это идеальный круг, чисто черный, как нефть, диаметром чуть больше семи футов, и он перед Барклаем, подсвечивая его, давая его силуэту какое-то потустороннее сияние.

Температура падает, поднимается ветер и движется по моим волосам, мурашки возникают на моей шее, и воздух пахнет как в тот момент прямо перед бурей.

Я дрожу.

Не только потому что холодно.

Барклай оборачивается. Его глаза выглядят невозможнно синими в этом свете, и у меня есть желание вернуться назад. Я не могу помочь, но чувствую, что собираюсь нарушить все законы природы.

Он должно быть знает, что я борюсь, потому что он говорит, - Это правильно, Теннер.

Наши глаза не нарушают контакт, когда он делает шаг назад в черную дыру, которая является порталом. Я смотрю как чернота, кажется, схватила его и тянет все глубже - пока она не глотает его, и он уходит.

Я могла бы оставить его. Я могла бы позволить порталу просто исчезнуть, и я могла бы остаться здесь.

Но я не могу, и Барклай знает, что... он знает, что я буду следовать за ним. За Сесиль.

И за Беном.

Небо красное и оранжевое. Облака выглядят почти серыми с пылающими белыми очертаниями. Солнце поднимается, золотой глобус, выглядывающий над восточным горизонтом, освещая мир, который почти закончился.

Я последний раз оглядываю моей Вселенную, скалы под ногами, не так уж и отличаются от скал, где Бен и я наблюдали как солнце садилось, где мы разделили буррито и наш первый поцелуй. Я слушаю океанские волны подо мной, и думаю, о холодном жале соленой воды, о том, как мои руки и ноги горели каждый раз, когда я плавала. Я запоминаю ощущение солнца, как моя кожа согревается, как свет трогает меня и гонит назад тени.

Тогда я оглядываюсь на Страза, слишком высокого и долговязого, со светлыми волосами и серовато-голубыми глазами, линии на его лице ясно говорят, как беспомощно он себя чувствует. - Держи Джареда в безопасности, - говорю я.

И следую за Барклаем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*Мы расстались в слезах, ты была холодна
И бледна, и губы как лед.
И я понял, что я заплачу сполна
За этот несладкий мед.*
- Лорд Джордж Гордон Байрон

05:01:37:14

Тепло струилось по моим венам, мое тело затопил огонь, пальцы рук и ног покалывало. Но как только это началось, тут же закончилось, и я лежала на боку, в холоде и морщась, моя левая рука и бедро пульсировали от того, насколько сильно я просто упала на землю.

Земля подо мной холодная, и я могу чувствовать запах влажной травы, как будто недавно шел дождь. Воздух неподвижен и все, что я могу услышать надо мной - звук дыхания Барклай. Трава, в которой я лежу, длинная и разросшаяся; огромные деревья стреляют до неба и блокируют солнечный свет; и все, что я вижу, зелено и коричнево.

Это не выглядит как Прима, которую я помню. Мы, скорее в джунглях, чем в столице. - Где мы?

- Это земля 06382, - говорит Барклай. - Она была необитаема последние двести лет. Не беспокойся, мы здесь не останемся. - он смотрит вниз на свое квантовое устройство и начинает печатать.

Я не могу помочь, но стою вырываются, когда я встаю. Если я собираюсь сделать привычкой прохождение через порталы в разные миры, то мне действительно необходимо выяснить как приземляться. Барклай стоит небрежно рядом со мной, с квантовым устройством в руке, должно быть он знает менее травмирующий способ сделать это.

Я делаю глубокий вдох, и это, как я уже чувствую, запах земли. Это тот глубокий, древесный запах, подслащенный пыльцой. Но что-то не так в этом месте. В отдалении там есть хижина. Растения разраслись вокруг нее, и она упала под их тяжестью. Не могу представить, чтобы кто-то когда-то здесь жил. Даже двести лет назад.

Поскольку даже при том, что везде зелено и я могу услышать шелест листвьев, когда ветер перемещается, есть жуткая неподвижность вокруг нас.

Я ничего не слышу. Ни птиц, ни животных, ничего. Вот в чем проблема с этим местом.

- Что произошло? - спрашиваю я.

Барклай смотрит на меня, подняв брови и сжав губы. Это выражение, которое говорит: "Ты действительно не захочешь знать".

- Никаких объяснений, это ужасно. - теперь он уже знает, как я ненавижу тайны.

Он вздыхает. - Мы думаем, что они были фактически первые в мире, кто узнали межвселенное путешествие. Мы точно не знаем, что произошло, но ученые, которые изучали этот мир думают, что никто не контролировал порталы. Люди открывали их и начинали входить и выходить без какого-либо регулирования. Может быть, у них было слишком много открытия и закрытия порталов. Может быть, у них не было технологии, чтобы стабилизировать порталы. Как бы там ни было, радиационный вирус прокатился через этот мир и убил всех.

Всех. Если АИ не знает, что являлось причиной этого, нет ничего, чтобы сказать, что это больше не повторится.

- Так почему же мы здесь?

- Мы не можем просто открыть портал прямо в Новую Приму, потому что я не хочу, чтобы кто-то в АИ знал, что мы там. Поэтому, разумеется, мы не можем просто переместиться в мою квартиру, как мы делали в прошлый раз. Мы должны немного запутать наш след, чтобы удостовериться, что нет никакой энергетической подписи, которая проследит нас до твоего мира. Тогда мы должны пройти в Приму через слабое место в отдаленной зоне.

Я знаю, что он старается держать вещи под контролем, но я не ожидала такой секретности.

- Теннер, ситуация немного хуже, чем я говорил, - объясняет он. Он выглядит виноватым, а это плохой знак. - То, что мы делаем, полностью против приказов АИ. На самом деле я был послан на совершенно иную миссию, и я игнорирую эти приказы.

- Что за миссия?

Он пожимает плечами. - Это глупо, и я не делаю это, так что не имеет значения.

- Ты можешь быть, я не знаю, уволен или что-то за игнорирование приказов? - если он любит что-нибудь, так это свою работу. Я удивлена, что он был так небрежен.

- Хуже, - говорит он. - Вот почему у нас мало времени. Я могу быть осужден и брошен в тюрьму, даже казнен за измену, если они узнают, что означает, что мы должны делать все это под радаром.

Я позволяю этому впитаться. На секунду я рада, что ставки для него тоже высоки. Мы не только в одной команде, это больше, чем просто для его славы.

Это личное. Тогда наступает реальность. Что я делаю в каком-то неназванном, незанятом мире сейчас, узнавая об этом? - Что может быть еще хуже, чем ты говорил?

Его челюсть сжимается, и я знаю, что есть что-то. Поэтому я жду.

Голос Барклая тихий, но твердый. - Правительственные чиновники в Приме поставили бюллетени для всех миров, которые являются частью Межгалактического альянса. Если Бен не вернется к девяти утра тридцать первого, они собираются казнить людей, о которых он заботится.

Воздух вырывается из моих легких, будто меня ударили, когда я думаю о его родителях - его брате - и Бене, о том, сколько его семья значит для него. Он только что вернулся к ним обратно, после того, как пытался в течение семи лет. Он не может потерять их сейчас. Не снова.

- К тридцать первому? - говорю я, пытаясь посчитать в голове. Я считаю дни несколько раз, надеясь, что как-то сделала ошибку. Но ее нет. - Это через пять дней.

Барклай кивает и смотрит на часы. - Пять дней, один час, тридцать семь минут, десять секунд.

- Дерьмо. - что еще сказать, на самом деле?

- Они уже задержали всех остальных членов его семьи, - добавляет Барклай.

Семья Бена. Он рассказал мне о них после первого землетрясения, когда мы сидели под нашим столом в классе английского у Публит. Его мама ученый, а его папа путешествующий продавец. Его старший брат Дерек.

У нас были эти миниатюрные наборы автомобилей. Они были похожи на игрушки, но мы построили машину, которая была около двух футов в длину и как настоящая, с двигателем и всем. Но они были очень дорогие, поэтому, когда моя мама покупала Дереку новый набор, она заставляла его давать и мне работать с ним. Потом мы по очереди с помощью пульта гоняли автомобиль вниз по нашей улице. Мы много преследовали собаку.

Я делаю глубокий вдох. Я не могу позволить, чтобы что-то случилось с ними. Когда мы были в Новой Приме, Бен мог пойти домой, в свой мир, но он вернулся со мной в мой, чтобы помочь мне найти брата и остановить волновой распад.

Но это не будет легким. И теперь есть крайний срок — тот, который не оставляет нам много времени. У нас есть только пять дней. Меньше недели. - Каков план?

Барклай фыркает. - Мы должны найти Бена, доказать, что он невиновен, и выяснить, кто именно стоит за этим.

И мы должны найти Сесиль.

Это трудная задача для всего пяти дней.

Я делаю глубокий вдох. - Как мы найдем Бена? - это первый шаг, и мы не должны терять времени.

- Мы должны говорить с человеком, который знает Бена лучше, чем ты, - говорит он.

Мне не нужно спрашивать, кто это, я уже знаю.

Элайджа.

05:01:09:07

Полчаса и четыре портала спустя, мы, наконец, в Приме, и я валяюсь на ноющей спине. Я стараюсь не думать о том, как плохо будут выглядеть мои синяки после всех падений. Вместо этого я сосредотачиваюсь на Новой Приме и это точно не похоже на краткое воспоминание города, которое я видела из окна Барклая.

С одной стороны, вонь ужасная. Это какое-то ужасное сочетание горящей резины, мусора недельной давности, и теплых сточных вод. Я морщу нос на Барклая и смотрю вверх.

Небо - тот же самый переливающийся серый, который я помню, что-то, что было бы красиво со всеми различными мерцающими цветами, если бы не было переполнено толстыми, подобными штурму облаками смога, тяжело висящими в воздухе.

Мы в какой-то аллее, которая должно быть улица красных фонарей Новой Примы. Вместо кристальных небоскребов, там темно, разрисованные граффити здания с неоновыми вывесками алкоголя, наркотиков, азартных игр, секс игрушек, и гостиничные номера на час. Небоскребы должны быть где-то там наверху, так как солнце полностью заблокировано. Это могли бы быть также сумерки или ранний вечер.

Но сейчас утро, и никого, кажется, нет вокруг - наверное, потому что они все еще спят после того, что они делали прошлой ночью.

- Кто-нибудь видел наше появление? - все равно спрашиваю я, так как это потенциально может разрушить наше прикрытие.

Барклай качает головой. - Я так не думаю. Но если они видели, это уже не важно. Никому здесь не нужно это дерьмо.

Я поднимаюсь на ноги и затягиваю куртку чуть ближе вокруг себя, так как понимаю, что у здания напротив нас есть много окон от пола до потолка, которые имеют смысл только если они освещены и демонстрируют чей-нибудь стриптиз.

- Натяни свой капюшон, - говорит Барклай. - Мы в безопасности от узнавания на данный момент, но нам надо добраться до моей квартиры не будучи замеченным.

Он вытягивает шапочку из кармана пальто и надевает ее на голову. - Держись рядом со мной; не высовывайся. Ни с кем разговаривай, и что бы ты ни делала, не смотри вверх.

Я следую его приказам и остаюсь близко к его левому плечу, когда мы идем через переулок. Под неоновым освещением и кричащими знаками, грязь соответствует запаху. Здесь мусор скопился рядом с тротуарами и блокировал сточные канавы, и старая дождевая вода и, возможно, человеческие отходы сбились вокруг мусора, так как больше некуда деться.

Мы поворачиваем за угол и, опустив голову, достигаем другого переулка через слой зловонного пара, который поднимается из-под улицы. Барклай идет быстро и не высовывается, а я почти бегу, чтобы не отставать от него.

Какой бы частью Примы это ни было, это не то, где я хотела бы болтаться одна.

Спустя несколько поворотов, мы проходим стенд на улице со знаком, который говорит ВИННЫЙ ПОГРЕБОК ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ, но действительно это просто парень, жарящий какое-то мясо, которое выглядит сожженным и пахнет грязью. Мой желудок неприятно переворачивается, я стараюсь не задаваться вопросом, чье это мясо на самом деле. Там большой парень рядом с грилем, наблюдает как несколько людей поблизости приближаются. Он явно какой-то охранник, чтобы убедиться, что никто не крадет таинственное мясо. Он ловит мой взгляд, и глаза его обшаривают мое тело, в то время как его губы изгибаются в улыбке. Дрожь движется по моей спине.

- Иди быстрее, - говорит Барклай, не оборачиваясь.

На этот раз, я слушаюсь без вопросов.

Мы делаем еще один поворот, и проходим мимо бездомного парня, спящего на куче мусора. Рядом с ним старый металлический мусорный бак коптит от затухающего огня.

Он поднимает голову, когда мы проходим мимо. - Сколько стоит твоя девушка, парень?

Я почти ожидала, что Барклай пошутит о том, чтобы продать меня бездомному парню, если я не буду следовать его приказам и сотрудничать с ним, но он этого не делает. И я этому рада.

Наконец мы добираемся до металлического здания, которое, по крайней мере кажется, хорошо сохранилось. Два парня, которые похожи на какую-то смесь военных и полицейских, стоят на страже рядом с дверью. На них темные френчи, пуленепробиваемые жилеты и черные ботинки, и они держат автоматы. Поскольку мы приближаемся к ним, их тела заметно напряженны, и они поправляют свое оружие.

- Я буду говорить, - шепчет Барклай. С этим у меня нет проблем. - И не забудь держать голову опущенной.

Когда мы подходим на расстояние немного меньше чем пять футов, с оружием, направленным на нас, один из полицейских кричит, - Оставайтесь на месте. Покажите ваши жетоны.

05:01:05:31

Мы останавливаемся, и Барклай говорит своим самым вежливым голосом, - Я собираюсь залезть в задний карман и достать свой жетон. - но он не шевелится. Он ждет, когда приближающейся полицейский кивнет, затем лезет в карман и достает черный кошелек. Из него он сдает то, что выглядит как самые гламурные водительские права, которые я когда-либо видела.

Я переступаю на ногах. Я не могу помочь. Мое тело чувствует себя напряженным и немного слишком теплым, и я не уверена, как это будет работать.

Полицейский исследует удостоверение личности Барклая, наклоняя его, чтобы видеть голограмму, и затем запускает его через сканер. Пока он это делает, мы ничего не говорим. Я точно не уверена, что говорит карта. Лицевой жетон похож на какой-то идентификатор, только любая форма идентификации объявляет, "Эй, это Тейлор Барклай, парень, который, как предполагается, находится на некоторой миссии АИ и, кажется, что он не выполняет ее", что, насколько я знаю, не было планом.

Это хуже, чем контрольно-пропускной пункт, который я проходила с Дейдрой. С одной стороны, я знаю, что дома я нахожусь на правой стороне закона. Ощущая себя виноватыми означает, что мы, скорее всего, так и выглядим. Еще, я знаю, Дейдра будет бороться за меня. Барклай, с другой стороны, будет служить своим собственным целям. Он может понадобиться мне прямо сейчас, но если это выглядит как будто мы в беде, и это он или я, я знаю, что буду сама по себе. Плюс у меня нет какой-либо идентификации, по крайней мере той, что имела бы смысл для этих парней.

Я перевела взгляд к Барклай, чтобы видеть, подает ли он мне какой-нибудь знак. Если мы хотим обойти их, а он не может нас провести, просто поговорив, нам придется штурмовать вход силой. Двое из нас могли бы вывести парня перед нами элементом неожиданности, но мы были бы мертвы прежде, чем добрались до двери.

Хотя это не имеет значения, потому что Барклай расслаблен и терпелив, ожидая полицейского, чтобы забрать свое удостоверение обратно.

- Томас Барклай, сэр, - говорит полицейский, немного смущаясь. - Я прошу прощения за задержку, но я должен буду сообщить, что вы делаете здесь.

Барклай предлагает ему свою самую ослепительную улыбку. - Если возможно, я хотел бы оставить это вне отчета, - говорит он. - Видите ли, сестра моей жены... - он показывает на меня. - Ей было тяжело в последнее время, и я должен был прийти и забрать ее. Этого не случится снова.

Полицейский ничего не говорит, и Барклай, видимо, принимает это как приглашение, чтобы заплатить ему. Он достает несколько купюр из бумажника и передает их полицейскому. - На ваше усмотрение?

Я едва могу дышать, пока жду, что полицейский решит, что он собирается делать.

Если он откажется от денег, я не знаю, каков наш запасной план, который ставит меня в невыгодное положение, если мы приведем этот план в действие. Я могу последовать примеру Барклая, конечно, но я собираюсь быть медленной.

И иногда, быть медленной это как быть в итоге мертвой.

Но правда, когда я думаю, что он откажется, полицейский берет деньги и кладет в карман. - Я прошу прощения за неприятности, сэр. Сюда. - затем он сопровождает нас к двери.

Когда дверь открывается, это - лифт, и это явно самое чистое место в этой части города. Я следую за Барклаем, избегая зрительного контакта с полицейскими.

Я выдыхаю, когда двери закрываются и лифт оживает.

- Тейлор и Томас? - спрашиваю я.

- Позже, - отвечает Барклай.

Когда мы поднимаемся, я чувствую разницу в воздухе с каждым этажом, который мы проезжаем — чище, приятнее. В тишине мой ум возвращается к Бену и его семье. Он провел семь лет, пытаясь возвратиться к ним — его

родителям и его брату. Я помню первый раз, когда он рассказал мне о них. Это было так давно, ему было трудно вспомнить их лица.

Я представляю образ Джареда в голове, с волосами, которые необходимо подстричь и его улыбкой с ямочками, и я думаю о тех вещах, на которые я пойду, чтобы держать его в безопасности.

Прямо сейчас Бен или составляет план, как он может вернуть свою семью, или планирует как вернуться самому.

В любом случае, мы должны найти его первыми. И у нас есть всего пять дней, чтобы сделать это.

Лифт звенит и открывается на солнечную бело-синюю наружную платформу. Толпа людей в деловых костюмах и дорогих пальто стоит вокруг. У некоторых из них есть планшеты как iPad, только они абсолютно прозрачны, как будто сделаны из стекла.

Барклай ведет меня от лифта в толпу. Люди легко перемещаются, чтобы освободить место, не обращая на нас никакого внимания, и я стараюсь делать то же самое. Удивление всем различиям между их миром и моим сделает меня похожей на туриста или кого-то из другого места, а это привлечет внимание.

Но я не могу не задохнуться, когда вижу небо. Переливающийся серый с оттенками голубого, розового и фиолетового, и полосами серебра, и это прямо перед нами.

В конце платформы перила, отделяющие людей от падения, с высоты, должно быть, не менее шести этажей.

Барклай тянет меня к себе и обнимает. - Если ты не расслабишься, нас могут застрелить.

Когда я киваю, я слышу приближающийся поезд. Я поворачиваюсь и смотрю, хотя знаю, что не должна была. Я рада, что повернулась. Это серебряный и гладкий, как пуля поезд, только он не едет по реальным рельсам. Он парит над ними.

Звезды омрачают мое видение, и я чувствую себя легкомысленной, тону под тяжестью того где нахожусь. Интересно, чувствовал ли Бен себя похоже в нашем мире — или это то, что он чувствовал, когда пошел домой.

Я в другой вселенной — в месте, которому не принадлежу. Я здесь, вмешиваясь в законы этого мира и законы физики, которые понимаю.

И единственный человек, которого я знаю - Барклай. Это значит, что я в полном одиночестве.

Хочу чтобы Алекс был здесь. Я хочу, чтобы он мог видеть это, но даже больше я хочу, чтобы он мог сказать мне, что он думает обо всем этом.

Потому что это даже более темный лес для меня, чем обычно. Я иду против серьезных преступников, и всех правоохранительных органов. И я нахожусь в странном мире, который не является моим миром.

05:00:06:31

Когда шум от поезда достаточно громкий, чтобы приглушить наши голоса, я спрашиваю, - Итак, Томас?

- Мой брат, - говорит он, не глядя на меня.

- Те полицейские — все их поведение изменилось, когда они увидели его удостоверение.

Барклай ухмыляется, но это не совсем дружелюбно. - Он большая шишка в корпоративном мире. Я забрал его жетон несколько недель назад, прежде чем он покинул город на конференцию по глобальному потеплению или что-то такое. Он один из тех экологов.

- Один из тех?

- Спасем-мир-делая-все-зеленым-и-натуральным. Его жена тоже.

Поезд парит к остановке перед нами и двери открываются, чтобы показать чистый и почти пустой вагон. Рука Барклая на середине моей спины, ведет меня на поезд и к углу в задней части вагона, поскольку все остальные толпятся там. Поток людей переходит с платформы в поезд и Барклай держит меня за руку, чтобы я оставалась рядом с ним.

Я не перестаю удивляться, почему тот, кто проектировал этот город, выбрал наземная система вместо метро, как в моем Нью-Йорке.

И внезапно что-то происходит со мной. Что-то, о чем я должна была подумать раньше. - Почему Элайджа в Новой Приме?

Барклай затыкает меня. - Не сейчас.

- Ты отстой в работе с кем-то, - говорю я, потому что это правда.

Барклай наклоняется ко мне. - Здесь камеры по всему городу. - его губы прикасаются к моему уху когда он говорит, и я задерживаю дыхание, частично из-за того, что он говорит, а отчасти потому, что он слишком далеко в моем личном пространстве. - Они поднимут шум и болтовню, и программа вытащит любое из указанных слов. Мы не хотим, чтобы они знали, что мы здесь.

Я киваю, и он отклоняется назад.

Если есть камеры и то, что он говорит правда, то он абсолютно прав, но есть плохое чувство в моем животе. Я не могу себе представить, почему Элайджа когда-нибудь мог бы прийти в Приму по собственной воле. На самом деле, я знаю, что он бы не стал делать это.

Что означает, если он здесь, то кто-то заставил его прийти сюда.

Мне кажется, есть только несколько причин, зачем бы они сделали это.

И ни одна из них не означает ничего хорошего.

- Он был задержан АИ для допроса, - шепчет Барклай, как только поезд начинает двигаться. - Место заключения находится здесь в Новой Приме. Они не собираются освобождать его в ближайшее время, а значит мы должны добраться до него.

- Элайджа у АИ? - спрашиваю я, это щемящее чувство в моем животе, становится все хуже. Я думаю, что я знаю, но я должна спросить в любом случае. - Почему?

Барклай стискивает зубы и не отвечает.

И это поражает меня, я права.

- Потому что он тот, о ком заботится Бен... - впервые, это фактически говорит о том, что это могло бы означать для меня.

04:23:55:49

- Не совсем, - говорит Барклай.

- Не совсем что? - я зашипела ему на ухо. Я окружена людьми, которых я не знаю, задыхающаяся в поезде, который пахнет как смесь чистящих, моющих средств и духов. Если Барклай собирается делать все незаметно, то он может попросить кого-нибудь помочь.

Он хватает меня за плечо и шепчет, - Элайджа был задержан в течение последних нескольких месяцев или около того, и я буду рад объяснить позже, но мы не можем просто болтаться посреди города и ждать, чтобы нас поймали, Теннер. Используй свою голову.

Он не уточнил, почему. И я поняла. Он может объяснить все это в своей квартире. Только я не хочу идти в его квартиру. Я не хочу никуда идти. Каждый сигнал в моем теле ревет прямо сейчас, и все, что я хочу сделать, это отправиться домой.

Он должно быть ощущает мою панику, потому что Барклай хватает меня за руку. - Пойдем со мной, - говорит он, потянув меня с собой, чтобы подчеркнуть свою точку зрения. Когда мы добираемся до задней части вагона, Барклай открывает дверь и толкает меня туда, закрыв ее за собой.

Воздух вокруг нас оглушителен. Я не уверена, что осознавала, насколько ветер мог быть громким. Мы должно быть двигаемся почти девяносто миль в час. Барклай должен будет кричать, чтобы любой из нас услышал что-либо.

- Когда мы вернулись, Эрик и я написали отчет о том, что произошло! - кричит он. - Несколько месяцев назад Бен и Элайджа оба были задержаны. Я точно не знаю почему на самом деле, но их держали за незаконные путешествия между вселенными и торговлю, и в какой-то момент Бен либо сбежал либо был отпущен, и теперь приказано, что он должен быть доставлен сюда, живым или мертвым.

Я смотрю на лицо Барклая. Его челюсть сжата, и он выглядит немного взволнованным.

- В отчете ты сказал. - я почти не слышу собственного голоса - Ты упоминал мое отношение к Бену?

Он не смотрит на меня, и это достаточный ответ сам по себе. Натянутые капюшоны, избегая камер и не говоря, это приобретает совершенно новый смысл сейчас. - Так они на самом деле думали о моем захвате и казни?

- Это возможно, - говорит он, но я могу сказать, глядя на его лицо, это не то, что он имеет ввиду. Было бы точнее, если б он просто сказал “Да.”

И он привел меня сюда.

04:23:41:45

Поезд резко тормозит, и я теряю равновесие, врезаюсь в Барклая, мое лицо сталкивается с его грудью. Его руки вокруг меня, держат, чтобы предотвратить очередное падение. Он пахнет немного как океан - как порталы.

Я отталкиваюсь от него. - Какая часть твоего гениального плана включает в себя задержание меня для казни за то, чего Бен даже не делал? - получается громче, чем следовало, я кричу на Барклая, но совсем не собираюсь ругать себя за это.

- Не могла бы ты расслабиться! - он шипит на меня.

- Как я могу расслабиться? - я втягиваю воздух и пытаюсь держать себя в руках. У нас есть только четыре дня.

Четыре дня, чтобы освободить Сесиль, найти Бена, спасти свою семью и остановить торговцев. И АИ ищет меня. То есть в течение четырех дней, я могла бы быть мертва.

Барклай все еще не ответил мне. Когда я смотрю на него, он дергает головой влево и я вижу, что камеры следят за людьми, которые идут с платформы в поезд. Мы достаточно далеко, и там должно быть достаточно фонового шума, чтобы прикрыть нас, но я понимаю. Как бы я не злилась, этот разговор может подождать несколько минут.

Я жду спокойно, хотя и не терпеливо, пока мы едем еще две остановки. Когда Барклай кивает в сторону платформы, я следую за ним из поезда и с перрона в длинный, защищенный окнами коридор. Мы по-прежнему высоко, идя по какому-то надземному пешеходному мосту между зданиями, и, когда я смотрю в окно, все что я вижу - это небо, кристальные здания, и город, который выглядит, будто построенный на облаках.

Если бы я не была внезапно вззволнована своей кончиной, то думаю что Новая Прима была бы просто немного красива.

Но я волнуюсь. И я в ужасе.

О Бене и его семье. О Сесиль, где бы она ни была. И теперь я волнуюсь о себе тоже, потому что я обещала Стразу и себе, что вернусь. Я хочу сдержать обещание.

Проход ведет нас прямо к тому, что должно быть дом Барклая, потому что он открывает дверь, которая ведет нас к другому лифту.

Мы выходим на тридцать пятом этаже и идем по коридору жилых дверей. Я помню, когда в последний раз я была здесь и подавляю дрожь. В один момент мы были в подвале Бена, противостоя друг другу, в следующий - землетрясение и дом начинает рушиться. И после этого, Барклай открыл портал и вытащил нас через него в свою гостиную.

Я думаю о том чувство, будто мои внутренности таяли, когда я впервые путешествовала через портал, и я рада тому, что, по крайней мере на этот раз, я не нуждаюсь в успокоительном средстве.

Надеюсь домой я тоже доберусь живой.

Барклай открывает свою дверь и пропускает меня в квартиру.

Как только окажемся внутри, он снимает шляпу и устанавливает сигнализацию на дверь своей квартиры. Я бросаю свой рюкзак на пол, снимаю куртку, и бросаю ее на диван. Затем я складываю руки на груди и жду. Потому что мы не будем ничего делать, пока я не получу ответы на некоторые вопросы.

- Я точно не веду тебя через это вслепую, - говорит он, поворачиваясь ко мне. - Ты думаешь, я хочу видеть твою казнь?

- Пожалуйста, я знаю, что я - просто сопутствующий тебе ущерб.

- Давай проясним одну вещь, Теннер. Мы оба используем друг друга. Я пришел к тебе и попросил помочи. Но тебе от меня тоже нужна помощь. Это делает нас равными. Это означает, что ты не сопутствующий ущерб, потому что я нуждаюсь в тебе, поэтому перестань делать из меня плохого парня. Мы в одной команде.

- Ладно. - он прав. Мы в одной команде, не потому что нравимся друг другу или потому что хотим застрять вместе, а потому что все остальные с другой команде. Бороться друг с другом глупо, и это убьет одного из нас - вероятно, меня. - Так какой у нас план?

- Вот в чем дело. Я не могу поговорить с Элайджей, потому что я не в деле, - говорит он. - Уровень допуска, чтобы поговорить с узником, обвиненным в несанкционированных путешествиях между вселенными, заговоре с целью государственной измены и торговле людьми - выше моего ранга.

- Так как мы собираемся поговорить с ним? - спрашиваю я. Но как только эти слова слетели с моих уст, появилось тошнотворное чувство в моей груди. Потому что я думаю, что знаю, что он собирается сказать.

- Ты сможешь поговорить с ним, - говорит он, запустив руку в волосы. Что-то в этом жесте говорит мне - он не в восторге от того, что собирается сказать. - Ты была права. АИ ищет тебя. Ты важна для Бена, и они знают это.

Это поражает меня сильнее, чем должно. Кажется воздух выкачали из комнаты, и я отхожу назад, как будто меня толкнули.

АИ уже ищет меня.

Так что пути обратно нет. Даже если бы я хотела пойти домой сейчас, я не могу. Я должна пройти через это. Я должна решить этот вопрос. Или кто-то из АИ придет на мою Землю, чтобы вырвать меня из моей постели и вернуть сюда.

Они так же плохи, как торговцы. Интересно, потеряна ли эта ирония для Барклай.

- План заключается в том, что я собираюсь привести тебя в АИ под стражей, - добавляет Барклай. Он говорит медленно, его слова ровные и мягкие, как будто он ожидал от меня худшей реакции. - Тебя посадят в тот же тюремный корпус, где Элайджа, и в ту же ячейку, если нам повезет.

- А что потом? - я не позволю ему оставить меня гнить в какой-то тюремной камере.

- Затем, с моей помощью, ты и Элайджа сбежите.

04:23:05:17

Я уставилась на Баркляя. Я не двигаюсь с места, даже не дергается ил не изменяется выражение моего лица. Похоже, что я просто заморозилась пока мой разум воспроизводит наш разговор. У нас есть четыре дня, чтобы найти Бена и решить это дело, прежде чем АИ казнит людей, о которых он заботится — включая меня.. Единственный способ найти Бена - через Элайджу, который находится в безопасной тюрьме АИ. Что означает, я должна довериться им, а потом как-то его вытащить.

Но я не могу.

Я - один из самых уверенных в себе людей, которых я знаю. Алекс всегда раньше говорил мне, что это то, что он любил больше всего — и меньше всего — во мне. Поскольку я уверена в ошибке.

И, конечно, это то, что убило Алекса. Моя самоуверенность.

Но я также являюсь одним из самых реалистичных людей, которых я знаю. И то, что у меня сейчас есть - четкая логика. Четыре дня, чтобы пойти в тюрьму, сбежать, найти в мультивселенной Бена, и разоблачить самый большой рынок торговли людьми, с которым Барклай когда-либо сталкивался.

Просто никакой возможности. Не хватает времени. У меня нет достаточно нужных навыков. Я не уверена, что, черт возьми, с агентом Тейлором Барклаем, но не могу поверить, что он сумел обмануть меня, привести сюда и думать, что есть что-то, что я могла бы сделать.

Мы собираемся провалиться, и я собираюсь в конечном итоге умереть.

Барклай видит что-то на моем лице. - Не думай слишком много об этом пока. Выслушай меня.

У меня нет выбора.

Ведь, если я не сделаю этого, то, скорее всего АИ найдет и схватит меня. Сесиль будет продана в рабство, Бен будет признан виновным в торговле людьми, а я буду виновна в связи.

Если я не сделаю этого, то скорее всего, буду мертва в течение четырех дней.

03:22:08:38

Тюрьма называется Поршень, потому что ее видно из центра Новой Примы, и она выглядит как гротескный черный цилиндр, что вступает в противоречие с остальными зданиями.

Охранники ведут меня внутрь, мимо заключенных в тюремном корпусе А. Их по двое в маленькой камере с двухъярусными кроватями, туалетом и раковиной, таких этажей восемь. Это не сильно отличается от любой тюрьмы, которую я представляла или видела по телевизору.

Но тот факт, что я здесь, в наручниках, буду помещена в камеру, делает мою кожу холодной и липкой.

Несколько заключенных кричат мне, когда мы проходим, некоторые еще свистят, но это не имеет значения. Я не буду размещена в общей тюремной камере. Я буду в одиночной, где они держат худших заключенных, тех, которые представляют опасность для окружающих, и тех, о которых они хотят забыть.

Мы идем на один лестничный пролет и поворачиваем за угол. Мы идем по длинному коридору к тюремному корпусу S, одиночным камерам, и мои плечи немного расслабляются. Каждая маленькая вещь, которая идет по плану, означает что у меня больше шансов выбраться отсюда.

По словам Барклай, карцер мал. Там шестнадцать камер, по восемь на каждой стороне, с низкими потолками и толстыми черными стенами. Там нет решеток потому что нет окон.

Когда мы переходим в тюремный корпус S, я вижу, что Барклай прав.

Я также вижу, что мы не одни.

03:22:05:08

Дверь пятой камеры слева приоткрыта. Открытие заблокировано человеком, который не одет в форму охраны. Он носит джинсы и серую застегивающуюся на пуговицы рубашку. Его стрижка военная, высокий и плотный. Татуировка черной колючей проволоки видна из воротника его рубашки и поднимается по шее.

Дрожь проходит через мое тело и воздух, кажется, застревает в горле. Его рубашка с темными пятнами.

Что-то во мне хочет остановиться, стоять на своем и отказаться подходить ближе.

Потом я услышала приглушенные звуки борьбы, доносящиеся из камеры, и поняла, что темные пятна на его рубашке это кровь.

Мое сердце тяжелеет в груди . Я не хочу находиться рядом с этим человеком.

- Поторопись, - говорит он тому, кто в камере. - Выведи его.

Эта камера не должна быть Элайджи. Если только он не был перемещен? Нет, зачем это им?

Мои охранники продолжают подталкивать меня, и человек с кровью на рубашке поворачивается, чтобы наблюдать, как мы приближаемся. Его глаза задерживаются на мне, и я должна бороться, чтобы не отвести взгляд. Горький запах мочи поражает меня как стена, и страх скользит через мои вены, пока я не начинаю испытывать головокружение. Тогда прибывает ржавый, влажный запах крови.

Мужчина все еще изучает меня, его лицо пассивное и безразличное, и это чувствуется, будто с одного взгляда он увидел больше обо мне, чем я хотела бы. Проход тесный и он не двигается, так что нам надо протиснуться мимо него. Все это время он следит за мной.

Один из охранников говорит: - Извините, мистер Меридиан, - когда мы проходим.

Я смотрю украдкой в открытую дверь, и слова шепотом высекают с моим дыханием, прежде чем я могу остановить себя. - Бен.

Он внутри камеры. Его волосы свалились на одной стороне его лица с запекшейся кровью, щеки в синяках и опухшие. Мое дыхание перехватывает в горле, и я отказываюсь двигаться вперед с охранниками. Слишком много эмоций прокатываются через меня, чтобы попытаться обработать их все. Они избили его - я не хочу знать, сколько раз - а потом просто бросили его обратно в камеру отсыпаться. Но он здесь. Я могу попробовать вытащить его с Элайджей.

Но когда он поднимает голову и наши взгляды встречаются, я понимаю, что ошибаюсь. Это не Бен. У него такие же темные волосы, то же телосложение, те же глубоко посаженные глаза. Но лицо этого парня слегка отличается.

Брат Бэна, Дерек.

Он фыркает и говорит что-то. Мы никогда не встречались, и я видела только его двойника, но я знаю, что это он. Он старше Бена на несколько лет, опухший и избитый, ему нужно принять душ и побриться.

Охранник справа от меня сжимает пальцы намоем плече и толкает вперед. Я оборачиваюсь вокруг и пытаюсь увидеть что за мной, но охранники блокируют мне прямую видимость, толкая и таща меня в камеру, которая будет моей - последняя справа. Позади меня, Дерек говорит что-то. Тогда я слышу стон, затрудненное дыхание, и звук чьих-то ног, волочащихся по полу.

Когда охранник открывает мою камеру, я понимаю, что брат Бена сказал мне.

Он сказал, - Беги.

03:22:04:29

Я не могу дышать. Такое чувство, что стены приближаются ко мне, будто земля перемещается под моими ногами. Мое лицо слишком горячее, мое тело слишком холодное, и мои внутренности переворачиваются. Это был брат Бена, с засохшей кровью запекшейся на его одежде и синяками на лице и руках. Кто знает, куда они везут его сейчас - и что они собираются с ним делать.

Мое тело начинает дрожать, и я пытаюсь втянуть воздух в легкие.

Когда я выйду в одиннадцать часов, я должна оставить его здесь.

03:20:17:25

Моя камера маленькая и темная, просто достаточна большая для тонкой раскладушки с одной стороны. Вместо туалета темная дыра в полу в одном углу. Слабая лампочка на потолке немного мерцает, придавая помещению чувство как в фильме ужасов. Не помогает и тот факт, что все пахнет хлоркой, я не могу избавиться от запаха крови и мочи в своем носу.

Я лежу на верхней койке в стандартном светло-голубом хлопковом тюремном комбинезоне.

Но я не могу заставить свое тело расслабиться или свой ум, чтобы остановить вращение достаточно надолго, чтобы иметь хотя бы прерывистый сон.

Я слышу слабые крики, доносящиеся откуда-то еще в тюрьме, и я не уверена, настоящие они или часть моего буйного воображения. Я не могу оставить семью Бена здесь. Я должна их вытащить, но у меня нет кодов, чтобы открыть их двери - только Элайджи - и я не знаю как связаться Барклаем.

Мои ноги немного смещаются. Они беспокойны, и я встаю, чтобы бродить по крошечной комнате.

Несмотря ни на что, я не могу остаться здесь. Каждый раз, когда я слышу шум снаружи, я беспокоюсь, что Меридиан идет за мной. Я переживаю за Элайджу и обо всем, что может пойти не так сегодня вечером. Что я буду делать, если он слишком травмирован для ходьбы?

У меня трясутся руки, когда я прижимаю их ко лбу. Мне нужно расслабиться и сосредоточиться. Развалиться сейчас никому не поможет. Я заставляю себя сделать глубокий вдох. Должен быть способ спасти семью Бена.

Я не должна позволять своим ногам устать, так что я взбираюсь обратно на кровать, закрываю глаза и думаю о Бене. Я вижу, как он, надев одну из старых папиных футболок и спортивные штаны, только что из душа, пахнущий моим шампунем, в ночь, когда Элайджу подстрелили. Я помню, как он протянул руку и схватил мою. Наши пальцы переплелись и эти темные глаза смотрели прямо в мои, лежа рядом друг с другом в моей постели, держась друг за друга, прежде чем мир рухнул.

Ты сильная и умная, и никогда не ставишь себя на первое место. Ты не позволяешь ничему стоять на твоем пути, и ты прекрасна.

Я почти чувствую тепло его тела рядом с моим, силу его рук вокруг меня, и как он заставил меня чувствовать, что бы ни случилось, мы не сдаемся, мы будем бороться за то, чего мы хотели до самого конца.

Я буду держаться за эти воспоминания. Легче бороться, если не чувствуешь себя одинокой.

03:11:20:57

Я лежу на кушетке, на спине. У меня нет ничего.

У меня нет ни с одного жизнеспособного плана, чтобы вызволить брата Бена - или кого-то из его семьи - из их камер.

И у меня заканчивается время.

Я собираюсь оставить их. Идея обосновывается во мне как свинцовое одеяло. Я думаю о словах - я собираюсь оставить их. Это оставляет меня с чувством покалывания и немного больной - это то же самое чувство, которое я испытала, когда пришлось рассказать все об Алексе Джареду, новость, которую я не хотела признавать в случае, если это сделает ее более настоящей, и новость, на которую я не была уверена как он отреагирует, просто реакция будет плохой.

Сегодня в полночь, во время пересменки охранников, Барклай взломает систему безопасности, дверь моей камеры откроется, и он врубит ЭМИ. Тогда он будет ждать только за пределами территории.

Когда ЭМИ пройдет, все питание в тюрьме будет выключено. Около тридцати секунд потребуется резервному генератору для питания и потом еще двадцать для компьютеров и охранных систем для перезагрузки. Мне нужно добраться до камеры Элайджи, открыть дверь и вытащить его оттуда, а затем мы должны сбежать через тюрьму и вниз в лазарет, не будучи замеченными камерами.

Я пересказываю числа дверного кода вслух и визуализирую каждый шаг плана. Если я получу введу код неправильно, поднимется тревога.

Полагаю, я рада теперь, что мой папа цитировал фильмы и Секретные материалы и заставил меня делать то же самое, если я хотела идти в ногу. Я должна поблагодарить его - и маму, так как я всегда держалась на шаг впереди нее, чтобы остановить ее от питья или причинения вреда себе. Они оба по-своему помогли подготовить меня к этому.

Хотя я начинаю жалеть, что я не имею фотографическую память как у Сесиль. Эта девушка может представить и вспомнить все, что она записала собственным почерком. Если она записала однажды, то по щелчку пальцев, она могла прочитать это вам. Если бы это было так легко для меня, я бы просто написала план и следовала карте в своей голове. Как то, что я застряла повторяя все снова и снова, чтобы мне не ошибиться.

Я думаю о Сесиль, когда часы под моей кожей издают гудок и оживают.

И цифры начинают обратный отсчет.

00:05:00

03:11:05:00

Вот оно. Мой момент жизни-или-смерти. Я делаю глубокий вдох и спрыгиваю с кушетки.

4

У меня есть только один шанс, чтобы следовать всем инструкциям Барклай. Если это не поможет, а я все еще буду жива, то застряну здесь.

3

Барклай не сможет ничего сделать, не идя против приказов.

2

Если это не сработает, если я не освобожу нас, то в конечном итоге меня могут бить и пытать за попытку побега, и Барклай, скорее всего, оставит меня здесь.

1

Я стою перед своей дверью, мышцы напряжены и готовы к бегу, мои пальцы готовы вырвать дверь, как только она разблокируется.

Слышен звук. Это звук выключения электроники. Звук тишины.

И гаснет свет.

03:11:00:00

Я слышу как что-то щелкает внутри двери моей камеры. Мое сердце тяжелеет в груди, я толкаю. Дверь поддается легко, как будто никогда не закрывалась, и я в коридоре. Я неуклонно двигаюсь на север, оставаясь по правой стороне зала на случай, если камеры включатся раньше. Мой пульс, и мои ноги стучат по полу, когда я бегу, это единственное, что я слышу.

Я стараюсь не смотреть на двери, которые прохожу мимо. Я знаю, что ничего не могу сделать, но мои внутренности крутят в любом случае. Я ненавижу то, что оставляю людей позади.

Когда я пробегаю мимо двери Дерека, то ударяю ее ладонью и кричу: - Я вернусь за тобой, - потому что если мы выберемся отсюда, я не собираюсь забывать на что это место похоже.

Тогда я продолжаю бежать.

Я врезаюсь в дверь Элайджи, камеру номер тринадцать, и ввожу код, который врезался в мою память.

4-0-7-5-2

Дверь распахивается, и я ахаю.

Даже в темноте я вижу, что он подвергался пыткам. Левая сторона его лица распухла и искалечена. Кровь и грязь, запекшаяся на его лице, смешивается с синяками. Похоже, он не мылся месяц или больше - его рыжевато-светлые волосы выглядят коричневыми. Он тощий, костлявый местами, будто потерял пятнадцать, может двадцать фунтов. Его рот открывается, когда он меня видит, но ни звука не выходит. Мне повезет, если я смогу заставить его ходить. Я хватаю его пустую миску и использую чтобы подпереть дверь, потом я побегаю к нему и тяну с земли.

- Элайджа, я собираюсь вытащить тебя отсюда, - говорю я. - Ты должен следовать за мной.

Он кивает, и я могу чувствовать, что он берет себя в руки, чтобы поддержать себя. - Ты хорошо выглядишь. - его голос надламывается, еще один признак того, что он бредит.

Я перекидываю его руку через плечо, чтобы поддержать, и мы двигаемся к двери камеры. Я держу ее за край едва открытой, пинаю миску в сторону и смотрю на цифры на моей коже.

00:14:70

Мы не имеем хоть сколько больше времени. Если нас поймают камеры, то мы можем только возвратиться к нашим клеткам.

Я распахиваю дверь его камеры и тяну Элайджу, затем хромаю, наполовину идя, наполовину таща его по коридору. Его дыхание затрудненное, и есть определенная заминка в его шаге, будто он не может поместить много веса на левую ногу. Значит, большую часть его веса на мне.

Но мы добираемся до лестничной клетки, и поскольку я толкаю дверь, тусклые верхние огни начинают включаться.

Резервный генератор.

- Мне нужно, чтобы ты поторопился, - ворчу я и тяну его вниз по лестнице. Мой пульс бьется в ушах, а мышцы на руках трясутся под весом Элайджи.

- Если нас поймают, то они, наверное, просто убьют нас, - говорит с кашлем Элайджа.

- Перестань пытаться быть полезной. - я почти улыбаюсь. Это Элайджа, я знаю. Они еще не сломили его.

Мы попадаем на лестничную площадку, половина пути, я регулирую свою хватку и продолжаю тянуть его за собой.

Мы должны пройти через лазарет в медицинском отсеке - где находятся мертвые или тяжело раненые заключенные, прооперированы или даже перевезены в морг. Есть решетка вниз в канализационную систему. С кодом, я смогу отключить ее, и Элайджа и я будем идти до конца и спустимся в канализацию. Мы проделаем наш путь через тунNELи и придем туда, где Барклай будет ждать нас. Он очевидно уже прошел их с внешней стороны, чтобы удостовериться, что они приведут на правильный путь.

Мы достигаем низшей точки лестничной клетки, и я ударяю кулаком в дверь, чтобы ввести код на ограниченный подвальный уровень пола.

3-5-1-1-7

Дверь открывается, и я проталкиваю Элайджу.

Барклай и я надеялись, что отключение электричества и любые общие путаницы во время пересменки дадут мне достаточно времени, чтобы добраться до лазарета, нижней решетки, и в канализацию, минуя камеры и не потревожив сигнализацию.

Но когда я смотрю на свою кожу и вижу, что осталось пятьдесят три секунды, я знаю, что я слишком медленная.

Мы собираемся попасть в камеру.

Стискиваю зубы и стараюсь двигаться быстрее.

Лазарет находится в противоположном крыле тюрьмы, и пока направления Барклай верны, мы должны идти до самого конца этого коридора, затем налево в конце следующего и он будет перед нами. Если мы поторопимся изо всех сил, может быть, мы сможем сделать это.

Мы поворачиваем направо.

Я бегу и тащу с Элайджу по коридору. Я не перевожу свой взгляд на цифры, тикающие на моей коже - я знаю, мы идем не достаточно быстро.

Мы собираемся свернуть налево и за угол в сторону лазарета, когда дверь в конце коридора открывается, и фонарик охранника светит на нас.

Я удерживаю зрительный контакт с ним и вижу удивление на его лице, когда он нащупывает свое оружие.

- Поторопись! - говорю я Элайдже, потому что не могу поддерживать его и сохранять нас обоих живыми.

Только мой голос тонет в шуме выстрелов.

03:10:58:49

Моя реакция автоматическая. Я наклоняю и бросаю руку над головой, следуя какому-то основному инстинкту. И продолжаю бежать.

Илия должен иметь те же инстинкты, потому что ему удается подхватить темп.

Мы поворачиваем за угол.

Я вижу дверь в лазарет. Она темно-бордовая, как описал Барклай, кодовая панель рядом с ней.

Код 12386.

Время, кажется, замедлилось.

Я до сих пор слышу эхо выстрелов, и хотя я знаю, что это не прямая угроза, поскольку охранник все еще за углом, я продолжаю держать голову и дыхание, ожидая получить удар.

Но я могу также слышать, как моя обувь стучит по бетонному полу. Каждый шаг отражается через мои ноги, соответствуя моему сердечному ритму.

Я не замедляюсь, когда мы подходим к двери.

Я бегу на полной скорости, прямо в нее.

Это чертовски больно, но если я доживу до завтра, синяки будут того стоить.

Мои пальцы нашли дверную панель, и я вбиваю цифры.

1

Сигнализация срабатывает над нами, красные лампочки мигают, а сирена воет сквозь стены.

2

Я оглядываюсь назад, чтобы увидеть охранника, свернувшего за угол.

3

Громкий хлопок позади меня - звук выстрела.

8

Я вздрагиваю, потому что пуля врезается в бетон меньше чем в дюйме от моей руки.

6

Дверь щелкает, и я поворачиваю ручку.

Когда я двигаюсь через дверь, я вижу, что Элайджа падает напротив стены. Мое горло немного сдавливает, и такое чувство, будто что-то ударились в меня. Я схватила его руку и потянула в комнату.

Он спотыкается и сто шестьдесят фунтов врезаются в меня. Мы падаем назад, и я врезаюсь во что-то острое и холодное. Я слышу звон стекла.

Но на мгновение мы в безопасности.

Мы здесь - в лазарете.

Только один шаг влево, прежде чем мы сможем выбраться отсюда.

Элайджа стонет. - Что-то не так с моей ногой.

Я веду вниз и моя рука касается чего-то теплого и липкого.

Кровь.

03:10:58:36

В моего отца стреляли на работе три раза. В первый раз я была маленькой девочкой, может быть два или три года, и я не помню это. Второй раз мне было

одиннадцать, и пуля попал в руку, чуть выше локтя. Это был выстрел навылет. Он только взял на работе отгул.

В третий раз он умер.

Но прежде чем это произошло, он сказал мне, что когда подстреливают впервые, ты ничего не чувствуешь. Это пока ты не смотришь вниз и видишь кровь, твоё тело позволяет твоему мозгу поглощает боль.

03:10:58:35

Я проверяю себя. Мои глаза охватывают мои руки и ноги, мои руки ощупывают мой живот и спину. Только кровь, похоже, от Элайджи. От его голени.

Я не знаю, насколько серьезно он ранен. Пуля может быть до сих пор там. Это может повредить что-то важное. Я не ходила на анатомию, поэтому я не знаю, есть ли там артерии, которые могут отсчитывать последние секунды его жизни. Но это не имеет значения. Я знаю, что должна как-то остановить поток крови. И я знаю, что у меня не так много времени.

Потому что охранник идет по коридору прямо сейчас.

Я хватаю за свой рукав и начинаю отрывать. Тогда я передаю материал Элайдже, который поднялся в сидячее положение напротив стены. - Затяни это выше раны. Так туго, как сможешь. Меня не волнует насколько это больно.

- Дерьмо, Джи, - говорит он. - Ты подставила меня под чертову пулю.

- Будешь психовать об этом позже. Мы по-прежнему должны выйти отсюда.

Я смотрю на дверь. Мы не имеем достаточно времени, чтобы отключить решетку и спуститься в канализацию с охраной, следующей за нами. Я должна буду все равно вынуть ее.

Когда он подходит, дверь готова распахнуться. Если он был обучен для всего, он поведет своей пушкой, когда откроет дверь. Он зайдет медленно, ища нас. Если он не видел много действия, он будет нервничать и держать пистолет перед собой, как какой-то щит.

Я делаю глубокий вдох и думаю о Сесиль, которая нуждается во мне, чтобы я сделала это. Сжимаю руки в кулаки и затем отпускаю их.

Мы еще можем выбраться отсюда.

Элайджа сидит по диагонали от двери, что означает, что он рискует попасться на глаза охраннику. Если я стою за дверью, я буду иметь преимущество. Я могу выбить пистолет из его руки, а затем завладеть. Я могу ударить его запястья

чем-нибудь тяжелым, где кости хрупкие независимо от размера человека. У меня будет около секунды, чтобы отключить его.

Но мне нужно что-то - оружие - в первую очередь.

Там осколок стекла на полу. Это от зеркала, что я разбила, когда мы с Элайджей ввалились сюда, это тонкий треугольник, размером с мое предплечье. Но этого не будет достаточно, чтобы отключить его.

Затем я вижу огнетушитель на стене. Он будет тяжелым, неповоротливым, но это может сработать. Я хватаю его и располагаюсь за дверью, а затем устанавливаю переключатель света так, чтобы свет из коридора дал мне еще одно преимущество.

И жду.

03:10:58:10

Загорается красная лампочка, сигнал ревет как сирена, а Элайджа стонет от боли, но над всем этим я слышу биение своего сердца.

Я держу свои глаза внизу, уставившись на свет под дверью. Когда тень охранника пересекает его, я сжимаю обе руки вокруг моего импровизированного оружия и пытаюсь успокоить свое дыхание.

Это мой единственный шанс.

Я не могу колебаться. Не имеет значения, что этот охранник не обязательно мой враг. Не имеет значения, если он не парень, который угрожал мне или подверг пыткам Элайджу. Даже не имеет значения, если он не знает кто я или что АЙ хочет сделать со мной.

Важно, что он стрелял в нас - то, что он стрелял Элайджу. Важно, что Барклай ждет нас, что Бен и Сесиль нуждаются в нас. Что торговцы там, и мы должны остановить их.

Это означает, что в течение трех дней, десяти часов, и пятидесяти восьми минут мы все можем быть мертвыми.

Я делаю еще один глубокий вдох. Сейчас это он или я.

Моя жизнь зависит от того, что я сделаю в следующий момент.

Я слышу щелчок замка, и дверная ручка поворачивается.

03:10:57:24

Свет из коридора подсвечивает его, обрисовывая в общих чертах так, что он выделяется в нашей темной комнате. Я могу легко видеть, что его левая рука находится на двери, а правая на оружии.

Обеими руками плотно сжимая огнетушитель, я поднимаю его над своей головой, и так сильно, как только могу опускаю на его запястье.

Он кричит. Это ужасный звук.

Пистолет грохочет об пол и скользит подальше от меня.

Охранник тянет руку, прижимая ее к своей груди, и дверь захлопывается, перекрывая свет из коридора.

Это занимает доли секунды, чтобы мои глаза привыкли к темноте.

Охранник покалечен, но он знает, где я нахожусь сейчас, а его пистолет находится слишком далеко от меня, чтобы добраться до него первой.

С одной лишь здоровой рукой, он мчится на меня. Я замахиваюсь огнетушителем снова, но на этот раз он ожидает этого и его левая рука хватает его прежде, чем я успеваю ударить. Неверный шаг выбрасывает меня из равновесия, и он толкает меня, сбивая меня на пустую больничную койку, пока выкручивает огнетушитель из моих рук.

Я хлопаю пяткой по одной из его ног, и он ворчит, отпуская огнетушитель. Он глухо стучит по полу, и я поднимаю другое колено, чтобы ударить его по яйцам, но он быстрее, чем я ожидала, и вместо этого удар приходится на его бедро. Моя лодыжка неудобно поворачивается, боль пронаезжает ногу, и я чувствую, что падаю.

Когда моя спина врезается в землю, рука на моем горле напрягается, обрывая мою способность дышать. Я пытаюсь ударить снова, но колено давит на мою грудь.

Я в ловушке.

03:10:56:58

Мой отец всегда жаловался, как феминизм объясняет нам, что женщины равноправны с мужчинами. Не потому, что он сексист или что-нибудь еще, а потому что он твердо верил в реализм.

Факт: среднестатистический мужчина на пять с половиной дюймов выше, чем среднестатистическая женщина, и он превышает ее на двадцать шесть фунтов.

Факт: женщина, которая весит 150 фунтов по-прежнему имеет только 70 процентов от прочностной характеристики 150-фунтового мужчины.

В результате прямая сила против силы, мужчина собирается пересилить женщину.

Вот почему я не собираюсь бросать свою силу на кого-то, кто крупнее и тяжелее меня. Я умнее этого.

Нос, горло, пах, уши, и глаза слабые места у всех.

03:10:56:57

Я обрушаюсь на его глаза.

Протягишаю руки, мои пальцы касаются скользкой, потной кожи его лица, и прижимаю большие пальцы к его глазницам.

Я стараюсь не обращать внимания на болезненное ощущение в животе, когда резиновая упругость его глаз поддается под мои пальцами. Я думаю о своем отце, который стоял на нашем дворе со мной и Алексом и учил нас основам самообороны, он говорил нам, что мы должны были знать, что не возможно быть брезгливым по отношению к тому, кто напал на нас.

Я нажимаю сильнее, тянусь и напрягаюсь от земли. Моя шея сжимается в руке напротив, пока не появляется такое чувство, что моя трахея может сломаться. Звезды появляются в уголках глаз, но я продолжаю работать - изо всех сил пытаюсь сделать то, чему мой папа учил меня.

Пока что-то не поддается под большим пальцем моей правой руки.

Охранник дергается назад со стоном, ослабив давление на горло достаточно, чтобы позволить мне не задыхаться, а моя левая рука скользит вниз к его носу.

Воздух наполняет мои легкие и мое зрение проясняется, чтобы увидеть кровь, стекающую по его лицу от левого глаза.

Зубы впиваются в мягкую кожу между большим и указательным пальцами, а мой крик поглощается пальцами, которые напрягаются вокруг моего горла и прижимают мою голову к бетону.

Боль взрывается в моей голове, и на секунду весь мир темнеет. Я чувствую непреодолимую тяжесть, и руки бесполезно опускаются по бокам.

Вот тогда я касаюсь этого.

Что-то холодное и острое под моей правой рукой.

Обломок зеркала.

Я чувствую самую широкую часть и обворачиваю пальцы вокруг нее. Острые края впиваются в мою ладонь, но резкая боль помогает очистить мое видение и дает мне момент ясности.

Я помню о смертельных зонах, которым мой папа учил меня, и с каждой оставшейся у меня унцией силы втыкаю заостренный конец в его шею, прямо под подбородком.

Кровь устремляется из зияющей дыры на моих руки и грудь. Она теплая и густая. Давление на моем горле ослабевает, когда он тянется к своей шее, пытаясь остановить кровь, пытаясь удержать ее как-то, но он не может. Я ударила по артерии - сонной, я думаю - и он истечет кровью в считанные секунды. Он смотрит на меня, карие глаза, широкие от удивления, когда он начинает терять контроль над своим телом. Сила покидает ноги и он начинает валиться в сторону.

Я заставляю себя продолжать смотреть на него - он в конце своих двадцатых - начале тридцатых годов с короткими светлыми волосами, мощной челюстью и крючковатым носом - в то время как жизнь покидает его глаза.

Моя грудь чувствует себя неуютно.

Я только что убила человека.

03:10:54:58

Я говорю себе, что у меня не было выбора, но когда смотрю вниз на свои руки, покрытые его кровью, то чувствую тошноту. Они не похожи на те, что могли бы быть моими. Когда они начинают дрожать, я роняю кусок стекла.

Позади меня, я слышу затрудненное дыхание Элайджи. Я пытаюсь унять дрожь, наклоняюсь и вытираю руки о куртку мертвого охранника. Не вся кровь стерлась. Затем я притворяюсь, что это не я - я не убивала этого человека, я не бегу из тюрьмы и я не пришла в альтернативную Вселенную, пытаясь спасти моего друга от торговцев людьми. Эта жизнь принадлежит кому-то другому - я просто играю ее.

- Ты в порядке? - спрашиваю я у Элайджи. - Ты привязал жгут?

- Я черт возьми подстрелен, - говорит он. Его голос спокойный, тихий, но раздраженный, будто он говорит мне, что он забыл свою домашнюю работу - будто он не наблюдал как я просто убила кого-то. Он пожимает плечами. - Насколько это "нормально" для тебя?

Я падаю вниз, чтобы посмотреть на его ногу. - Ты знаешь, что я имею в виду. Мы не можем просто сидеть здесь и ждать больше охранников. - я рада, когда понимаю, что пуля задела его икроножную мышцу и прошла

навылет. Кровотечение не прекратилось, но замедлилось, и ему не грозит умереть на мой взгляд прямо сейчас.

Теперь нам остается только выбраться отсюда и встретиться Барклаем прежде чем мы столкнемся с еще большим количеством проблем.

Я нахожу решетку в дальнем углу. Она выглядит меньшее, чем мне бы хотелось, но Барклай уверил меня, что он смог пролезть через нее, а он крупнее чем Элайджа и я вместе. Сама решетка - сложная сетка синих лазерных лучей, которые врежутся прямо в мою кожу, если я коснусь их.

На стене выше решетки клавиатура. Я ввожу код, который запомнила.

8-4-3-1-6

И лазеры исчезают.

Хотя есть проблема. Мы уже запустили сигнализацию, и теперь я вижу, что Барклай имел в виду под промывочной системой огня.

Он везде, высокая температура проходит через решетку и заставляет меня потеть. В течение секунды я думаю об огнетушителе, но быстро отклоняю его как что-то, что мы могли бы использовать. Огонь просто слишком большой.

Когда я смотрю вниз, то вижу воду - и я говорю воду, потому что не хочу думать о том, что это на самом деле - но огонь заполняет путь, который мы должны проделать, чтобы добраться туда.

Огонь должен приходить из труб в стенах, как сложной системы паяльных ламп, и уходить через них в то же время.

Я считаю как долго пламя, кажется, длится и сколько перерыв между выбросами. Не долго. Мы собираемся прыгать через огонь, чтобы выбраться отсюда.

Должен быть способ, чтобы мы могли пройти без ожогов. Я оглядываюсь на комнату.

Раскладушка.

Я бегу к ней и вырываю ткань, потом иду к раковине и включаю воду. Когда ткань полностью пропиталась, я обертываю одну вокруг своих плеч, а другую вокруг Элайджи.

Оттаскиваю его к решетке.

- Ты должна была нахрен оставить меня в камере, - говорит он, когда видит пламя.

- Ты должен доверять мне, - говорю я. - И ты должен задержать дыхание.

Я сделаю так, что Элайджа пойдет первым, потому что у нас нет много времени до того, как охранники пройдут через эту дверь, а он не сможет защитить себя, если останется один. Я толкаю его так, что он сидит на краю открытой решетки свесив ноги над огнем. Огонь ревет в течение шести секунд, а затем есть около двух секунд передышки от пламени, это означает, что он не может попробовать спуститься быстро. Ему придется прыгать через туннель, и ему нужно начать прыгать, пока огонь на своих последних секундах, иначе его поймает в огне, когда он вернется.

- Мои ноги чертовски горят, - говорит он, и я вижу его адамово яблоко двигаться, когда он глотает.

- На самом деле, еще нет, - говорю я. - Скрести руки на груди, прижми подбородок и закрой глаза. Когда я скажу задержать дыхание и прыгать, ты должен это сделать. Ты не можешь ждать.

- Пошла ты, - отвечает он, но потом смотрит на меня, сжимает губы и добавляет: - Не смей застрять здесь. - его голос серьезный и грубый, и я думаю, что если мы выберемся отсюда, мы могли бы быть друзьями.

- Останься под водой, - говорю я.

Он ворчит в согласие и смотрит вниз, прижимая свой подбородок.

Пламя исчезает.

- На счет шесть, - говорю я.

Пламя снова включается.

- Один... - шепчу я. - Два... - я держу свой голос как можно ровнее. - Три... - я поместила руку прямо на спину Элайджи. - Четыре... - я надеюсь, что это сработает. - Пять. - и как только я говорю это, толкаю его.

Я сажусь в его положение, когда он исчезает, и надеюсь, что он не забудет задержать дыхание. Я вижу всплеск, прямо прежде чем пламя снова выбрасывается в обратном направлении, и повторяю свой подсчет.

Один.

Мои ноги болтаются над огнем.

Два.

Я скрещиваю руки на груди и тяну мокрую ткань вокруг себя.

Три.

Я прижимаю подбородок, смотрю вниз и борюсь, чтобы игнорировать панику, подымающуюся в груди.

Четыре.

Пот стекает по центру моей спины.

Пять.

Я делаю глубокий вдох, закрываю глаза, и бросаюсь вниз, в канализацию.

И я кричу.

Невыносимо жарко, почти как в первый раз, когда я прошла через портал. Просто тепло в воздухе палит мои волосы и обжигает мою кожу.

Затем что-то холодное и грязное врезается в меня, и я понимаю, что сделала это. Я под водой. Я открываю глаза и вижу что-то темное, надеюсь, что это Элайджа. Я тянусь за ним и хватаю. Это рука и это тепло, которое я думаю, является хорошей вещью. Он двигается и его рука сжимает мою руку, прежде чем он начнет плыть на поверхность. Но я хватаю его и держу крепче. Он не может подняться прямо сейчас.

Потянув его с собой, я пытаюсь плыть вперед.

И когда наступает время, я дергаю его, и наши лица вырываются на свободу. Вонь горения везде - горящая пластмасса, горящие волосы и кожа, горящие сточные воды.

- Еще большой вздох! - говорю я, оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что мы движемся в правильном направлении. Мы движемся правильно.

Элайджа делает огромный вздох, и мы оба окунаемся обратно в канализацию. Тот факт, что я тащу его, что мы оба в одежде, перемещаемся через грязь - все это делает нас слишком медленными. Нам нужно торопиться. Как только они поймут, куда мы ушли, они выключат огонь и нырнут в канализацию, чтобы попытаться найти нас.

Я могу чувствовать момент, когда огонь выключается. Температура немедленно понижается приблизительно на десять градусов и даже при том, что воздух все еще наполнен запахом гари, дышать легче.

Потянув Элайджу наверх, мы всплываем на поверхности и я кричу: - Плыви так быстро, как можешь и следуй за мной!

Потому что они нашли нас.

03:10:46:02

Я слышу голоса в туннеле позади нас. Из-за плохой акустики я не могу разобрать, что они говорят - их голоса отскакивают от воды и близких стен - я только знаю, что они достаточно далеко, что они нас не видят.

Если бы они видели, они бы стреляли.

Я опустила голову и поплыла. С каждым гребком, я протягивала руку и хватала воду, пытаясь оттолкнуть ее за себя, работала ногами в два раза быстрее, и надеялась, что Элайджа может просто держаться.

Туннель идет в разных направлениях, но перед нами лестница, которая ведет в другой туннель, в вертикальный, и выше этого, Барклай все еще сдерживал свое слово.

- Иди первый, - говорю я, вытягивая Элайджу из воды. Его руки трясутся, когда он начинает тянуть себя вверх, но ноги у него еще хуже. Одна ранена кто знает чем, а другая просто как мертвый груз после выстрела. Я скользжу под ним, так что его тело поконится на моих плечах. Он мычит в знак протesta, но у нас нет других вариантов.

Я хватаю металлические прутья и начинаю восхождение. Все, что Элайджа должен сделать, это держать продолжать держаться.

Я продолжаю подниматься, управляя нами в темноте в сторону маленького кусочка света в верхней части тоннеля, и я молюсь, чтобы Барклай на самом деле был там. Потому что если его там нет, я больше не знаю куда идти.

- Я вижу что-то, - говорит Элайджа. Затем он фыркает, и тут слышится скрежет металла о металл.

Вес Элайджи снят меня, и я быстро взбираюсь на последние ступени.

- Поторопись, или мы никогда не сможем выбраться отсюда, прежде чем они заметят нас, - говорит Барклай.

Элайджа падает на землю, кашляя. - Неужели мы сделали это? - говорит он.

- Почти. - я смотрю на Барклая, и я никогда не была так рада видеть его.

Он тянет меня остаток пути из канализационной трубы, и мы оба хватаем Элайджу.

Барклай держит мой рюкзак на спине и достает квантовое устройство из кармана. Он видимо уже задал пункт назначения, потому что нажимает одну кнопку, и я слышу, как он открывается.

Портал открывает перед нами, и что-то в моей груди поднимается, когда прохладный воздух и запах моря окружает нас. Держа Элайджу под руки, я киваю на Барклаю, и мы втроем шагаем в портал.

03:10:45:38

В конечном итоге мы свалились в кучу на земле, пытаясь отдохнуть. Мое тело болит, моя кожа чувствуется ободранной, будто у меня действительно плохой загар, а мой рот так пересох, что это причиняет боль.

Я смотрю вокруг, но требуется только секунда, чтобы понять, что мы находимся в том же самом заброшенном мире, в который Барклай привел меня на нашем пути сюда.

Значит мы в безопасности.

Мои глаза горят, теплые слезы скатываются по опаленной коже.

После того, как портал закрывается за нами, Барклай хватает меня за плечи и поворачивает к себе лицом. - Тебе больно? - спрашивает он, дергая мою мокрую одежду, чтобы проверить кровь.

Я никогда не была так рад видеть его лицо во всей моей жизни. Эти голубые глаза, высокие скулы и сильные челюсти. Он самое прекрасное, что я когда-либо видела. Я хочу обернуть руки вокруг него, спрятать лицо на его плече и никогда не отпускать.

По крайней мере на секунду, затем я вспоминаю, что это Барклай и это был его план, в первую очередь, и это помогает мне справиться с этим.

- Дженнель, тебе больно?

Его хватка усиливается и боль пронзает мои плечи. Я качаю головой и пытаюсь оттолкнуть его, но он держит слишком крепко.

- Что случилось?

- Это не моя кровь, - говорю я, наконец говоря то, что он хотел получить от меня.

Но это напоминает мне. Я смотрю вниз и все, что я вижу это кровь. Большинство из этого уже смыло, но она все еще в моих волосах и под ногтями. Даже мои руки выглядят запятнанными.

- Чья она? - он говорит, глядя на Элайджу.

- Охранника, - говорю я, хотя не могу поверить, что это мои слова. - Я убила его.

Когда я говорю это, это действительно впитывается. Прошлой осенью я видела как кое-кто умер прямо передо мной, и я думала, что это было достаточно плохо. Но теперь я убила кого-то. Своими собственными руками я воткнула зубчатый кусок металла в его шею, я чувствовала как его кровь хлынула на мои руки, впитываясь в мою кожу.

Я думаю о его лице, и мой живот сжимается. Я отворачиваюсь от Барклай, сгибаясь в талии, и меня рвет на траву.

- Она в порядке? - спрашивает Элайджа, когда я снова поднимаюсь. - Охранник, он черт возьми стрелял в меня. Он задел ее тоже?

- С ней все в порядке, просто шок, - говорит Барклай. Он потирает рукой мою спину и говорит: - Не волнуйся, это всегда происходит в первый раз, это нормально.

Я не могу себе представить, что эти слова когда-либо заставили кого-то чувствовать себя лучше.

И если он не мог стать еще хуже, он добавляет, - Это станет легче.

Я втягиваю достаточно воздуха, чтобы сказать: - Боже, я надеюсь, что нет, - прежде чем выплескиваю остаток кислоты из моего желудка на траву.

03:10:37:14

Барклай проверяет раны Элайджи и дает каждому из нас сменную одежду из моего рюкзака.

Затем он приседает рядом со мной. - Он в плохом состоянии, - шепчет Барклай.

- Я думаю, что пуля прошла насеквоздь, но я не могу быть уверен, что там не остался фрагмент чего-либо.

На секунду я просто смотрю на него. Я не уверена, что он от меня хочет.

Барклай должно быть чувствует это, потому что добавляет, - Ему нужна больница.

Я киваю. Прямо сейчас я чувствую, что мне тоже может понадобиться больница.

- Я знаю одну хорошую, - говорит Барклай. - Это мир, похожий на ваш дом, где нет путешествий между вселенными и не много нестабильностей. Там мы будем в безопасности пока не останемся слишком надолго.

Я ничего не говорю, и Барклай хватает меня за плечи и трясет. Мой взгляд падает на его шею и почему-то, я представляю зеркало, врезающееся в его шею, и стекающую кровь.

- Посмотри на меня, - говорит он, его хватка крепнет на моих плечах.

Я поднимаю свои глаза к нему.

- Что бы ни случилось, это не твоя вина, - говорит он. - После того, как это закончится, ты можешь плакать, но прямо сейчас мне нужно, чтобы ты завязывала с этим.

Это не большая вдохновляющая речь, но она заставляет меня двигаться. Я не думаю о том, что слишком тяжело вспоминать, у нас осталось только три с половиной дня, чтобы закрыть рынок торговли людьми и сохранить всех, о ком я заботчусь.

03:10:29:57

Больница находится в захудалой части города - где бы мы ни находились - который Барклай называет Небольшой Пекин. Приемная заполнена детьми с насморком и кашлем и парнем, у которого острый инфекционный конъюнктивит.

Как мы подходим к стойке регистрации, женщина за ней краснеет, ее кожа цвета слоновой кости, становится ярко-розовой когда она видит Барклая, а затем опускает глаза. Она не может подавить улыбку уже формирующуюся на ее губах.

Барклай наклоняется к ней, быстро говоря на языке, которого я не узнаю. Это может быть китайский или это может быть нечто совсем другое. Я понятия не имею.

Но это работает.

Она встает, машет Эладже и мне, затем провожает нас троих обратно в пустую комнату.

Доктор входит, и регистратор говорит с ним на том же самом языке, который я не могу понять, тогда он жестикулирует Эладже, чтобы откинуться назад на кровати. Доктор щелкает дополнительным верхним светом на и начинает рассматривать его ногу.

Я стараюсь думать о Бене и на что это будет похоже, когда я вижу его, когда он обернут руки вокруг меня, и все будет иметь просто немного больше смысла.

Только каждый раз, когда я изображаю его лицо, это не Бен, которого я видела. Все, что я вижу, это охранник, которого я убила, один его испорченный глаз, зубчатая часть зеркала, торчащая из его шеи и кровь, льющаяся как волны на мои руки.

Он мог иметь детей, которые любят его больше, чем мир. Может быть, они цитируют фильмы или сериалы друг другу, может он не умел готовить или никогда не забывал проверить заперта ли входная дверь.

Мои руки все в пятнах. Его кровь, теперь черная, находится под ногтями и на моей кутикуле. Глядя на них, я знаю в глубине души, не имеет значения сколько раз я вымою их. Даже когда пятна исчезнут, мои руки никогда уже не будут прежними.

Кто-то похлопывает мое плечо, и я оборачиваюсь к регистратору. Она предлагает мне тюбик чего-то.

- Анти-ожоговый крем, - говорит Барклай, подойдя ко мне. - Страйся не использовать слишком много. Они могут дать нам только один.

Я беру его у нее.

Элайджа стонет. Я делаю шаг вперед, но его пулевое ранение уже чистое и перевязано. Доктор работает над больной ногой.

Нога подвернута, как будто была сломана и зажила не правильно.

Я чувствую боль в животе. Это своего рода травма, которая говорит "Ваша жизнь никогда не будет прежней".

Элайджа, наверное, никогда не будет нормально ходить. Всегда будет заминка в его шаге. Он не будет бегать так же быстро, и не будет такого же баланса. Нога должна быть повторно сломана залечена.

Но не сегодня.

Он как будто знает, о чем я думаю, Элайджа посыпает мне кривую улыбку. - Жалеешь об этом?

- Не глупи, - говорю я автоматически. Потому что я рада, что мы забрали его оттуда.

Доктор говорит мне что-то, и хотя я не понимаю, могу сказать, он хочет, чтобы я отступила, что я и делаю. Я не хочу или готова видеть в зеркале ущерб, который получила, но я открываю тюбик и наношу небольшое количество крема на свое лицо пока стою там. Охлаждающий эффект, появляющийся на моей коже, заставляет меня вздохнуть, даже если это больно.

- Вот, возьми это тоже, - говорит Барклай, протягивая мне две таблетки. Я положила их в рот и с трудом проглотила. Тяжело без воды, и когда они идут вниз, то оставляют неприятный вкус лекарства в горле.

- Тебе лучше присесть, - добавляет он. - Мы должны отдохнуть.

Я знаю, что должна сказать ему, что у нас нет времени на отдых, что семья Бена и все, кого они держат в тюрьме, все еще там, что мы должны их вытащить. Но почему-то, слова не приходят ко мне. Вместо этого Барклай и я стоим бок о бок в молчании долгое время. У Элайджи есть несколько открытых язв на теле, раны, которые никогда не заживали, собирая бактерий и нагноение неизвестно как долго. Врач чистит и дезинфицирует их, перевязывает или шивает. Он подключает капельницу с жидкостью и обезболивающим, и Элайджа отключается, наверное, это его первый настоящий отдых за последние недели.

В какой-то момент регистраторносит стул для меня, и я сажусь.

Барклай кладет руку на мое плечо, и я зеваю, опираясь на него для поддержки.

Где-то по пути я устала достаточно, что засыпаю.

03:02:29:57

Я просыпаюсь в одежде, лицом в подушку. Грубые простыни покалывают мою кожу, и все мое тело окостенело и болит, словно я пробежала марафон.

Или сбежала из тюрьмы. Воспоминания с прошлой ночи возвращаются. После больницы мы пришли сюда и я отключилась на ночь. Мы в стандартном номере дешевого мотеля - две кровати и кофеварка. Элайджа на другой. Мой рюкзак на полу между нами, а Барклая нигде не видно.

Я встаю и двигаюсь в ванную. Выгляжу не так плохо, как ожидала.

Неприятная - и болезненная - шишка на затылке и кольцо синяков вокруг моей шеи, большая часть моей кожи красная, будто я обгорела на солнце.

Я сбрасываю одежду и включаю душ так, чтобы вода была холодная, но не совсем ледяная, я стою под краном с закрытыми глазами и даю воде биться о верхнюю часть головы и впитываться в кожу и волосы.

Я вытащила Элайджу из тюрьмы. Но я также убила человека.

Вина настолько сильна, что вдруг тяжело дышать. Непреодолимое желание обнять моего брата, поблагодарить Страза за все, что он делает для меня, пусть Сесиль крутится вокруг меня - будет дома - нахлынуло на меня подобно волне, как будто плотина внутри меня ломается. Мои глаза зашипело и все тело содрогается от плача.

Я убила человека. Я ударила его острым куском стекла и смотрела как его жизнь утекает прочь. Вернуться домой не получится достаточно быстро.

Когда я выхожу из ванны, Барклай здесь и Элайджа проснулся. - Как ты себя чувствуешь? - спрашивает Барклай.

Я пожимаю плечами.

Он вытаскивает что-то из своего рюкзака и протягивает мне. Когда мои пальцы чувствуют металл, я точно знаю, что это такое. USP Match - пистолет, который он дал мне, когда я впервые добралась до Примы. Я пытаюсь покачать головой и отдать его обратно. Последнее, что я хочу сейчас, это пистолет - не тогда, когда все, о чем я могу думать это мертвый охранник и то, что я ответственна за это - но Барклай не примет его обратно.

- Мне нужно, чтобы ты прикрывала меня, - говорит он, его голос тихий, но твердый.

Я не знаю, буду ли я в состоянии указать на кого-то пистолетом, спустить курок если понадобится.

Барклай шагает ближе ко мне и понижает голос. - Группировка, занимающаяся контрабандой людей там прямо сейчас, захватывает людей - включая твою подругу. Они купили свой путь в АИ, и мы единственные, кто пытается остановить их. Если ты сдашься сейчас, они победят.

Я делаю глубокий вдох. Я знаю, что он прав. У меня нет времени, чтобы разваливаться или беспокоиться о том, что я сделала. Я думаю о Сесиль и что она, должно быть, переживает, будучи похищенной из нашего мира, уколотой шприцем, и принятой через портал. Барклай ее единственная надежда вернуться домой. Если что-то случится с ним или даже с Элайджей, потому что я не смогу подобрать свое дермо, на моей совести будет больше смертей.

Видя мою решимость, Барклай выходит из комнаты. Элайджа прихрамывает вслед за ним, но когда он добирается до двери, то оглядывается назад. - Ты сделала то, что должна была сделать, - говорит он.

Я не совсем ему верю, но киваю.

Мы направляемся в Лучшую кофейню Сиэтла. Барклай был прав. Этот мир сильно походит на мой - или мой, каким он был раньше.

- Что мы здесь делаем? - спрашивает Элайджа когда мы садимся за столик в патио на открытом воздухе.

- Я умираю с голода, - говорит Барклай когда подходит официантка. Она говорит на другом языке, так что Барклай заказывает для нас всех. Когда она уходит, он добавляет, - И нам нужно тихое место, чтобы поговорить.

Элайджа кивает и смотрит на меня. - Так что, Бен встретится с нами здесь, или мы с ним встречаемся где-нибудь еще?

Я так брошена врасплох, что чувствую, будто мне вмазали.

- Где-нибудь еще, - говорит Барклай, и я не могу сказать, также он застигнут врасплох или это один из модных приемов, когда ты хочешь увидеть какого рода информацию можно получить до раскрытия своих карт.

В любом случае, мне не позволили. - Мы не знаем, где находится Бен. - я говорю намеренно, очевидными словами, таким образом не будет каких-либо недоразумений. - Вот почему мы освободили тебя.

- Он не посыпал вас, чтобы освободить меня? - говорит Элайджа, потом смотрит на Барклая. - Тебе черт возьми лучше начать говорить.

Барклай пожимает плечами и откидывается на спинку стула. - Мы не знаем где Бен, но мы должны найти его.

Элайджа ничего не говорит. - Ты знаешь, где он? - спрашиваю я.

- Могу иметь представление.

- Он был осужден за торговлю людьми, несанкционированные путешествия между Вселеными и государственную измену, - говорит Барклай. - Приказ на его казнь отдан и АИ собирается казнить всех, о ком он заботится через три дня, если мы не выясняем, кто стоит за торговлей людьми, а также придумать доказательства, чтобы снять обвинения. Поэтому мы должны найти его.

- Ах, вот оно что? - Элайджа смеется и горечь заставляет меня дрожать. Он качает головой. - У нас больше чертовых проблем, чем это.

Мое дыхание застrevает в горле. Освобожденный Элайджа должен был найти нам ответы, а не новые проблемы. Их у нас достаточно.

- Около трех месяцев назад АИ схватило и меня и Бена и бросило нас в этой тюрьме, - говорит Элайджа. Я почти прерываю его и говорю, что мы знаем эту часть. Но закусив губу даю ему закончить. - Пара охранников ввела этого парня, Константина Меридиана, какого-то педика, и он сказал нам, что мог бы вывести нас, если бы мы работали на него.

Константин Меридиан. Я представляю парня, которого я видела у камеры Дерека. Его военно-зеленая забрызганная кровью рубашка на пуговицах. Его бритая голова и тату колючей проволоки на шее.

- Был выбор: присоединиться или выбить все дермо. Когда это не сработало - он делает паузу и смотрит на меня - Это превратилось в присоединиться или смотреть как выбивают дермо из людей, о которых вы заботитесь.

Я глотаю. Я не удивлена. Я видела как Дерек выглядел и в какой форме был Элайджа.

- Я крепко держался, - говорит Элайджа. - Я. Я сказал им, что не храню ничье дерьмо, включая себя. - я знаю, что это ложь. Независимо от того, каким он был в моем мире, Элайджа заботился о возвращении домой, он позаботился о том, чтобы вернуться к своей семье. И он позаботился о Бене.

Но то, что он говорит дальше еще более неправильно.

- Бен, чертов Бен. - говорит он. - Записал меня.

03:01:11:36

- Нет никакого способа, которым он сделал бы это, - говорю я, мой голос тверд.

Я чувствую облегчение, я могу быть уверена. Бен не плохой парень. Он никогда бы не стал помогать им. Я смотрю на Баркляя, чтобы подтвердить то, что я говорю, но он просто сидит. Никаких разногласий. Хуже того, нет никакого удивления на его лице, ничего, чтобы предположить, что он не знал об этом.

Я качаю головой. - Бен бы не стал этого делать, - говорю я снова. Я знаю Бена. Я знаю, через что он прошел - каким виноватым он себя чувствовал - когда он был в моем мире. Он никогда не будет использовать то, что может делать, чтобы похищать людей - сделать людей рабами. Ни за что.

Элайджа трогает меня за руку.

Я смотрю от Элайджи на Баркляя. - Ты знаешь, что он не бы стал. - я практически умоляю его согласиться со мной. Элайджа подвергся пыткам и был заперт в тюрьме в течение многих месяцев. Он помешанный. Но Барклай рационален. И мы говорили о Бене. Он сказал мне, что не считает Бена причастным к этому - Бен был просто козлом отпущения для грязных агентов АИ чтобы замести следы.

Но когда Барклай смотрит вниз и избегает моего взгляда, я знаю.

Это то, что он ожидал услышать.

Значит я упускаю огромный кусок головоломки, потому что не могу придумать ничего, что могло бы заставить Бена присоединиться к торговцам людьми. Из всех людей, Бен знает, что такое выпасть из своего мира и оказаться где-то еще - в месте, которому ты не принадлежишь. Он никогда не будет подвергать этому никого.

Я отворачиваюсь от стола и осматриваю кафе. Это первый раз, когда я замечаю что-то помимо Лучшей кофейни Сиэтла прямо через дорогу. Видимо Лучшая кофейня Сиэтла - это Вселенная в Старбакс. Я пытаюсь ухватить какую-нибудь обыденность, к чему я могу прицепиться, что-то, что скажет мне, что я не схожу с ума. Но все это неправильно.

- Теннер, сядь, - говорит Барклай.

Я не могу сесть и обсуждать что-нибудь с Барклаем. Я не могу даже смотреть на него, потому что знаю, что он лгал мне. Опять. Я знаю, что он держал это от меня, что он привел меня сюда, заставил пройти через ад, чтобы освободить Элайджу, и он знал, что Бен сделал это. Он знал, что, если мы зайдем так далеко, то я выясню. И он заставил меня найти этот путь.

Я не могу поверить, что я доверяла ему, что я не предвидела такого поворота, что сидела на диване в доме его матери и слушала как он рассказывает мне истории о своей жизни, я думала мы друзья.

Ярость от этой мысли кипит где-то глубоко внутри меня. Она горит глубоко в моей груди, потому что я не могу поверить, что он поставил меня в такое положение - и хуже, я не могу поверить, что была настолько глупой. Я сжимаю руки в кулаки, чтобы удержать их от дрожи, я оборачиваю эту злость вокруг себя, потому что я не просила об этом. Я не хотела идти через портал и гоняться за плохими парнями. Я не хотела смотреть как Бен уходит из моей жизни, или узнать, что лучший друг, оставшийся у меня, был похищен. Но я должна что-то делать.

- Теннер...

Я поворачиваюсь обратно к столу, тянусь и даю Барклаю пощечину. Жестко.

Несколько человек за соседними столиками вздыхают. Сила удара была направлена в его сторону, и кожа Барклая уже красная, когда я одергиваю руку. Ее жжет, когда я складываю руки вниз.

Он сидит парализованный мгновение, его голова откинулась, рот немного приоткрыт. Потрясен ли он, стыдится, или ему на самом деле больно, мне плевать. Он заслужил это, и если он не знал это прежде, он знает это теперь.

Я делаю глубокий вдох, проглатывая нахлынувшие эмоции. - Ты сказал, что мы будем держать друг друга в курсе событий. Ты обещал мне, что я знаю все, что мне нужно..

- Тебе не нужно было это знать, - говорит он и снова поворачивается ко мне лицом. - Тебе нужно было оставаться сосредоточенной.

- Ты не можешь судить что мне нужно, - говорю я. - Все, что касается Бена или меня или моей семьи мне нужно знать. Понял?

Барклай не отвечает. Он просто потирает челюсть.

Если он думает, что сможет уйти от ответа, он ошибается. - У меня была довольно бурная ночь. На самом деле, с тех пор, как ты начал преследовать

меня, все пошло коту под хвост. Прежде чем я продолжу, я хочу знать все, что вы оба знаете.

Элайджа пожимает плечами. - Черт возьми нет проблем.

Барклай колеблется. Он смотрит на меня своими большими, глупыми голубыми глазами, и я стараюсь игнорировать то, что в груди закручивается в боль от того, что я вижу в них. Он не имеет права чувствовать боль прямо сейчас. - У меня нет всех ответов, - говорит он. - У меня конечно есть некоторые подозрения, но я нуждаюсь в их подтверждении от Элайджи, Бена или кого-то другого. Я не знаю, что еще тебе сказать.

Это дерзкое извинение - даже если это оно. Но это не имеет значения.

Потому что он прав насчет одной вещи. У нас есть источник за этим столом, кто-то, кто может дать нам конкретную информацию о том, какого черта происходит.

Я смотрю на Элайджу.

Он должен знать о чем я думаю, потому что он говорит: - Что ты хочешь знать?

- Все.

Он кивает, поднимая свою кружку к губам, делая последний глоток чая, и ставит чашку обратно вниз. Он рассказывает нам все, что произошло в последние несколько месяцев. Все, что произошло с момента, когда он и Бен перешли обратно в свой мир и оставили меня в каньоне позади парка с телом Алекса.

И это хуже, чем я могла предположить.

03:00:47:36

Когда Бен, Элайджа и Рид упали через портал и оказались в моем мире, им было по десять лет. Позже они проводили каждую свободную минуту, пытаясь найти способ, чтобы вернуться в свой мир, обратно к своим семьям. В место, к которому они принадлежали.

Но когда они наконец сделали это, прошло семь лет.

И семь лет в отношении национальной трагедии это, оказывается, долгое время.

Они рассчитывали вернуться обратно в свой мир, в семьи, обратно в жизнь, которую они оставили. Только мира, который они оставили, там не было. На его месте был мир сильно отличающийся.

Семь лет назад отец Элайджи, Натаниэль Пальма, был североамериканским премьер-министром в своем мире, и когда его первенец был “похищен” со дня рождения, это стало национальной трагедией. Каждому правоохранительному органу в стране была поставлена задача искать пропавших детей, и ничто не должно было стоять на их пути.

Подозреваемые, которые знали что-то, относящееся к делу, были привлечены под стражу и допрошены, их даже пытали и посадили в тюрьму. Родители Бена и Рида были брошены в тюрьму за то, что будучи на дне рождения не имели нужной информации. Брата Бена отправили на воспитание в другой семье.

Чем дольше мальчики считались пропавшими без вести, тем хуже становилось. Пока людям не надоело это терпеть. Там были протесты, разговоры о революции.

Спустя чуть более двух лет после того, как они прошли через портал, Натаниэль Пальма был убит и революционеры свергли правительство. Лидер восстания зарекомендовал себя как военный диктатор и до сих пор находится у власти.

Мама Элайджи снова вышла замуж за состоятельного бизнесмена. Родители Бена были освобождены из тюрьмы, а Дерек, брат Бэна, вышел из под опеки, но любая радость от этого была недолгой. Их семьи больше не были теми же самыми.

Через два года после того как ребята отправились через портал, родители Бена развелись. Его мать бросилась в работу, а его отец снова женился и завел новую семью.

Через семь лет после того, как они прошли через портал, они вернулись, это было совсем не то, чего они ожидали от возвращения на родину. Полстраны,казалось, забыли о Бене, другая половина обвинила Элайджу за его отца в тирании и полученном развале общества. В то время как его мать и родители Бена и особенно его брат были взволнованы их возвращением, мир продолжался без них.

Они рассчитывали быть дома, чтобы успокоить беспокойные чувства внутри них, те, что кричали, что они не вписывались в мой мир. Но как только они вернулись и воссоединились со своими семьями, ни один из них не чувствовал себя на своем месте. Чем больше Элайджа думал об этом, тем больше он понимал, что вписывается лучше на Земле, которую они оставили позади.

Моей Земле.

Он понял, что мог бы иметь дом там. У него не было родителей, но у него были Бен и Рид. Только сейчас Рид был мертв, а Бен был эмоционально выжат.

Элайджа решил, что теперь Бен его настоящая семья, и будет лучше для них обоих развернуться и вернуться - назад во вселенную, которую они оставили позади, назад к Истывю и воспитанию в приемной семье и всему.

Но Бен не мог сделать этого. Дерек был так рад, что он вернулся, и Бен чувствовал себя виноватым - за то, что споткнулся и, падая в портал, потянул за собой Элайджу, за слишком долгое время, чтобы вернуться. Он чувствовал, что это была его вина, что все остальное в жизни стало так запутано.

Но Элайджа не мог просто сидеть с новой семьей своей матери и жалеть себя. Так он начал ориентироваться на способности, которую ему дал гидрохлораднеум. Он перестал пить, как Бен всегда и говорил ему.

Затем он начал открывать порталы и путешествовать через них, в разные миры. Технически он знал, что порталы были нестабильными, но, чтобы остаться под радаром АИ и избежать коллапса волновой функции, он двигался сквозь миры быстро и качественно. Он не возвращался домой после каждого прыжка. Он проходил в портал, делал заметки о том, чем отличаются одни миры от других, и тогда перемещался куда-то еще.

Тем временем депрессия Бена делала его пааноиком. Он начал подозревать, что люди следовали за ним, что они хотели схватить его.

Когда Элайджа нашел пустынный мир без признаков людей, он пошел домой и взял Бена туда. Они решили, что это будет большая безопасная зона, и если бы они когда-нибудь столкнутся с проблемой, это - то, куда они пойдут, чтобы встретиться.

Но беда настигла их слишком быстро. Одиннадцать недель назад, чуть больше месяца после того как они вернулись, они встретились, чтобы пообщаться. Элайджа был взволнован всеми мирами, которые посетил, но Бен смотрел через плечо, даже больше пааноик, чем он был раньше. Он настаивал, чтобы кто-то вторгся в его и Дерека квартиру, что некоторые из его вещей пропали без вести.

Элайджа убедил его подумать о возвращении во вселенную, которую они оставили позади. Назад ко мне. Бен сказал, что думал об этом, что несмотря на то, насколько он любил Дерека, он просто не принадлежал больше этой вселенной. Элайджа согласился. Мало того, что он хотел возвратиться с Беном, еще он думал, что они могли, вероятно, привести Дерека с собой. Они должны были бы просто достать немного гидрохлорадеума, чтобы радиация не сожгла его.

Бену нравился этот план и он пообещал, что поговорит со своим братом об этом. Несмотря ни на что, он знал, что не мог оставаться там, где был.

Но АИ схватило их, привело в Приму и бросило в тюрьму. Элайджа был уверен, что это потому что он прыгал между вселенными, и в результате он так или иначе затянулся в проблемы и Бена тоже.

Но это было еще хуже.

Их способности были записаны оригинальном докладе Барклай и Брандта. Двое молодых людей, которые могли открывать порталы в любой мир без отслеживания с помощью технологий, это было то, что торговцы людьми могли использовать, особенно те, которые в настоящее время привлекли чудомальчика АИ, агента Тейлора Барклай.

В то время как Бен и Элайджа были в тюрьме, Меридиан ворвался в их квартиры и конфисковал их имущество. Он нашел тетрадь, в которой Элайджа вел записи о разных мирах, в которых побывал. Меридиан похвалил то, что Элайджа мог делать, отметил его находки и обещал деньги, власть, женщин - все, что он бы захотел.

На секунду, это было заманчиво - не из-за денег, власти или женщин, а для свободы ходить из одной Вселенной в другую и исследовать то, что было там. Это было то, что Элайджа хотел.

Но это было рабство, и Элайджа знал, каково это быть удаленным из своей семьи и своего мира, и он не собирался делать что-либо еще. Поэтому он отказался.

Вот когда начались угрозы. Они угрожали его жизни и его телу - они били и пытали его, чтобы доказать, что они могут преодолеть это. Все-таки он отказался. Так что они стали угрожать его матери и всем, о ком он заботился.

Он блефовал, пожал плечами, и сказал им действовать.

Так они взяли немного его крови и избили для полной меры, но оставили его в камере.

Он не видел Бена с того дня, когда они были арестованы. Они были в разных камерах и им не разрешалось видеть или говорить друг с другом, но в некоторые夜里 Элайджа мог слышать крик Бена.

И он слышал, что он кричал вчера вечером, Бен был там - ночью перед тем, как он согласился помочь им. Это было, когда Меридиан и АИ угрожали людям, о которых они заботились. Они угрожали ввести его родителей, его брата. И затем они это сделали. Они ввели кого-то - избитого и окровавленного - и сказали Бену, что он может наблюдать за смертью или может помочь.

Вот когда он сдался.

02:23:49:27

- Вот и все. Я гнил в той клетке, съедая неаккуратное месиво и ожидая, что он вернется и освободит меня. - Элайджа заломил суставы и смотрел на Барклай. -

Так, ты собираешься вызывать войска или что? Я готов избить некоторые задницы.

- Зачем они брали твою кровь? - спрашиваю я, игнорируя его вопрос. Он просто будет застрелен; он не собирается бить чьи-либо задницы, и нет никаких войск, чтобы призывать. Это мы и есть.

- Делать тесты и прочее дермо. - он закатывает рукав и показывает мне следы от иглы.

В течение минуты я не понимаю, тогда Барклай говорит, - Если бы ты управляла группировкой, занимающейся контрабандой людей между вселенными, то разве не захотела бы так или иначе скопировать то, что он и Бен могут делать?

Дрожь перемещается через мое тело. Преступники с властью перемещаться через вселенные - идут туда, куда хотят - без специального устройства. Они были бы фактически непрослеживаемы. И кто знает, какой вред все эти нестабильные порталы могли бы нанести вселенным.

- Расскажи мне больше о Меридиане, - говорит Барклай.

Элайджа описывает его - шесть футов, долговязый, песчанно-светлые волосы, побритые близко к голове, неухоженные волосы на лице, светлые глаза, татуировка колючей проволоки - а Барклай кратко записывает примечания, добавляя несколько вопросов тут и там, и я признаю, что это на самом деле - нежный допрос. Это способ, которым вы опрашиваете жертву о нападавшем. Тихо, невинно, медленно.

Я смотрю как Элайджа отвечает. Он говорит сознательно. Он спокойнее, чем когда был в моем мире, более вдумчив. Он по-прежнему много ругается, но это больше привычка, чем ругань для какого-то эффекта. Я не могу представить, что он пережил, не только в тюрьме, но за несколько месяцев до этого. Он провел семь лет ожидая, чтобы попасть домой, и когда он наконец это сделал, то обнаружил, что его не существует.

И это заставляет меня думать о Бене.

Как ни ужасно это, но я желаю, чтобы это был не Элайджа в той клетке, в которую я вошла, чтобы освободить его. Мне жаль, что это был не Бен. Потому что у меня есть яростное желание прижать лицо к его груди и вдыхать его до тех пор, пока в мире снова не появится смысл.

Только я не могу, потому что я не знаю где он находится. По крайней мере пока.

- Почему ты думал, что Бен вернется за тобой? - спрашивает Барклай.

- Я не мог следить за ходом времени, - добавляет Элайджа. - Я думаю, что ублюдки кормили нас только один раз в день. Четыре или пять дней, или возможно неделю назад, охранники и Меридиан вернулись в мою камеру. Они хотели знать, куда Бен пойдет. Где он скрылся бы.

- Они потеряли его? - спрашиваю я. У него, должно быть, был план - он, должно быть, согласился сохранить свою семью в безопасности, в то же время придумывал какой-то план, чтобы убежать от них, выбраться.

Элайджа кивает. - Но это было еще хуже - для них, я имею в виду. У меня сложилось впечатление, что он забрал что-то с собой.

02:22:51:42

Я рассказываю Барклаю о наблюдении Меридиана в тюрьме - о нем мучающем Дерека. - Что ты думаешь?

Он не отвечает сразу, а я испытываю желание протянуть руку и ударить его снова.

Затем он говорит: - Константин Меридиан - это плохие новости. Если он тот, кто стоит за торговлей за людьми, это имеет смысл - это четко организованная операция между вселенными, и у него есть силы и деньги, чтобы поддерживать это.

Мои плечи немного расслабляются, и я делаю судорожный вдох. Я вдруг менее безумна, потому что это хорошая новость. Если Барклай что-то знает об этом парне, значит мы на огромный шаг приблизились к нему - к поиску Сесиль - чем были несколько минут назад.

- Хорошо, - говорит Элайджа. - Я чертовски рад, что смог помочь. Я готов избить его тоже, если понадобится.

Барклай качает головой. - Это будет не так просто.

Конечно это не так, но мне не нравится выражение на лице Барклая. Он выглядит ... побежденным. - Что ты не договариваешь?

Его глаза переходят к моим. - Меридиан в нашем Списке разыскиваемых в течение последних семи лет, и если он то приходил, то уходил из Поршня, это означает, что у него есть больше внутренней помощи. Возможно больше, чем я подозревал.

Я кусаю нижнюю губу. Нам нужна еще одна хорошая новость - меньше вещей для нас чтобы попробовать сделать самим. - Мы просто должны доказать, что это он стоит за всем этим, а не Бен.

- Бен является частью этого, или он черт возьми был, - говорит Элайджа. - АИ не собирается просто простить это. Черт, кто знает, сколько из них замешано в этом?

Барклай кладет руку на плечо Элайджи. - Меридиан является плохой новостью. Он вырос в подполье. Он один из тех парней, чей файл в юности составлял двадцать страниц. Взлом и проникновение, кражи, воровство. Он подспокоился, когда стал взрослым, но это не значит, что он стал менее активный. Его предшественник, Кру Филдинг, управлял всей организованной преступностью в подполье. Потом вдруг он умер на полу перед одним из лифтов, изуродованный так ужасно, что был неузнаваем. Это было худшее, что я когда-либо видел.

- Еще хуже, чем тот дом? - говорю я, и невольно съеживаюсь. Нестабильный портал убил всех высоким уровнем радиации. Это было похоже, будто их кожа таяла с их костей.

Барклаю не нужно объяснение, но он кивает. - Это было хуже.

- У нас с Эриком был случай в прошлом году, наркотики, прибывающие из потусторонних миров и распространяющиеся через подполье. Много детей закончило передозировкой. У нас было четыре смертельных случая, несколько человек в коме и один из дилеров в заключении. Мы подозревали, что Меридиан был ответственен за это, но прежде чем смогли доказать что-то, были переведены, а наш случай, отдали в другой отдел, который просто сидел на нем. Эрик думал, что кто-то, возможно, использовал Меридиана в качестве осведомителя, держа его в Списке разыскиваемых, чтобы соответствовать отговоркам, но используя его для получения информации о других случаях - больших случаях.

- Так какого хрена мы будем делать со всем этим? - спрашивает Элайджа. - Мне надоело просто сидеть здесь.

- Нам нужен Бен, - говорю я. Это то, что мне нужно - увидеть его, чтобы обернуть руки вокруг него, чтобы услышать, что с ним произошло в последние несколько месяцев, чтобы сказать ему, что мы пройдем через это. Но это менее эгоистично. Если Бен работал на этого парня, Меридиана, у него также есть больше информации, чем у нас троих. Нам нужна эта информация, прежде чем мы сможем спасти Сесиль и придумать доказательство, которые помогут разоблачить тех, кто виновен.

Я смотрю на Элайджу.

- Я знаю, где он находится, или по крайней мере где он должен быть, - говорит он.

- Как ты себя чувствуешь? - спрашивает Барклай.

- Лучше, чем было раньше, - говорит Элайджа, пожав плечами.

- Хорошо. - Барклай встает. - Как думаешь, сможешь открыть нам портал туда, где, как ты считаешь, может быть Бен?

Элайджа встает. - Абсо - черт возьми - лютно.

- Разве он не будет нестабильным?

Барклай кивает. - Мы должны открыть его и пройти быстро. Не стоять вокруг и плятиться на него. Нестабильные порталы привлекают внимание и становятся опасными чем дальше они открыты и чем больше они используются. После того, как мы соберемся вместе, мы будем использовать устройство. - он смотрит на Элайджу. - Больше не будет прыжков через миры.

- Я не даю никаких обещаний, - говорит Элайджа. - Не с вашим головорезами АИ за мной.

Барклай смотрит на меня. - Идем.

В моем животе трепыхание, и я выпиваю последний глоток моего кофе мокко латте, чтобы удержать руки от дрожи.

После такого долгого ожидания я вдруг чувствую себя немного нервной.

Столько всего произошло в те месяцы, что мы были порознь. Бен прошел через многое - дома, в тюрьме, работая с торговцами. Что если он изменился?

Я думаю об охраннике, которого я убила. Жизнь покинула его глаза.

Что если я изменилась?

02:22:42:52

Барклай оплачивает чек и выходим из кафе и шагаем обратно в сторону мотеля. Когда проходим пустынную аллею, сворачиваем вниз, и Элайджа протягивает руку перед ним.

- Как вы это делаете? - спрашиваю я, не подумав.

Элайджа снова смотрит на меня.

- Я имею в виду, как ты откроешь правильный портал?

Он улыбается. - Я думаю о месте, в которое хочу пойти. Чем больше деталей я представлю правильно, тем лучше, но в конечном счете я просточучу молекулы в воздухе, достигну небытия и пытаюсь разделить его, расширить. Все время я думаю о месте, хочу чтобы оно притянуло меня, и оно делает это.

- Это звучит так легко.

Он кивает. - Так и есть. Бен был прав. Все, что требуется это ясная голова и много практики.

Это также кажется неправильным. Но я не говорю это. Это неправильно. Принятие нескольких мер предосторожности не изменит это. Открытие слишком многих порталов - то, что разрушило мой мир.

Но это не меняет тот факт, что нам нужен портал, чтобы переместиться к Бену. Элайджа и я можем спорить о его внеучебной деятельности когда все это останется позади. Если мы оба еще будем живы.

Элайджа поворачивается снова, вытянув руку. Воздух перед ним немного мерцает, и небольшая черная дыра открывается прямо перед его пальцами. Элайджа зажмуривается покрепче, и она начинает расширяться. Сначала медленно, а затем быстрее, пока полноразмерный портал не появляется перед нами.

Барклай кивает мне, перед тем как пройти сквозь него, и я полагаю, что если он может доверять Элайдже, что он приведет нас туда, куда нам нужно, я тоже могу.

Сначала мои ладони, а потом все остальные части тела хлопаются на землю спустя долю секунды. Пыль от дороги струится вокруг меня и я кашляю, оглядывая свое окружение. На первый взгляд, кажется, что мы приземлились на окраине обычного пригорода. Открытая аллея с химчисткой, парикмахерским салоном и продуктовый магазин. За ними находится то, что выглядит как многоквартирные дома. Я вижу чье-то выстиранное белье на балконе, хлопающее на ветру.

Но что-то не так.

Здания есть везде - высотки, торговые центры, бетонные конструкции парковки и даже парк. Но листва на деревьях отсутствуют, трава коричневая, и когда я смотрю на ближайшие здания, то вижу, что они немного рушатся под тяжестью лозы, которая растет вокруг них.

Я заставляю себя встать на ноги и бросаю более всесторонний взгляд вокруг. И я слушаю, но я ничего не могу услышать.

- Что это за место? - спрашиваю я. Это не то же самое, что покинутый мир, в который Барклай привел нас несколько раз, но, похоже, что он к этому стремится.

- Где-то, где никто не будет искать нас, - говорит Элайджа.

- Вот дермо, - говорит Барклай, когда смотрит вокруг.

- Что это? - может быть, это место не так безопасно от АИ, как Элайджа думает. Это не первый раз, когда он был неправ. Я достаю пистолет. Не помешает быть готовым.

Барклай качает головой. - АИ не придет сюда, - говорит он, и что-то в его словах говорит: то, с чем мы собираемся столкнуться, будет хуже.

По-прежнему глядя вокруг, он проводит ладонью по волосам. - Это Земля 36552. - его голос тонет в шуме ветра, который завывает, но я вижу выражение его лица. Губы слегка приоткрыты, широко раскрытые глаза, он выглядит испуганным.

Я не уверена почему.

Но я не успеваю спросить. Урок истории может пройти позже.

- Этот путь, - говорит Элайджа.

Я следую за ним, но Барклай хватает меня за руку. - Сними это. - он хватается за мою толстовку, стаскивая ее с моих плеч.

- Почему ты пытаешься раздеть меня, ты жулик? - я толкаю его.

- Ядерная война уничтожила этот мир, - говорит он, освобождая мою руку резким толчком.

02:22:39:00

- Я не знаю, где мы, но радиация... - говорит Барклай. - Не вдыхайте этот нефильтрованный воздух. - потянув собственный пиджак, он связывает часть его как шарф вокруг шеи, чтобы он закрывал нос и рот.

Я делаю то, что он говорит и копирую его, хотя я не уверена, что из этого получится много хорошего. Если он прав, и все люди в этой вселенной умерли от радиации ядерной войны, то слой хлопка между мной и воздухом, которым я дышу, не спасет меня.

- Останьтесь по середине дороги, - Барклай кричит на меня, и я киваю. Радиация остается в почве, на траве, в воде, во фруктах и овощах, например в яблоках и грибах. Она не сохраняется в асфальте.

Мы проходим что-то, что могло быть многоквартирным домом. Есть деревянные санки отброшены на газон. Похоже, они могли когда-то быть окрашены в красный цвет, но краска давно облезла, и они снова только цвета дерева и ржавого металла.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Барклая. Он выглядит как что-то среднее между ковбоем и ниндзя. - Как это случилось?

Вместо того, чтобы кричать по ветру, он бежит трусцой ко мне. -
Приблизительно шестьдесят лет назад прежний Советский Союз хотел иметь
ракеты в диапазоне США, таким образом, Хрущев переместил их на Кубу.
Чтобы компенсировать эти потери США вооружили ракеты на базах в Турции.
Не точно ясно, кто начал это, с тех пор не осталось никого чтобы рассказать, и
АИ не размещали никого здесь. Но основная идея состоит в том, что никто не
отступил бы, кто-то стрелял сначала, кто-то еще нанес ответный удар, и они
начали Третью мировую войну.

Проходим здание, похожее на школу, только деревья растут бесконтрольно и
их корни уже начинают ломать фундамент здания.

- Ядерная война, повторяет Барклай. - Приблизительно восемьдесят процентов
населения вымерли в течение первого года от бомбёжек и фактической войны.
Все остальные ушли в течение следующих пяти лет из-за уровня радиации.

Так что это то, как кубинский ракетный кризис мог бы выглядеть.

Мы входим в здание, немного наводнено виноградными лозами и растениями.
Это старая больница. Некогда кремовые стены серые в местах сколов,
показывая бетон внизу. Есть маленькое дерево, проходящее через пол в лобби,
и есть тараканы, бегающие вокруг в темных углах. Я не удивлена. Уровень
радиации, убивающий таракана, выше более чем в сто раз того, что убивает
человека, и теперь, без людей, убивающих их, они должны радоваться.

- Лифты не работают, - говорит Элайджа.

Он остается бесстрастным в пути относительно Барклая или меня,
прикрывающих рты. Что означает, он знает, что здесь есть радиационный риск.
Или он или Бен выяснили то, что, возможно, вызвало это в какой-то момент их
исследований. Но он не делает ничего, чтобы оградить собственное дыхание,
что означает, что он был здесь достаточно, он не обеспокоен уровнями
радиации, вредящими ему.

Я тянусь и дергаю свою толстовку от лица. Это, вероятно, не помогает никак в
любом случае.

Барклай хватает ее и пихает обратно мне в лицо.

Я жестикулирую Элайдже. - Не похоже, что мы собираемся упасть замертво.

- Он пил чистый источник гидрохлораднеума, - плюет Барклай. - Он
практически невосприимчив к радиации. У тебя была только одна доза.

Я закатываю глаза. - Перестань быть таким паникером. - но я делаю то, что он
хочет. Он знает намного больше об этом деръме, чем я.

- Ты видишь что кто-нибудь живет здесь? - говорит он, качая головой. Он что-то бормочет, но это теряется под пиджаком, прикрывающим рот.

Мы теряем время. Мы должны найти Бена, попасть в безопасное место, выяснить, что он знает, и придумать план. Каждая секунда становится потерянной - и нам не так долго до проигрыша.

Я обращаюсь к Элайдже, и он, должно быть, чувствует, что мне нужно.

- Я не уверен, на каком этаже он был бы, - говорит он. - Но если он здесь, то это то место.

- Почему здесь? - спрашиваю я, мое дыхание неглубокое.

- Это больница, Теннер. Здесь есть пустые кровати, одеяла и прочее дермо. - Элайджа ухмыляется. - И я спрятал еду и лекарства здесь, в случае, если нам это нужно.

Я предполагаю, что это столь же хорошая причина как любая другая. Я просто надеюсь, что Бен здесь. Я не уверена, смогу ли выдержать, подойдя так близко и затем оставшись ни с чем.

Мы поднимаемся по лестнице. Они провисают и разрушаются в местах, но мы поднимаемся так или иначе, и чтобы меньше раздражать Барклай, я стараюсь не касаться ничего.

Когда мы добираемся до четвертого этажа, я что-то слышу.

Поправка. Я слышу кого-то.

Я слышу его пение.

02:22:09:47

Пение хриплое и немного фальшивое, и такое чувство, что мое сердце пропустило удар. Я не должна думать дважды, чтобы знать, это Бен. Я не беспокоюсь об Элайдже или Барклае. Я просто бегу на звук. Это единственный шум здесь - кроме ветра снаружи - значит там нет ничего, чтобы сбить меня с пути.

Я признаю песню, и она приносит улыбку на мое лицо. Это "Iridescent" Linkin Park, вместе со звуковыми эффектами гитарных рифов. Это песня, которую мы слушали по радио, когда он забрал меня для нашего первого свидания. Он посмотрел на меня, повернул громкости вверх, и мы поехали с опущенными окнами, солнцем на наших лицах и океанским бризом, проходящим через машину.

Он думает обо мне.

Я мчусь через пустой зал. Он находится в последней комнате справа. Дверь приоткрыта, и я несусь, только чтобы резко остановиться за несколько шагов до комнаты.

Потому что я вижу его.

Он сидит на краю кровати, одетый в серую с длинными рукавами толстовку, джинсы и белые носки. Его Чак Тейлорс брошены на полу в нескольких футах. Его волосы немного длиннее, чем когда я видела его в последний раз. Коричневые локоны свисают на лицо мимо его глаз. Его губы изогнулись в улыбку, когда он поет, руки дрожат немного, когда он поднимает глаза и видит меня.

Он убирает волосы с лица, схватив за концы, и я замираю при виде этого, потому что даже такая простая вещь, как привычный жест имеет значение. Потому что это привычно - для нас обоих.

Рот Бена открывается, резко обрывая песню, удивление и растерянность на лице ясны.

На долю секунды я удивляюсь, почему он не вскочил на ноги и не бросился ко мне. Потом я вспоминаю, через что он прошел - и как я выгляжу с обожженными волосами, зачесанными назад в пучок, и моей толстовкой, обернутой вокруг половин моей головы. Я стягиваю толстовку, улыбаясь.

Вокруг нас почти тихо.

Почти, потому что я слышу неуклюжие шаги Элайджи и Барклай, когда они гонятся за мной.

И потому что я слышу свой голос, шепчущий, - Бен, - прежде чем я могу остановить себя.

Перед тем, как он говорит, - Джанель? - его голос поднят в вопросе, прежде чем он смотрит вниз на кровать рядом с ним, и прежде чем я осознаю, что он не одинок.

02:22:07:18

Мой взгляд перемещается на кровать. Под некогда белым одеялом девушка. Ее каштановые волосы, подчеркнутые светлыми прядями, густые и длинные, и все разбросаны по подушке в грязные волны. Ее глаза закрыты, но ее смуглая кожа имеет слабые синяки, которые выглядят как будто появились несколько недель назад. Ее руки обхватили одеяло, и когда я делаю шаг ближе, я понимаю, черная толстовка не по размеру, что она носит, принадлежит Бену.

Но это не то, что заставляет мое собственное дыхание душить меня.

Я делаю еще шаг ближе, не в силах отвести от нее взгляд. Ее лицо в форме сердца, с длинными ресницами, и итальянским носом - даже структура кости ее скул и линии подбородка.

Это как смотреть в зеркало.

02:22:07:12

- Я никогда не поверил бы в это дермо, - звучит голос Элайджи позади меня.

Я знала, что могут быть другие двойники. Из всех вселенных, должны быть и другие, где мой отец и моя мать оба существовали, и поженились и имели детей. И это не первый двойник, которого я вижу. Всего лишь день назад, или может два, я должна была сидеть напротив кого-то, кто не Страз, хотя он носил то же лицо, и отвечать на вопросы. Но я не ожидала такого. Я не была готова увидеть еще одну версию себя.

Потому что девушка, лежащая на кровати, я.

В основном я.

Я хочу повернуться, посмотреть на Элайджу и Барклай - видеть выражения на их лицах. Чтобы подтвердить, что я не сплю или не сошла с ума. Но я не могу. Мое тело застыло на месте, завороженное ей - мной.

Я не была готова столкнуться с этой, другой версией меня с парнем, которого я люблю.

Я отрываю глаза от нее и смотрю на Бена.

Весь мир будто просто исчез. Мои глаза остекленели, лицо слишком горячее, а мои руки не перестают дрожать. Мое горло чувствуется на столько плотным, что причиняет боль, и это хорошо, потому что мне нечего сказать, потому что я в одном слове от потери.

Пока мы стояли там, уставившись друг на друга, девушка, которая выглядит так же, как я - я даже не знаю как назвать ее - тянется вверх и кладет руку на руку Бена. Это случайный, неосторожный жест. Ее глаза по-прежнему закрыты. Она не видела меня. Это такой жест, который предполагает знакомство. Наверное то, что она делает все время.

Увидев ее прикосновения - так, как я должна касаться его - делает меня физически больной. Мне приходится держать свой желудок с одной стороны и прикрывать рот, чтобы сдержать рвотные позывы.

Я не привыкла быть такой. Я не верю в любовь и романтику и обморок. Моя настройка по умолчанию была сухой.

Затем Бен пришел и изменил это. Он заставил меня поверить. И я думала, что любовь была черно-белой. Что я любила Бена, я рассчитывала, что каким-то образом, этого всегда будет достаточно. Несмотря на все, складывающееся против нас, я верила, что мы бы это преодолели - может быть, не сегодня или завтра, но в какой-то момент в нашем будущем, мы бы вместе состарились.

Я думала, что мы особенные, что то, что мы чувствовали друг к другу будет достаточно мощным, чтобы разоблачить работников, спасти мир, соединить вселенные.

Я думала, что мы имели такую любовь, которая может сделать что угодно.

Я чувствую, что слезы угрожают пролиться и стискивают мое горло.

Потому что сейчас, глядя на эту девушку - ту, которая выглядит так же, как я - ее руку на его руке, я вдруг не знаю кто я или как я соответствую чему-либо в этом мире. Я видела слишком много. Я, как предполагалось, должна быть нормальным учеником средней школы, имеющим дело со злыми девочками как Брук Хэслен и дерзкими парнями как Кевин Коллинз. Вместо этого я имею дело со смертью и судьбой мира на моих плечах. Я видела миры, которые не должны существовать.

И этого в итоге оказалось слишком много.

Я поворачиваюсь и иду к двери. Я не смотрю на Барклай или Элайджу на своем пути. Я проскальзываю мимо них и выхожу в коридор.

Нет "Я скучал по тебе".

Нет "Я люблю тебя".

Ничего.

Я представляла этот момент - как Бен впервые снова увидит меня - много раз в своем уме. Я вообразила тысячу различных сценариев. Но ни один из них не походил на это.

Ни в одном из них не было тишины.

02:21:55:32

После того, как я покидаю комнату, я просто прохожу мимо Элайджи и Барклай. Я не особо знаю, куда иду, но я знаю, что должна уйти. Мои ноги перемещаются будто на автомате, и в конечном итоге я оказываюсь в больничной палате, не очень отличающейся от предыдущей. Белые оштукатуренные стены, две парных кровати, занавес между ними. Я сижу на

кровати, самой дальней от двери, и рассматриваю выброшенное на пол чучело животного. Это кролик.

Я смотрю в окно, на город-призрак за ним и позволяю себе просто развалится на части.

С этого ракурса город выглядит тихим, почти сонным, как будто все люди спрятаны внутри.

Это выше моего понимания, как идти против людей более организованных, более оснащенных и более опасных. Я избита, ушиблена, изношена и истощена, и мы быстро теряем оставшееся время. Я нахожусь в странном и заброшенном мире, я чувствую, что кто-то достиг моей груди и разорвал мое сердце на куски.

Прямо сейчас в этот момент я больше не знаю кто я такая.

Все, что я знаю, это то, что я должна.

Дверь открывается, и мое сердце подпрыгивает. Я встаю и поворачиваюсь, ожидая Бена, но это просто Барклай.

Я вытираю глаза. - Отлично. Чего ты хочешь?

Он мягко закрывает дверь позади себя, не потрудившись выглядеть оскорблением. - Ты не должна быть этим расстроена.

Я не могу сдержать фырканье, которое является моим ответом. - Почему, ведь в этом нет ничего страшного? - я почти предупреждаю его, что если он подойдет ближе, я могу врезать. Но я не делаю этого, потому что это могло бы заставить чувствовать себя хорошо, если бы я ударила что-то.

- Нет, потому что ты лучше, чем это, - говорит Барклай, двигаясь ко мне.

- О, это так оригинально. - я закатываю глаза. - Сделай себе одолжение и не пытайся быть утешительным и поддерживающим. Это не твоя сильная сторона.

Барклай хихикает, улыбка изменяет его лицо. - Нет, я предполагаю, что это не сильная сторона. Но будь серьезна. Почему ты так расстроена?

Я понимаю, что мои слезы были фактически остановились. Как правило, Барклаю удается разозлить меня достаточно быстро, чтобы я перестала плакать. Но сейчас, думая о Бене и о том как он смотрел, нагнувшись, и ухаживая за кем-то еще, глаза щиплет и я снова и снова чувствую сжатие в груди.

Барклай делает еще один шаг ближе и протягивает руку, кладя ее мне на плечо. Он не спрашивает, он не боится что я, возможно, ударю его. Я ударяла его достаточно чтобы он знал. Он просто здесь. И нормальный, заботливый Барклай - это то, из-за чего плотину прорвало.

- То, как он смотрел на нее. - мой голос звучит чужим, в слишком высокой тональности, словно он принадлежит кому-то другому, какой-то другой девушке, которая настолько глупа, чтобы разбить ей сердце.
- Она так похожа на тебя, - говорит он, потянув меня к себе. Его сильные руки за моей спиной. - Ты должна быть в состоянии, чтобы видеть как это могло случиться. АИ схватило другую версию тебя, может быть, она даже уже была в заключении. Они поставили ее перед Беном, сказали, что она это ты, и угрожали ей, если он не согласится помочь им.
- Я бы никогда не хотела, чтобы он помогал им для того, чтобы спасти себя. Я бы лучше умерла.
- Ну же, Теннер. Думаешь, это имеет значение? - шепчет Барклай, его рука поглаживает мою спину. - Он не думал о том, чего бы ты хотела. Он как раз думал о тебе - о том, что тебе было больно, и это была его вина.
- А теперь? - говорю я. - Почему он не спасал Элайджу, а его родители - его брат?
- Я не знаю, о чем он думает, - говорит Барклай. - Но тебе лучше поверить, что мы собираемся его расспросить. Мы разберемся в этом.

Слова вылетают из моего рта - те, что я храню внутри с тех пор как мы попали сюда. - Он ничего не сказал. Когда он увидел меня . . . ничего.

Барклай не говорит мне, что я сумасшедшая. Он не оправдывает Бена, но и не соглашается со мной. Он даже не указывает на наиболее вероятную правду - что Бен был в шоке и замешательстве. Он просто дает мне расстраиваться.

Я не знаю, как долго мы там стоим, но через некоторое время Барклай откашливается. - Я кое-что не сказал тебе.

Я слишком устала, чтобы делать что угодно, кроме как сгорбиться в его объятиях.

- Вот, сядь здесь, - говорит он, опуская меня обратно на кровать. - И избавься от этого глупого кролика. Кто знает какую дозу радиации он получил.

Я позволяю ему взять чучело и бросить его обратно на пол, но я замечаю, что он не носит шарф вокруг своего лица. Как будто зная, о чем я думаю, он говорит, - Я использовал устройство, чтобы проверить уровень радиации, и мы должны быть относительно в безопасности, если останемся здесь только несколько дней, но стараюсь не трогать ничего.

Я киваю. - Что ты хотел мне сказать?

Барклай делает глубокий вдох. - Несколько недель назад Хейли сказала мне, что слышала, что кто-то тебя арестовал, - говорит он. - Это слухи, и я не мог получить пропуск, чтобы узнать в тюрьме было ли это на самом деле правдой.

Я думаю о том, как Хейли смотрела на меня, когда мы были в доме матери Барклая - как будто она узнала меня. - Ты знал, что такое может быть возможно?

- Нет, - говорит он, покачав головой. - Я взломал базу данных и не было никакого отчета об аресте, что означало, что она, должно быть, услышала неправильно.

- И это просто было бы в файле? - плохие парни не всегда ведут учет всех плохих поступков, которые они делают. Или по крайней мере умные не делают этого. Что лучше: быть пойманым или иметь все ваши тайны на сервере?

- После того, как Эрик умер, я пошел в твой мир и осмотрелся, я видел как ты раздавала бутылки воды и пакеты с едой с несколькими плохими оправданиями за солдат. Ты была там, делая то, что ты делала, что означало - ты не могла быть в тюрьме АИ.

Я киваю, но не знаю что еще сказать. Конечно, я могу злиться на Барклая за то, что он не знал, что мы могли бы найти, когда нашли бы Бена, но это не его вина. Он проверил файлы, вернулся за мной и увидел, что я была в порядке. Почему он должен был думать, что АИ захватили кого-то еще и делают вид что это я?

Ну они конечно дермовее, чем это, но по какой-то глупой причине Барклай еще не понял этого.

И на самом деле, больнее всего не от того, что был замешан мой двойник. А от того, что Бен не узнал кем она была.

Это осознание того, что я заменима.

Барклай должен знать это, потому что он сидит рядом со мной и тянет меня в крепкие объятия.

Разногласия обернулись против нас, и нам не хватает времени. Я не знаю, как нам удалось настолько облажаться или запутаться, и теперь я не знаю, чем это будет для меня и Бена, если нам удастся пережить ближайшие три дня.

Я думала, что мы найдем способ быть вместе, но как мы выйдем из этого?

02:19:41:29

И когда я чувствую как сердце Барклая бьется под его рубашкой, я понимаю, что снова перестала плакать. Я отталкиваюсь от него, чувствуя себя странно

лучше и оцепенелой ко всему - Бену, торговле людьми, еще одной версии меня в другой комнате.

- Хорошо, - говорит Барклай, и на мгновение я задаюсь вопросом вдруг я говорила вслух. - У нас есть кое-что важное, что мы должны решить.

- Ты имеешь в виду кроме раскрытия группировки, занимающейся контрабандой людей? - мой голос хриплый от избытка эмоций, и я понимаю, что истощена.

- Девушка в комнате, мы не знаем кто она, - говорит Барклай.

Я хочу смеяться. - Фактически, мы знаем. Она это я.

Он качает головой. - Просто потому что она имеет то же лицо, не означает, что она это ты. Помнишь, ее не было в базе данных. Нет записей об аресте. Она могла быть жертвой, она могла быть кем-то, кого просто втянули в это, или она может быть каким-нибудь засланцем АИ. Несмотря ни на что, мы не можем ей доверять.

- Если АИ было ее, я сомневаюсь, что она работает на них. - последнее, что мне нужно, это еще одна причина, чтобы быть не в состоянии смотреть на нее.

- Вопрос в том, действительно ли АИ было ее? - говорит он. - Нам все еще нужно поговорить с Беном. Но мы также должны точно знать, что произошло в той тюрьме и что он видел.

В этом он прав. Если мы доверяем неправильному человеку, то собираемся умереть. - Хорошо, давайте говорить с Беном без нее, тогда мы сможем поговорить с ней и увидеть, можем ли мы соединить все части.

Барклай улыбается. - Хороший план, и что бы ни случилось, помни кто ты есть, Теннер.

- Что ты подразумеваешь под этим? - я не уверена должна ли обижаться.

- После того, как я закончил North Point и прошел обучение в АИ, одной из первых вещей, которые они твердили нам, состояла в том, чтобы всегда помнить кем мы были, - говорит он, и я понимаю почему это важно даже прежде, чем он продолжает. - Всегда есть шанс, что ты столкнешься с другой версией себя. Это не происходит часто, но это действительно происходит.

- Ты когда-нибудь видел другую версию себя? - спрашиваю я, подавляя дрожь. Барклай достаточно раздражающий и это только один он.

Он качает головой. - Но эта девушка не ты. Она имеет другой опыт, она выросла в другом мире.

Таким образом, я должна помнить кто я - и что она это не я. - Так кто же я?

Барклай улыбается. - Ты Дженнель Теннер, единственная девчонка, к которой я когда-либо обращался за помощью.

Я не могу не улыбнуться, хотя мы оба знаем, что на самом деле у него не было выбора.

Он продолжает. - Я имею в виду это. Ты сильная. Что бы ни случилось, сегодня вечером, завтра, даже всю оставшуюся жизнь, помни, кто ты и почему ты до сих пор жива.

Он сжимает мои руки. - Думай обо всем, через что ты уже прошла. Помни то, что ты сделала и используй это. Это просто еще один день на службе.

Мой смех звучит не так горько, как я ожидала. - Просто еще один день в борьбе с преступностью и спасении мира?

- Точно. - он улыбается. - Теннер, ты девчонка, которая спасла свой мир. Теперь ты поможешь мне спасти мой.

- Значит ли это, что я получу частичку твоего памятника? - спрашиваю я.

Барклай замолкает на секунду перед драматическим вздохом. - Я полагаю, меня можно уговорить поделиться им с тобой. Но тебе придется это заслужить.

Я делаю глубокий вдох и вытираю лицо кончиками рукавов. Я хотела бы вернуться как-нибудь, вернуться и восстановить свою собственную невиновность, вернуться и не знать секретов, которые я ношу с собой каждый день, так как я раскрыла правду о мультивселенной. Но за исключением получения лоботомии - которая действительно не входит в мои планы - нет ничего, что я могу сделать кроме как исправить это. Сесиль там, испуганная и одинокая, и ей все еще нужна я.

У нас осталось всего три дня, а мы до сих пор не обнаружили вообще ничего полезного.

- Тогда нам пора приступить к работе, - говорю я, потому что действительно, что еще я могу сказать в этот момент? Мне нужно переориентироваться. Теперь, когда мы нашли Бена, нам нужно выяснить, что мы собираемся делать дальше.

Барклай улыбается и открывает дверь. Я смотрю на него, действительно принимаю его, волосы слишком длинные, с дерзким оскалом, поразительные глаза и угловатая челюсть, позиция, которая говорит, что он знает, какой он задира. Он парень в возрасте около двадцати, с миром у его ног - или, я предполагаю, судьбой мира на его плечах. Он настоящий супергерой.

В первый раз я задаюсь вопросом, если Барклай это то, каким был мой отец был в его двадцать - или Страз, когда он только начинал в Бюро. Интересно, был бы Алекс таким же через пять лет, если бы не умер.

Я прижимаю свою ладонь к груди, отодвигая боль внутри.

Я уже потеряла достаточно людей в своей жизни. Я отказываюсь терять больше.

Я должна пережить это. Я должна вернуть Сесиль и пойти домой. Для моего папы, для Алекса, для Джареда и Страза - для меня.

02:19:32:16

Барклай созывает совещание на седьмом этаже больницы, это выглядит как старая комната для персонала. Мой двойник единственная не была приглашена. Когда заходит Бен, он направляется прямиком ко мне.

- Джаннель, - шепчет он, и я вспоминаю день, когда я умерла. Это то, как он произносит мое имя - я не знаю, как он умудряется вложить столько чувства в одно слово, но это заставляет меня дрожать.

Я не отвечаю. Я не знаю, что сказать, но смотрю в его сторону. Его глаза мягкие, линии на лице говорят мне, что он беспокоится, но когда он достигает для меня, я вздрагиваю.

- Ты в порядке? Ты ранена? - спрашивает Бен.

- Я в порядке, - говорю я, стараясь смотреть на него как можно меньше.

Мы сидим за круглым столиком, поглощая несвежее Пепси, которое Элайджа спрятал здесь перед тем, как АИ схватил его. - Мы должны знать все, - говорит Барклай.

Бен смотрит на меня, будто хочет что-то сказать, но вместо этого обращается к Барклаю. - Я думал что разобрался уже в половине вещей, но час назад все было перевернуто с ног на голову.

Потому что он совсем не проницательный, Элайджа говорит: - Кто эта девушка?

Бен пинает одну из ножек стола, и все дергается.

- Это такое же хорошее место чтобы начать, ка и любое другое, - я заставляю себя говорить.

Бен запускает руку в волосы и я вижу его глаза. Они налиты кровью, будто он пытается удержаться от слез. - Мы здесь уже почти пять дней, - говорит он,

сглатывая. - Я принес ее сюда потому что здесь мы будем в безопасности. Она была в очень плохом состоянии, вся в синяках, избита. Я ухаживаю за ней.

- Таким образом, ты нихрена не знаешь кто она, - говорит Элайджа, откинувшись на спинку стула.

Бен качает головой и смотрит вниз. - Я думал, что она Дженнель, - шепчет он.

Я смотрю в потолок чтобы не плакать снова.

- Она Дженнель, - начинает Барклай. - Но другая ее версия.

Бен ничего не говорит.

- Это не может быть плохо, верно? - говорит Элайджа прежде чем взглянуть на меня. - Не позволяй этому застрять в твоей голове. Не то чтобы я думаю, что ты великолепна, но ты и в половину не так уж плоха для девчонки.

- Ты тоже не совсем, - говорю я, потому что продажные оскорблении с Элайджей это то, с чем я могу справиться. Он должно быть чувствует то же самое потому что сверкает мне ухмылкой.

Барклай качает головой. - Послушайте, это важно для всех нас, чтобы пойти на это с широко раскрытыми глазами. В АИ мы называем себя "оригиналами", а другие версии нас "двойниками". Есть случаи, когда двойники настолько похожи, что практически идентичны их оригиналам - и те случаи, когда сходство только внешнее. Сейчас нам нужно набрать скорость, и затем мы должны поговорить с ней, выяснить точно кто она, как она попала сюда, можем ли мы ей доверять - и сможет ли она помочь нам.

- Я думал, что она получила какую-то травму головы, - говорит Бен. - Или я думал, что она была, потому что она... она не помнит меня. Но я предполагаю, что она и не должна была.

Я думаю о двойнике Бена, парне, которого я видела во дворе на распродаже с Сесиль. Я знала практически сразу же, что он не мой.

Это может быть несправедливо, это может быть требовательно, я не имею никакого права противостоять Бену. Но я делаю это.

Он должен был знать, что она - не я.

02:18:29:54

Видя перерыв в разговоре, Элайджа встrevает. - Я рассказал им обо всем, что мог. Как мы вернулись и мир не был тем же самым, как я ходил между мирами, и за тобой следили...

- Ну же, Эли, - говорит Бен. - Разве ты не видишь теперь, что я не параноик? Они пытаются использовать меня в качестве козла отпущения и казнить меня.

-Они пытаются казнить всех нас, засранец, - говорит Элайджа. - Вопрос в том, что мы будем с этим делать?

Я вклиниваюсь. - Мы все еще должны знать, что с тобой случилось, - говорю я, глядя на Бена. - Они нашли тебя, привезли под стражу АИ, бросили в тюрьму, и что тогда?

Он просто смотрит на меня и не реагирует, так что я добавляю, - Мы должны знать, - в дополнение. Потому, что мы должны.

Бен кивает. - Прости, Джи, я ... - он глотает. - Этот парень пришел ко мне...

- Какой парень? - спрашивает Барклай, я полагаю, чтобы убедиться, что мы следуем правильно.

- Его зовут Константин Меридиан, - говорит Бен. - Он высокий, худой, светлые волосы сбриты близко к голове, тату колючей проволоки. Выглядит как скинхед.

Барклай кивает.

- Он плохой парень, - говорит Бен, и я удивлена тем, как потрясенно он выглядит. - Он поймал одного из охранников пока тот спал на посту у камер слежения. Он собрал нас всех вместе, разбудил тех, кто спал, перезвонил ребятам, которые вышли на задание, и сказал: "Карл устал. Мы должны удостовериться, что он получает больше остальных". Затем он вколол ему что-то. Убил его на месте.

Я думаю о том, как Меридиан смотрел на меня в тюрьме, крови на его рубашке, Дереке, советующем мне бежать, я чувствую холод.

Бен рассказывает историю, похожую на то, что говорил Элайджа. Меридиан был впечатлен его способностями и предложил ему работу. Когда Бен отказался, они избили его и угрожали людям, о которых он заботился.

- Я держался сколько мог, - говорит он, и на мгновение я думаю, что это все, что он скажет. Он смотрит вниз, волосы падают на лицо, его адамово яблоко движется, потому что он подавляет вину, которую должен чувствовать.

Затем внезапно он выскакивает из-за стола и идет к окну. - Когда ее привели, - говорит он, его голос дрожит, - Ее лицо было опухшим и окровавленным. Я не мог видеть, что еще они хотели с ней сделать. - он понижает голос, но не слишком сильно. Мы все слышим его. - Я думал она это ты.

Тогда он останавливается, и мы все позволяем ему. Я была связана с тем, через что прошла так, что даже не потрудилась спросить его, как он разбирается со всем этим. Он думал, что сделал что-то благородное и храброе - что-то для меня - а оказалось, что он сделал неправильный выбор.

Я не могу винить его за это. Я убила человека, и буду нести это с собой всю оставшуюся жизнь. Но только потому что я не виню его, не означает, что это никогда не станет тем же самым.

Бен поворачивается, прислоняется к стене и скрещивает руки на груди. - Я работал с ними около трех недель, - говорит он, его голос грубый, с сожалением. - Я сделал все, что они просили, и затем, когда они начали расслабляться около меня, доверять мне, то привели ее ко мне снова, как награду. Вот тогда я побежал.

Я предполагаю, что должна быть благодарна, что он оценил меня с Дереком и его родителями - что я была более важна для него, чем захват Меридиана и спасение людей, которых он схватил. Но это просто заставляет меня чувствовать себя хуже. Это весит на моей груди и затрудняет дыхание. Интересно, сколько людей ранено или умерло из-за меня.

- Что ты можешь сказать нам об их действиях? - спрашивает Барклай. Он колеблется немного, когда говорит это, он тщательно подбирает свои слова, и я понимаю, даже при том, что мы все на одной стороне здесь, он все еще рассматривает Элайджу и Бена как посторонних, как подозреваемых. Он не мог бы сказать мне все, но по крайней мере он не лжет или играет в игры.

- Пока я работал на них, я жил в мире, где база их операций...это трудно описать, вроде как в кино, где все там плохие парни. Есть центр обработки всех, кого они приводят, - говорит Бен.

- Рабов? - спрашиваю я, потому что не хочу запутываться в том, о ком мы говорим, и я не хочу смягчать слова или осторожничать вокруг чего-то, потому что это сделает нас стесненными. Мы должны назвать это как есть. Эти люди, которыми торгуют, они - рабы.

Бен кивает. - Мы называли их Непристроенными.

02:18:24:44

Я чувствую, как волосы на затылке становились дыбом, и дрожь движется через меня. - Они забрали Сесиль, - говорю я. Я объясняю все, что знаю. Как мой мир развалился - нехватка продовольствия, воды, электричества, медицины, всего. Я пересказываю о первой пропаже человека, большом количестве людей, которые исчезли из Квалькома, и последнее похищение, когда Сесиль тоже была взята.

В конце я добавляю, - Мы должны вернуть ее обратно.

Бен клянется. - Я...

- Мы вернем ее, - говорит Элайджа. - Мы доставим их всех назад, и мы раскроем этих тварей. - он протягивает руку, хватается за плечо Бена, и трясет его. - Что нам нужно делать?

- Нам нужно знать все об операции, - говорит Барклай. - Мы должны знать как это устроено. Откуда ты знаешь кого хватать и где и все такое?

Бен глубоко вздыхает и перемещается на своем стуле. Это будто он сооружает защитную раковину вокруг себя. Он истощен - я знаю это чувство - но он с нами. Он не собирается позволять, чтобы этим парням все сошло с рук это. - Это зависело от назначения. Я предполагаю, что у Меридиана были люди, которые делали работу разведчиков, я не уверен. В начале я должен был работать с партнером. Мы получали местоположение и образ человека, которого они хотели. Он мог быть расплывчатым, как пол и возраст, или иногда он был более определенным, как цвет волос или глаз или что-то такое.

Как шопинг. Если бы мой желудок не был таким пустым, я бы боролась, чтобы удержаться от рвоты.

- Последние работы, которые я делал, отличались, - продолжает Бен. - Я был один, и у меня были образы определенных людей, которых они хотели, чтобы я схватил: имя, возраст, рост, вес, внешность, иногда даже фотография или файлы, как кто-то следил за ними.

- То есть иногда они охотились за определенными людьми? - спрашивает Барклай, и я знаю по его тону, что он не ожидал этого.

Бен кивает. - Когда я привел их, они не остались в центре обработки. Кто-то еще переносил их той ночью. Обычно один из главных парней Меридиана.

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. Я не уверена, почему эти предназначенные люди отличаются, но так и есть, и я знаю, что это важно. Это еще один кусок головоломки. Всякий раз, когда я думаю, что приложила руку к этой ситуации и к тому с чем мы боремся, я с ужасом удивляюсь. Как это может быть реальным?

Барклай по-прежнему спокоен. - Таким образом, ты жил в центре обработки в том мире. Ты мог бы взять нас туда, если бы понадобилось?

Бен кивает.

- И ты получал работу, перемещался, захватывал, кем бы ни была эта работа, и приводил их назад к центру обработки. Что тогда?

Бен встает на ноги и делает устойчивый вдох. Интересно, лежал ли он с открытыми глазами ночью, неспособный спать из-за вины, как он оправдывал

себе, что спасение меня стоило столько других жизней, и начал ли он думать о том, что он сделал - для меня - и как не было на самом деле для меня вовсе.

Его глаза находят мои, и я знаю что вижу в них. Потому что Бен чувствует то же, что и я. Я не знаю, как вещи стали настолько испорченными, как мы перешли от принадлежности к двум различным мирам - что-то, что уже казалось невозможным - к тому где мы теперь, с моим двойником в другой комнате, торговцами людьми и агентами АИ, ищающими нас и бесчисленных людей, за жизни которых мы оба ответственны.

- Давай, нам нужно сосредоточиться, - говорит Барклай.

Бен кивает. - Там был парень, отвечающий за центр обработки, и я должен был докладывать ему.

- Как его зовут?

- Какой-то Василий. Многие из ребят там звали его Бритва или Разрушитель.

- Ты что, издеваешься надо мной, - говорит Барклай, фыркнув. Он падает обратно в кресло и запускает обе руки в свою шевелюру. Жест выглядит так, будто Бен что-то сделал.

Пытаясь сосредоточиться, я наклоняюсь вперед. - Что? Что это значит?

- Василий "Бритва" Лерман является контрабандистом и насильником. Свое прозвище он получил, когда ему было пятнадцать он убил своих родителей, зарезав их лезвием бритвы. Но он... - глаза Барклая расширяются и он издает горький смешок. - Они создали свой центр обработки прямо под носом у АИ на Черной дыре.

- Черная дыра? - пожалуйста, пусть это не то, что я думаю, это означает. Я не для космических путешествий.

- Это мир, который был разрушен много тысяч лет назад, - говорит Барклай. - Кто-то в Айове нашел его, когда мы впервые делали карту мультивселенной, но у него нет устойчивого растительного или животного мира нигде. Мы даже пытались создать колонию, но растения сморщивались и умирали через несколько дней, а люди болели. Как будто что-то случилось с атмосферой.

- Для чего АИ его использовало? - спрашивает Элайджа.

- Они построили подземную тюрьму там пятнадцать лет назад и разместили некоторых охранников ИА там - вы знаете, ребята, которые чертовски неисправимы. Туда посылают худших из худших, преступников, которые настолько плохи, что находятся в другом мире.

- Ребята как Василий Лезвие бритвы? - спрашиваю я.

Барклай кивает. - Парни, которые имеют много связей с другими плохими парнями, те, кому АИ никогда не позволит увидеть свет за пределами тюрьмы снова. Они выгнали их в Черную дыру и заключили под землей.

Для меня непостижимо, что АИ казнит меня через три дня, но такой как Василий может доживать свою жизнь в тюрьме.

- Почему бы просто не казнить их? - видимо у Элайджи те же мысли.

- Многие из этих ребят имеют большие секреты, и если они умрут, то их знания погибнут вместе с ними, - говорит Барклай. - Если эти секреты это информация, которая может быть ценной для АИ или правительства, то почему бы не посадить их в дыры под землей на десять лет и затем увидеть, готовы ли они от них отказаться?

- Но если это тюрьма АИ, то там не может быть база операций, - говорит Бен.

Но я вижу, куда Барклай ведет с этим. Если вы были организованы и имели технологию - входить и выходить из любого мира - что, очевидно, делает Меридиан, это было бы прекрасное место для проведения операции. Пока Меридиан и его парни могли прийти и уйти необнаруженными, нет фактически никакого риска. Это по сути неконтролируемый мир - никаких нежелательных агентов АИ не собираются просто заглядывать, а если вы убиваете или платите охранникам, все остальные будут вашей дешевой рабочей силой. В конце концов, Меридиан может ввезти контрабандные вещи, которые они хотят, сделать их жизнь лучше почти всеми возможными способами, и возможно, даже предложить им выход после того как они уже достаточно сделают для него. Разговор о стимулах.

Что означает, что тюрьма, вероятно, была преобразована в центр обработки, а заключенные наверное теперь отвечают за работ.

Я смотрю на Барклая. - Это плохо. Сколько человек в том мире?

Он вздыхает. - Я не знаю. Вселенная была удалена из записей. У нее даже нет названия. Мы просто называем это Черная дыра, потому что это такое, и у тебя есть хоть какое-то название, когда ты говоришь о ней. Там может быть десяток парней или может быть пятьсот. Я понятия не имею.

- Их больше десятка, - говорит Бен. - Предполагаю, я бы сказал, что есть около сорока ребят, которые работают на Бритву, а затем еще двадцать, которые по очереди Приводят Непристроенных. По крайней мере, я так думаю. Там может быть несколько больше людей, но я встретил двадцать из них. Они получили только восемь устройств, которые открывают порталы. У меня сложилось впечатление, что они привыкли иметь больше, но уже перестали работать или что-то такое.

Так они работают посменно. - Сколько заданий ты делал за день?

Он не смотрит на меня, когда отвечает. - Где-то между восемью и двенадцатью.

Это число заставляет меня всю похолодеть, вплоть до кончиков пальцев.

Если он был там три недели, это значит, что он схватил где-то между 168 и 252 человек. И это только Бен. Если есть двадцать парней, захватывающих много людей...

- Святое дермо, - шепчет Барклай, и я знаю, что он только что сделал те же подсчеты в голове.

- Что? - говорит Элайджа, глядя от Барклая на меня.

Я прижимаю ладонь к груди. Бен сделал это из-за меня, и это делает тех людей, что он захватил, моей ответственностью. Больно произнести это вслух, но я делаю это в любом случае. - Это в среднем четырнадцать сотен человек в неделю.

02:17:01:14

- Это огромная операция, - говорит Бен. - И это только центр обработки с которым я работал. Они либо имеют другие либо работают над этим. - он смотрит на Барклая. - Эта штука будет становиться больше. Меридиан поручил кому-то повторить формулу для гидрохлораднеума, который Эли и я выпили. Если он сможет дать это всем своим парням, они смогут оставаться под радаром и работать круглосуточно. Он может даже принять на работу больше парней, чтобы помочь. Они будут более эффективными.

Законы спроса и предложения, по-видимому, не являются дискриминационными.

Барклай наклоняется вперед. - Ладно, давайте вернемся к центру обработки. После того, как ты привел рабов, тогда что?

- У Бритвы был кто-то, чтобы брать Непристроенных и размещать их в камерах, которые определяли куда они будут направлены.

Думая о Сесиль, я спрашиваю: - Как долго они там остаются?

- Я не уверен, - говорит Бен. - Я не имел непосредственного отношения к передачам. Но я думаю, что это зависело от пары вещей, как объединение, в котором они были и какие заказы имелись.

- Заказы? - как заказ на поставку - я не могу понять, как торговля людьми может быть так эмоционально отделена.

Бен кивает. - Это организовано. У них есть пара компьютеров, где они хранят все записи. Они закодированы, я думаю, но у них есть досье на всех

Непристроенных, откуда они пришли, куда они пойдут, был ли это конкретный заказ или нет. У них даже есть файлы на больших клиентов, делающих оптовые заказы.

- Да это полный капец, - говорит Элайджа, и я рада, что мы с ним на одной волне.

- Нам нужны те файлы, - говорит Барклай. - Вот наши доказательства.

Я согласна с ним полностью. Что-то вроде черного и белого - никто не смог бы вскочить и сказать, что они не верили нам. Достаточно заставить меня задаться вопросом, почему плохие парни вели учет незаконных вещей, которые они делают, когда это, очевидно, весть, которая могла раскрыть их.

Но у этих парней есть организация, которая, кажется, может конкурировать с крупнейшими корпорациями, и если Барклай прав, у них есть кто-то из АИ в кармане и они работают уже много лет. Они вполне уверены, что не будут пойманы.

- Поэтому мы ворвемся и захватим это дермо, - говорит Элайджа. - Давайте сделаем это сейчас.

Барклай сжимает переносицу, и я знаю почему. Это не так просто - и у нас есть еще большая проблема. Бен только что дал нам многое, но ничего такого, что определит, кто в АИ участвует, а Барклаю нужны конкретные доказательства операции, которые он может представить АИ, и он должен знать, к кому надо обратиться, чтобы дело не замялось. Он не уверен, насколько далеко сложился заговор.

- Просто скажи мне, что делать. Как мы можем это исправить, - говорит Бен, и я не могу сказать, обращается он ко мне или Барклаю.

Я не знаю, что сказать или может ли это быть исправлено, поэтому я позволила Барклаю говорить.

- Возвращайся к двойнику Джаннель, - говорит Барклай. - Ты когда-нибудь реально видел как они били ее?

- Мне не пришлось. Она уже была разбита в хлам.

- Я просто думаю, что важно отметить, ты не видел, кто причинил ей боль, - говорит Барклай, его голос тихий, но суровый.

- Ее травмы не фальшивка, если это то, что ты говоришь, - говорит Бен.

Он может не знать ее, но он, безусловно, готов защищать ее. Я не могу больше слушать это, поэтому добавляю: - Это не то, что он пытается сказать.

Элайджа внезапно наклоняется к столу. - Ты думаешь, что кто-то еще мог ее избить?

Барклай пожимает плечами. - Может кто-то другой избил ее, а кто-то в АИ предложил ей какую-нибудь сделку. Типа "помоги нам, а мы позаботимся о твоей проблеме".

Элайджа резко встает, опрокинув свой стул на землю. - Если она работает на них, то может привести их прямо к нам.

- Я знаю, - говорит Барклай. - Именно поэтому нам нужно с ней поговорить.

02:16:49:43

Когда я выхожу, Бен движется передо мной и загораживает путь к двери.

Когда я смотрю на его лицо, я вижу как он поет ей - ее руку, касающуюся его руки. Этого достаточно, чтобы мое горло сжалось, а глаза стали мокрыми. Я не готова говорить, поэтому я пытаюсь обойти его.

- Пожалуйста, - шепчет он. - Я просто должен знать, что ты в порядке.

Барклай и Элайджа исчезают в коридоре.

Я испытываю желание сказать "У нас нет времени для этого" или выдать какое-нибудь другое оправдание. Спросить его, как любой из нас может быть в порядке в этой ситуации. Мы в бегах от АИ, пытаясь разоблачить торговцев людьми. Я сбежала из тюрьмы и убила человека. Сесиль была похищена. И я только что видела парня, которого я люблю, с другой версией себя. Ничего в любом случае не в порядке.

Я какая-то мазохистка, потому что смотрю на Бена и рассказываю правду.

- Нет, я не в порядке.

Его губы сжимаются, а лицо искривляется, и он тянется ко мне. Я не могу с этим справиться, хотя когда он видит, что я вздрагиваю, то позволяет своей руке упасть.

- Я сожалею, - говорит он, его голос немного дрожит.

- О чём? - спрашиваю я, потому что сожалением это не исправить.

Бен качает головой. - Я просто... Я не знаю... мне никогда не приходило в голову, что она может не быть тобой и...

Он перемещается на ногах, и я чувствую, что должна что-то сказать - что-то, чтобы преодолеть пропасть между нами, или, по крайней мере, чтобы помочь ему сделать это.

Но я не могу. Я просто не могу - это как будто я жду приливную волну эмоций, чтобы она рухнула на меня и унесла из этого разговора.

- Ты помнишь, когда на втором курсе у тебя был этот старый грузовик? - говорит он. Это был мой первый автомобиль, 1968 года выпуска Форд F-250. - Это было в октябре, я думаю, и у меня не было работы. Я шел к Блэк-Маунтин-парк и увидел твой грузовик, пустой, с дымящимся двигателем.

Дело было в механической коробке передач и том, что она барахлила, поднимаясь на холмы, даже невысокие. Она всегда теряла скорость или блокировалась. Я постоянно оставляла грузовик на обочине дороги. Тот день был одной из причин, почему я убедила своего папу избавиться от него.

- Я пошел, чтобы проверить его и посмотреть в чем дело, - продолжает он. - Я не знаю, что произошло, а ты явно разбушевалась, так что я проверил его. Шланг радиатора протек, так что я сплавил его обратно. Я даже подождал немного, чтобы ты вернулась. Я убеждал себя, что на самом деле собираюсь с тобой поговорить, начать разговор, но потом Элайджа написал и спросил почему я так долго добираюсь до его дома, и я потерял самообладание.

Я помню тот день. Я думала движок взорвется, потому что дым валил из-под капота. Но когда я заставила своего отца отвезти меня обратно той ночью, чтобы проверить грузовик, он решил, что просто требуется больше охлаждающей жидкости.

- Ты починил мой грузовик? - спрашиваю я. Странно думать, но я была такой настоящей, за неимением лучшего слова, в его жизни, когда он не существовал в моей. - Почему?

- Я хотел помочь тебе, - говорит Бен. - Ты вытащила меня из океана и спасла мне жизнь. Я задолжал тебе, и тогда я понял, что ты умная и жесткая и отличаешься от всех остальных, поэтому ты мне нравишься.

Я смотрю в его глаза. Они темные и грустные.

- Решения, которые я принимал, они всегда были для возвращения домой или помочь тебе, - шепчет он. Затем добавляет, - Я думал, что ты у них.

Ему не нужно добавлять что-нибудь еще. Я поняла. Я бы вышла из себя и сделала что-нибудь сумасшедшее, если бы думала, что он в опасности. Я и сделала - я последовала за парнем, которого я едва знала, через портал в другой мир.

Но это логично и не отменяет того факта, что я была одна, а он утешал кого-то другого.

Я думаю о том, чтобы просто высказать это, но не получаю шанса. Бен выпрямляется и делает глубокий вдох. - Я не ожидаю, что ты простишь меня,

но я просто хотел, чтобы ты знала. - затем он делает шаг в сторону, так чтобы я могла пройти через дверь.

Что-то в том насколько он смиренный почти ломает меня. Я чувствую пустоту в своей груди, там, где должно быть мое сердце. Я хочу сказать ему, что конечно я прошу его или что мы влюбились посреди ситуации, которая была хуже, чем это.

Но я не хочу лгать.

02:16:38:51

Мой двойник бодрствует, когда я вхожу в ее комнату.

Это была идея Барклая, чтобы я опрашивала ее, и никто не может действительно спорить с ним. У него есть следственные знания и опыт, чтобы командовать - не то чтобы я хотела это признавать.

Элайджа говорит с Беном где-то еще в здании, а Барклай находится за дверью на случай, если я нуждаюсь в нем.

Это моя работа - выяснить, кто она и что она знает обо всем этом. Так как я знаю себя лучше чем кто-либо другой, предположительно, я должна быть в состоянии оценить ее лучше. Мне нужно определить, кто именно она - чем похожа и чем отличается.

По крайней мере, таков план.

Прямо сейчас все, что я могу сделать, это уставиться на нее.

Ее волосы светлее, чем у меня, но корни отрастают и становятся такими же темно-коричневыми. Ее лицо - та же самая форма с идентичным носом и ртом, и я изучаю те же самые глаза, не думаю, что когда-либо привыкну к ним. Ее брови отличаются - будто кто-то уделяет больше внимания их формированию, чем я когда-либо.

Синяки на ее лице, вокруг ее левого глаза и на щеке блеклые и пожелтевшие, наверняка в последней стадии заживления. Я не сомневаюсь, что было неприятно, когда она их получила, и я не завидую ей. Мне повезло. Я была в нескольких драках, но ни одна не оставила меня такой избитой.

Поднеся стул до ее кровати, я сажусь и даю ей время, она должна привыкнуть к тому, кто я. Я хочу позволить ей говорить первой. То, что она скажет, пояснит мне многое.

Ее рот слегка приоткрыт, она замечает мои особенности. Интересно, что она видит. С ожогами и синяками вокруг шеи, я чувствую себя не совсем в своей лучшей форме.

Когда она заканчивает осматривать меня, то смотрит вниз на свои пальцы и ковыряет красный лак на ногтях.

Я хочу задать ей так много вопросов, не только о том, что она знает о Бене и ситуации, но и о ее семье. Жив ли ее ее отец, есть ли у нее Алекс и Сесиль, в безопасности ли они, осталась ли ее мама в здравом уме? Но я молчу и жду ее. Если она хоть немного похожа на меня, она умирает, чтобы также выяснить кто я такая.

Примерно через полминуты, ее нижняя губа начинает дрожать, и я останавливаюсь, думая, что они, должно быть, сломали ее позвоночник в той тюрьме.

Поворачивая свои слезящиеся глаза ко мне, она говорит, - Таким образом, я предполагаю, что ты та, которую он хотел спасти?

Я не отвечаю. Не потому что я все еще играю установленный молчаливый порядок - ее первые слова просто сказали мне многое - но потом я вспоминаю Бена, сидящего на ее кровати, когда я увидела его в первый раз, и мое горло слишком сжимается, чтобы говорить.

Она фыркает и смотрит в потолок, чтобы не заплакать, и эта схожесть прерывает мое дыхание. Я так делаю. С этим жестом я стала слишком хорошо знакома в течение последних пяти месяцев. - Я знала, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

- Что произошло? - спрашиваю я, используя свой лучший тихий, спокойной голос, который, наверное, не так уж и хорош. Я никогда не была достаточно мягкой, а в последние несколько дней я была довольно грубой.

- Бен. - она смотрит на дверь и начинает всхлипывать. Ее лицо кривится и слезы падают вниз. Ее тело качается с рыданиями. - Он продолжал говорить мне, что я в безопасности, чтобы я помнила когда мне станет лучше, что все будет в порядке.

Я хочу протянуть руку и предложить ей какое-то утешение - и, может быть, если я была бы дружелюбной, я бы получила больше информации от нее. Кроме того, если она это другая версия меня, то я должна сопоставлять себя с ней, сопереживать или что-то еще. Но я просто не могу заставить себя сделать это.

Прикосновение к ней так или иначе сделало бы ее более настоящей.

- Я хотела вспомнить, - говорит она, вытирая глаза, хотя это не приносит никакой пользы. Ее плач слишком трудно остановить. - Он спас меня, и он настолько совершенен. Я люблю звук его голоса и как он спокоен...

Плач становится еще хуже, до того, что она не может говорить. Так что я сижу молча рядом с ней, у меня внутри все сжалось и горит, но я отказываюсь отпускать. У нас нет времени, чтобы сидеть и плакать и плохо себя чувствовать. У нас даже нет времени для меня, чтобы выяснить, что происходит между мной и Беном.

У нас есть проблемы поважнее, и чуть меньше трех дней, чтобы решить их.

- Как я могла забыть кого-то, кто так сильно меня любил?

Кто-то, кто любил меня так.

Я знаю, что Бен сделал все это для меня. Он не вернулся ко мне, потому что за ним следили и он не хотел подвергать опасности меня - и позже он думал, что спасает меня. Это должно значить что-то.

Но я не знаю что.

Потому что вот она, эта девушка, которая не настоящая я, со стильной стрижкой и шрамом от ветряной оспы на лбу, и теперь она плачет над плохо выпавшими картами.

Я плакала больше, чем мне хотелось бы признавать, но я пришла в себя и придумала план исправления, независимо от того, что новая катастрофа просто взорвала мою жизнь. Тогда я сделала это.

Он не видел отличия в ней - как кто-то, кто любит меня, разве он не должен был знать, что она не я?

- Мы все же не в порядке, не так ли?

Я качаю головой. - Нет, мы нет. - я действительно не та, кто ходит вокруг да около.

Она кивает, словно знала это в глубине души, но это только заставляет ее плакать сильнее.

Она знает, что я ее двойник. На основе ее реакции на меня, сомневаюсь, что она когда-либо видела своих двойников прежде, но она знает кто я. Значит она из вселенной, которая имеет широкие знания о путешествиях.

И она либо лучшая актриса, которую я когда-либо видела, либо она вне себя и до смерти боится, что сделает ее ужасным подставным лицом. Так что я собираюсь сказать ей это прямо. - Дженнель, - говорю я, перекатывая слово вокруг своего языка и пытаясь не замечать, как неловко она себя чувствует. - Мне нужно знать, как ты оказалась в той тюрьме. Это важно.

Она кивает, но это требует некоторого времени, чтобы на самом деле успокоиться достаточно, чтобы говорить со мной.

Но когда она это делает, то рассказывает мне все.

Я выхожу из той палаты, зная две вещи наверняка.

Она не подставное лицо АИ.

И как только вы пропустите как сильно мы похожи друг на друга, она не такая как я.

02:16:00:11

Другая девушка по имени Дженнель Теннер родилась и выросла в Приме.

Вместо того, чтобы идти в Вест-Пойнт, проведя шесть лет в армии, а затем вступив в ФБР, ее отец работал в Службе национальной безопасности, где он продвигался по служебной лестнице.

Жутко часть в том, что он познакомился со своей будущей женой так же, как познакомились и мои родители - на групповой вечеринке у общих друзей. Она была аспиранткой, которая думала, что знает все и слишком много выпила. Он думал, что она несносна и вскачил, чтобы исправить ее, когда она сделала широкое обобщение о международной политике, которое переросло в бурные дебаты. Она взяла его номер и пригласила на кофе на следующий день, чтобы извиниться.

У них было двое детей, Дженнель и Джаред, но любые сходства кроме наших имен, кажется, заканчиваются довольно скоро после этого. Потому что ее папа и мой сделали два очень разных судьбоносных решения, когда их жены заболели.

Когда у мамы "Дженнель" было диагностировано биполярное расстройство, ее отец не пытался решить его самостоятельно и потом просто отпустил ее. Он поместил ее в психиатрическую больницу и нанял няню, чтобы заботиться о своих детях.

"Дженнель" и "Джаред" были воспитаны няней и домработницей, пока не стали достаточно взрослыми, чтобы быть посланными в дорогие школы-интернаты. "Дженнель" ненавидела школу. Она не участвовала в спортивных состязаниях, не выделялась в классах, и в результате чувствовала бессмысленность - она не знала, что сделать со своей жизнью. В ее первой школе она присоединилась к плохой компании, много выпивала и закончила тем, что была исключена за то, что нарушила слишком много правил.

В ее следующей школе она попыталась учиться и играть хорошего студента, но встретила парня, думала, что он любил ее и проводила все свое время с ним.

После она впала в депрессию, когда он переспал с ней и двинулся дальше к кому-то еще. Она закончила тем, что провалила слишком много классов и была выгнана снова.

Когда она поступила в свою последнюю школу, у нее уже была репутация, и вместо того, чтобы чувствовать жалость к себе, она приняла это и решила, что она будет потеряна, не дожидаясь исключения. Только на этот раз, когда она связалась с неправильной компанией и запала на плохого парня, который был намного хуже, чем какой-то спортсмен из подготовительной школы.

И некому было спасти ее.

Тремя годами ранее, ее отец женился во второй раз. Он и его новая жена имели ребенка. Затем, год назад, во время операции ее отец был убит и оставил все своей новой жене, которая не хотела иметь ничего общего с его сплошные-неприятности дочерью.

Так что “Дженнель” переехала к своему парню, который жил в подземке. Она знала, что он был ужасным пьяницей, легкораздражаемым, он изменял ей, и был связан с какими-то довольно плохими парнями, но она не знала, куда еще пойти.

Однажды ночью он попросил, чтобы она взяла его машину и съездила в доки, чтобы передать пакет - вероятно, наркотики - его другу. Она так и сделала. Только какой-то идиот врезался сзади в нее и кричал о том, что это была ее ошибка. Это не было не так, но у нее было пиво, и ее задерживали за вождение в нетрезвом виде в прошлом году, поэтому когда полицейские приехали, она сбежала.

И случайно оставила пакет в машине.

Ее парень избил ее, когда узнал, что случилось - она думала, что он может убить ее. Но следующее, что она знала, она была арестована, передана паре тюремных охранников и помещена в одиночную камеру, где ее использовали в качестве рычага для парня, которого она даже не знала.

Я не знаю, как чувствовать себя после этого - или, более точно, я чувствую слишком много разных вещей, которые на самом деле не связаны друг с другом, и я не знаю какой из вариантов правильный.

У нас же одинаковые родители. Мы разделяем одну и ту же ДНК. Эта девушка должна быть моим двойником, но наши жизни были настолько разными. И это печально.

Я точно не думаю, что моя жизнь была легкой прогулкой, но ее...у нее было намного хуже. Она даже не говорит с братом больше, у нее никогда не было никого, похожего на Алекса, кто бы ее слушал не смотря ни на что, или кого-то вроде Сесиль, которая была бы полна решимости заставить ее улыбнуться.

И у нее никогда не было кого-то, кто любил бы ее так, как Бен любит меня.

Это заставляет меня хотеть, чтобы мой папа все еще был с нами - или чтобы был хоть какой-нибудь способ для меня, чтобы извиниться перед ним. Я была так строга к нему, когда он был жив. Я чувствовала, что это была его обязанность - делать что-то для мамы, так чтобы мне не пришлось заботиться о ней. Я чувствовала, что это было несправедливо, мне пришлось повзросльеть так быстро.

Прилив вины пульсирует в моей груди. Не только потому что я провела так много времени, чувствуя злость на него, а теперь он ушел, но и из-за моей мамы. Она пропала без вести и считается погибшей после землетрясения, а наиболее видное чувство, которое осталось у меня, было облегчение.

Мои родители заслуживали лучшего от меня, а теперь они ушли и это слишком поздно для меня, чтобы сказать, что люблю их или поблагодарить.

Если бы они сделали другой выбор, я бы оказалась совсем другой.

И как бы безумно это не звучало - несмотря на то, что я обгорела и истощена, даже при том, что я могу быть казнена через три дня - я рада, что я это я.

02:16:00:10

Барклай ждет меня, когда я выхожу из комнаты "Дженнель". Я повторяю то, что она рассказала мне, но держу при себе свои размышления.

- Кто этот парень? - спрашивает Барклай. Я не уверена, о чем он думает, но его сфокусированность его глаз и концентрация в линиях его лба говорят мне, что он получил нечто, что может быть началом плана. Я практически вижу как крутятся колесики в его голове.

Что он продумывает наши дальнейшие действия, заставляя меня дышать немного легче.

- Джо Тарансио? - говорю я. Очевидно, что имя ничего не значит для меня, но оно могло бы что-то значить для него.

Барклай улыбается и напряжение в моих плечах начинает спадать. Его план побега из тюрьмы сработал - несмотря на все трудности, он работал - так что сейчас я готова следовать за Барклаем куда угодно.

Эта мысль почти заставляет меня смеяться.

Барклай должно быть заметил, что я затерялась. - Что?

- Ничего, - говорю я с покачав головой. - Что ты знаешь об этом парне?

- Она может помочь нам, - говорит он. - Тарансио среди парней, которые как правая рука для Меридиана. Помимо всего, что она знает и того, что Бен рассказал нам об операции и как она работает, мы должны быть в состоянии получить доказательства, которые нам нужны, чтобы передать правильным людям в АИ и вывести их на чистую воду.

- И мы также можем вернуть Сесиль, верно?

Он закатывает глаза. - Расслабься, Теннер. Я не собираюсь нарушать свое обещание.

- Меньше, чем за три дня? - спрашиваю я, думая о крайнем сроке и людях, которых мне пришлось оставить в тюрьме.

Барклай кивает.

- Так каков план? - говорит Элайджа. Я оборачиваюсь и вижу, что он и Бен проходят по коридору. Отсюда я могу сказать здесь, что глаза Бена налиты кровью, и укол сожаления движется в моей груди. Неважно как я себя чувствую, мне не нравится видеть его таким.

- Нам нужна еда, сон и конкретный план того, что мы собираемся делать, - говорит Барклай, почесывая голову. - Хотя, не совсем в таком порядке.

- Мы можем достать еду, - предлагает Бен, глядя на меня. - Чего тебе хочется?

- Да, черт возьми, еда, - говорит Элайджа. - Давайте пиццу. Это было так чертовски давно, когда я видел расплавленный сыр.

- Пицца подойдет для тебя? - спрашивает меня Бен. Я киваю. Пицца это хорошо.

- Хорошо. Достаньте еду, - говорит Барклай. - Я собираюсь поговорить с двойником Джаннель и получить еще некоторую информацию. Потом мы будем есть и говорить о том, как, черт возьми, мы собираемся осуществить это. - он смотрит на меня. - После этого мы будем спать, и затем следовать за Сесиль.

02:15:22:04

Уровень радиации в больнице выше, чем в городе, свободном от ядерной катастрофы, и если бы мы остались здесь навсегда, то могли бы умереть раньше времени. Но по данным тестов, которые Барклай сделал своим устройством - да, эти вещи могут работать в многозадачном режиме - в ближайшие два с половиной дня это не причинит нам вреда.

И после этого мы будем или отправлены по домам или мертвые, так что это не станет проблемой.

Еда - пицца пепперони, мой любимый вид, и я уверена, что Бен сделал это нарочно. Она принесена из другого мира. Я не спрашиваю как он и Элайджа достали ее, поскольку это было довольно очевидно. Мы не зарабатываем кучу денег и нет ни единой валюты между вселенными. Два парня, которые могут открыть портал куда угодно, могут украсть то, что им нужно довольно легко.

Однако план является более сложным.

После того, как он уничтожил два кусочка, Барклай открывает свой рюкзак и выкладывает содержимое на стол. Он видимо унес оружейный склад с собой после того как мы покинули Приму. Я касаюсь пистолета, который я носила, и думаю о тюремном охраннике и том моменте, когда его покинула жизнь.

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь уверить себя, что у меня не было выбора.

- Мы собираемся превзойти их, - говорит Барклай. - Я не могу быть уверен точно, как мы это сделаем, но это будет плохо. Наши преимущества - элемент неожиданности, их высокомерие и он. - он жестикулирует Бену, который сидит рядом со мной. Я смотрю на него, и наши глаза встречаются на секунду, прежде чем я отвращиваюсь.

Тогда Барклай излагает свой план для раскрытия самой большой из когда-либо существовавших преступной операции между вселенными.

Мы не можем вернуться в Поршень и вывести семью Бена. АИ будет ожидать нас, и мы, вероятно, никогда не сможем выйти снова. Мы просто должны надеяться, что они продержатся еще день или два и что мы сможем получить доказательства, мы должны убедить АИ, что Бен невиновен, а его семья не должна быть наказана.

Шаг первый -Черная дыра. Мы переместимся в центр обработки. Бен нарисует нам карту того, что он помнит - где ребята спали, где они открывали порталы, где держали рабов, и где расположены диспетчерская и наблюдение. Повезло нам, что они не имеют никаких гидроходнеумовых щитов на месте.

- Мы можем пойти прямо в диспетчерскую, - говорит Бен. - Будет пара парней на дежурстве, но мы сможем удивить их и подчинить довольно легко. Там компьютеры, значит мы можем скопировать файлы, которые нам нужны. Оттуда мы сможем открыть клетки и освободить любого из рабов. Вероятно, там будет где-нибудь между двадцатью и тридцатью человек, и мы можем переместить их сюда с нами.

Барклай считает, что это такой же хороший план как любой другой.

Второй шаг - Сесиль. Мы узнаем, где она находится, и спасем ее. Надеюсь, ее местоположение будет в файлах, которые мы украдем в шаге номер один.

Шаг третий связан с АИ. Мы будем иметь доказательства о Меридиане и его действиях. Если бы это было обычным случаем, то Барклай подал бы документы, собрал бы рабочую группу, и они арестовали бы всех. Но это не так. Значит, надо передать доказательства кому-то там наверху, в незамешанности которого мы можем быть уверены.

И прямо сейчас это очень короткий список.

Нам нужны файлы из центра обработки, чтобы помочь с этим.

Когда Барклай переходит к мелким деталям, мы все больше склоняемся к нему, чтобы убедиться, мы понимаем правильно. Пару раз Элайджа задает вопросы и Барклай повторяет свою мысль другими словами. В других случаях он выдвигает свои собственные предложения, как те, где мы должны ворваться в АИ и рыться по их файлам, чтобы выяснить кто замешан, или пойти за Меридианом сами, оба из которых не закончатся хорошо.

Через некоторое время я понимаю, что Бен настолько близко ко мне, что мы почти соприкасаются. Мы на расстоянии дюйма друг от друга и каждый раз, когда он двигается, я уверена, что он собирается протянуть руку к моей руке или бедру. Воздух в пространстве между нами наэлектризован.

Но независимо от того, сколько раз мое сердце замирает, или стучит сильнее, он не трогает меня.

Что хуже, я не знаю, хочу ли этого.

02:11:17:49

Я нахожусь на крыше здания, когда Бен приходит, чтобы увидеть меня.

Мы уже прояснили этот план настолько, насколько могли. Мы выходим около трех часов ночи, потому что ночью лучший шанс войти и выйти живыми.

Несмотря на то, что я рассказала о своем двойнике и тот факт, что она вряд ли пойдет куда-либо еще, Барклай не доверяет ей достаточно, чтобы оставить ее в покое. Даже когда мы спим. Он обещал, что что-нибудь придумает, куда-нибудь переправит ее, пока мы не уйдем. Но сейчас он втащил еще три кровати в ее комнату так, чтобы мы впятером могли лечь и спать.

В этом нет ее вины, и я не виню ее за то, что бы ни происходило сейчас между мной и Беном - по крайней мере, логически я не могу. Но я точно не хочу проводить время в одной комнате с ней больше, чем конечно должна. Даже лишнюю минуту.

Она заставляет меня чувствовать себя...переполненной.

Когда я нахожусь в этой комнате с ней, то будто не могу двинуться, не задев кого-либо или не врезавшись в них - это будто все находятся в моем личном пространстве.

Ее присутствие душит.

Вместо того, чтобы сидеть там и притворяться, что это нормально, я брожу вокруг. Но пустые больничные койки, облупившаяся краска и отсутствие чего-либо живого это последнее, что мне нужно.

Затем я нашла крышу.

Я никогда не понимала, что там может быть столько звезд. Единственный другой свет - полная луна и какой-то слабый красный свет вдалеке.

Я сижу на краю крыши, свесив ноги за бортик, когда слышу как петли двери скрипят. - Не дай ей захлопнуться, - говорю я, предполагая, что это Барклай. - Она блокируется изнутри.

- Понял.

Это голос Бена, и я замираю при звуке его, мое сердце набирает скорость, стучать сильнее в моей груди, как будто это напрягается, чтобы узнать собирается ли он выйти или просто снова исчезнет внутри.

Я задерживаю дыхание пока жду.

И внезапно он около меня, садится рядом со мной. Мы совсем не касаемся, но я могу чувствовать теплоту его тела рядом с собой.

- Я задавался вопросом, куда ты пошла, - говорит он.

- Мне просто нужно немного воздуха.

Он кивает. Я чувствую движение рядом с собой.

Я ничего не говорю, а Бен кажется довольным тишиной. Я не уверена, сколько времени проходит так - мы вдвоем, бок о бок, но все же так далеко.

Когда он наконец прерывает молчание, то говорит, - Эти красные огни там...

- Что насчет них?

- Это деревья.

- Деревья?

- Я проверял их несколько ночей назад, - говорит он. - Они действительно близки к одной из атомных электростанций, которая была выведена из строя.

Последствия от этого фактически в конечном итоге уничтожили всю эту территорию. Радиация там все еще так сильна, как триста тысяч раз, что может убить человека, или больше, что деревья светятся в темноте, потому что они впитали так много.

Я не спрашиваю откуда он знает это. Мне отчасти нравится то, что он делает, потому что это напоминает мне о парне, который сидел рядом со мной на английском всего несколько месяцев назад, о парне, который поменял мой класс Физики, потому что это было хорошее место для нас.

Но это не то, что я хочу ему сейчас сказать. Начало положено, но я просто хочу чего-то...большего.

Более реального. Более значимого.

Просто большего.

Но он ничего не говорит, и мы снова впадаем в молчание. Это не комфортно, не так, как мы могли сидеть до всего этого. Это странно, как два человека, которые хотят что-то друг от друга, но не знают как это выразить.

Как будто мы сломаны, и я не знаю, что мы можем сделать - если что то можем - чтобы исправить это.

- Мы собираемся сделать это, - говорит Бен, нарушая молчание.

Я киваю, хотя не уверена, что верю в это. Мы - это один агент АИ и трое подростков, мы противостоим одним из худших преступников среди вселенных.

- Я люблю тебя, - добавляет он.

И я понимаю, что он говорит не о том, что будет происходить в центре обработки. Он говорит о нас - о нем и обо мне. Он думает, что мы собираемся сделать это. Что мы собираемся быть в порядке.

Это то, что, как я думала, хотела услышать. Более того, это то, что я ждала услышать от него, с тех пор как поняла, что влюбилась в него. Всего несколько часов назад я хотела больше, чем что-либо, чтобы он подтвердил мне то, что сказал Элайджа, что он планировал возвратиться. Если АИ не схватил бы его, он бы вернулся в мой мир и ко мне.

Но теперь он говорит это, и я не могу не думать о последствиях. Если он вернется со мной, тогда что? Конечно, было бы здорово на некоторое время, но пять лет или двадцать? Что, если он пожалеет о своем решении, а что если он решит уйти потом? Я чувствую, что я не могу воспользоваться этим шансом.

В течение четырех месяцев я искала Бена. В течение 120 дней я думала о нем. Каждый раз, когда дверь открывалась, или я заходила в комнату, я искала его. Я была нервной и на краю, и...ожидающей.

Я просто не готова пройти через это снова.

Долгое время я ничего не говорю. Тогда я чувствую руку Бена, накрывающую мою. Его кожа мозолистая и огрубевшая, как я и помню, и все мои силы уходят на то, чтобы игнорировать волну чистой тоски, которая несется по мне. Я хочу так отчаянно прислонить голову к его плечу и притвориться, что мы просто предаемся мечтам, а не два человека, наблюдающие конец света.

- После всего этого, я собираюсь вернуться с тобой, - шепчет он. - Я думал о тебе все время.

Я сжимаю его руку, потому что не уверена, что смогу составлять слова.

Бен поворачивается ко мне, и даже в темноте я вижу трагическую красоту его лица, его глубоко посаженные глаза и жесткую челюсть, его волосы слишком длинные, так что плюхаются на лицо и прикрывают глаза.

Раскрасневшаяся и затаившая дыхание, я склоняюсь к нему, наши лбы касаются, наши носы задевают друг друга, его теплое дыхание на моей щеке.

И сразу, когда я думаю, что он собирается поцеловать меня, я говорю, - Мы не можем быть вместе.

02:11:06:14

Он откланяется назад и я вижу удивление на его лице и боль в этих карих глазах, и как-то это делает все хуже. Не то чтобы я хотела сделать ему больно. Мне просто нужно спасти себя от новой боли.

Я поднимаюсь на ноги и начинаю уходить.

- Подожди, - говорит Бен, и я слышу как он следует за мной, хотя не оглядываюсь назад. - Почему ты убегаешь?

Я оборачиваюсь, но продолжаю идти назад. - У тебя есть семья и жизнь в своем собственном мире, а у меня в моем.

- И я говорю, что хочу быть частью твоего.

- Но ты не можешь! - кричу я. - Посмотри, что произошло сегодня. Я вломилась к тебе с другой версией меня. Я не могу даже начать объяснять, как все запуталось.

- Я знаю, и я должен был знать, - говорит он. - Я сделаю это для тебя, я обещаю. Я буду...

Я качаю головой. - Речь не о том. Это...если мне нужен был знак от Вселенной, что мы не должны быть вместе, то это был он. - я делаю глубокий вдох и игнорирую то, что зашипало глаза. - Что мы чувствуем друг к другу не имеет значения. Мы из двух разных миров и быть вместе только навредит нам - нам обоим.

- Ты не на самом деле веришь в это, - шепчет он.

- Я верю, - говорю я, мой голос дрожит. - Мой мир рушится, и мы оба разыскиваемые преступники. Ты похищал людей из их миров, и ты делал это для меня. А я сбежала из тюрьмы и стала беглецом и убийцей.

Я прижимаю ребро своей ладони к центру груди, чтобы попытаться удержать какое-то подобие самообладания.

- Я убила человека.

Голос Бена тихий, спокойный, в то время как все во мне - нет. - Это не твоя вина.

- Я воткнула кусок зеркала в его шею и чувствовала как его жизнь утекает вместе с кровью по моим рукам, - говорю я, и произнесение слов вслух делает это более настоящим. И это заставляет мои глаза гореть, а горло сжиматься, потому что эти слова не должны принадлежать мне.

Я должна сделать паузу и отдохнуться. - Мы оба разрушили жизни людей пока были вместе.

Я оборачиваюсь и направляюсь к двери. Я не оглядываюсь назад. На этот раз он не следует за мной, но когда я толкаю дверь, он говорит что-то. Так тихо, что я никак не могу разобрать слова, так что я не уверена, хотел ли он чтобы я услышала их или нет.

Когда я поворачиваюсь, то не прошу, чтобы он повторил. Но он делает это так или иначе. - Так ты думаешь, мы обречены?

- А разве нет? - шепчу я.

- Как я могу забыть что чувствую к тебе, - говорит он, и это не вопрос.

- Я не знаю, - говорю я. Это правда. Но я также не знаю, как мы можем быть вместе. Таким образом, я говорю что-то глупое, то, что я услышала, как говорили другие люди, потому что они не получали своего. Неправильность слов заставляет меня запнуться. - Это не всегда будет ощущаться как конец света.

И затем я проскальзываю через дверь, осторожно, чтобы не позволить ей запереться позади меня.

02:06:00:00

Я не уверена, что когда-либо так нуждалась в кофе.

Сейчас три утра. Я металась и ворочалась в течение этих нескольких часов, когда мы должны были спать, и я не могу быть уверена, засыпала ли я когда-то или просто потеряла счет времени. Я встала, оделась - не выспавшаяся, но настолько же готовая, насколько я когда-либо буду.

У меня есть 9 миллиметровый самозарядный пистолет Барклай и дополнительная обойма на случай, если закончится.

Мы все здесь.

- Земля 49873 будет самое безопасное место для тебя, - говорит Барклай. - Там есть цивилизация, в отличие от этого места, но это одна из вселенных, которая едва имеет любое присутствие АИ.

Мой двойник переминается на ногах. Она носит джинсы, футболку с длинными рукавами, и толстовку с капюшоном Бена - и хотя я не должна об этом беспокоиться, это меня волнует. - Почему я не могу просто оставаться здесь?

Барклай не говорит ей, что не хочет, чтобы она хоть как-то привела людей к нам, он хочет иметь возможность вернуться сюда. Вместо этого он говорит, - Что, если мы не вернемся? Кто знает, как радиация может повлиять на тебя, если ты пробудешь здесь слишком долго. Ты можешь умереть или сойти с ума в течение недели.

Она хмурится. - Ладно, думаю я готова.

- Просто помни, что я сказал, - добавляет Барклай. - Промышленная революция не происходила, так что все будет действительно отличаться. Ты должна познакомиться с культурой и ассимилировать - и быстро.

- Звучит потрясающе, - говорит она, сарказм сочится из ее слов.

Ноздри Барклай немного раздуваются в раздражении, и в другой ситуации, я хотела бы улыбнуться. Мне нравится это, она может нажимать на его кнопки.

- Я говорю серьезно. Если ты выделишься, они заметят тебя, и в конечном итоге ты будешь мертва, - говорит он.

Она не смотрит на него, когда говорит: - Да, я поняла это.

Присущая грусть от того, что вот-вот произойдет, давит на меня, и я делаю глубокий вдох, чтобы попытаться сбалансировать себя. Барклай собирается открыть портал, и эта девушка, которая потеряла все, собирается идти в другую вселенную, где она не будет знать ни души, и она понятия не имеет, чего ожидать - кроме того, если АИ найдет ее, то она фактически труп.

Мне интересно, что происходит в ее сознании, если нет никакого интереса, даже искры от идеи видеть не только другой мир, но и практически окно в прошлое. Напугана ли она. Смотря на нее, видишь только горечь.

- Давайте покончим с этим, - говорит она.

Барклай кладет устройство на землю, но как только он собирается открыть портал, я даю ей шанс.

- Подожди, - говорю я, потянувшись за ней.

Она вздрагивает.

- Ты не должна идти, - говорю я, игнорируя то, как Барклай смотрит на меня. - Ты могла бы пойти с нами - помочь нам.

- Идти...пойти с тобой? - она качает головой. - Почему я должна хотеть сделать это?

- Из-за того, что они с тобой делали. - они били ее, заставили притвориться, что она еще кто-то, а потом, когда она играла свою роль, они оставили ее гнить в тюремной камере.

Она либо не помнит, либо ей наплевать. Она просто смотрит на меня глазами как у лани, которые я не могу представить на своем лице.

- Ты можешь помочь разрушить их, сделать правильные вещи, которые помогут разоблачить их.

Ее губы превращаются в грустную улыбку. - Или я могу оказаться в том же месте, где я была полгода назад - или хуже. Лучше бежать сейчас. Может мне повезет и они решат, что я мертва.

Может быть она не знает этого. Я не уверена, почему я не могу отпустить это - почему я не могу просто позволить этому пройти. Но я не могу. У нее есть такая же доля, как любого из нас - может и больше. - Но если ты бежишь, то никогда не сможешь вернуться домой.

Ее смех резок. - Куда домой? В Приму? Меня ничего не ждет там. - я открываю рот, но она не позволяет мне сказать что-нибудь еще. - Слушай, я не готова умирать. Я буду делать то, что мне нужно - вы делаете то же самое.

С этими словами она поворачивается к Бену. - Спасибо, что вытащил меня.

Смотрит на меня, но я отвожу взгляд.

Она не смотрит ни на кого из нас, потому что закрывает глаза и шагает в портал, но я не могу отвести взгляд от нее, когда она исчезает.

- Рад, что это, черт возьми, закончилось. - Элайджа смотрит на меня, его губы превратились в ухмылку. - Я также рад, что ты - версия, которую мы получили. Кто-то должен был получить назад свои деньги за это.

Я улыбаюсь, но не чувствую этого.

02:05:44:22

Когда мы пройдем в портал, то собираемся прямо в главный офис центра обработки.

Прежде чем Барклай открывает портал, он хватает меня за руку. - Не задерживай дыхание.

Я киваю и перемещаю руку на пистолет. Я думаю об охраннике, которого я убила. Тогда я напоминаю себе, что другого выхода не было, что в течение двух дней и пяти часов мы все можем быть мертвые. Открывается портал и Барклай проходит. Я следую сразу за ним, подняв пистолет и пытаясь нормально дышать.

Жестко-холодный воздух хлещет мои легкие, но потом становится теплым - слишком теплым, и я чувствую, что я дышу огнем, но не позволяю себе напрягаться.

И затем мы там.

Я расслабляю колени и позволяю им немного согнуться, чтобы не споткнуться. Описание Бена верно: есть шесть парней, болтающихся перед компьютерными мониторами в центре обработки, который является большим круглым офисом со стеклянными стенами, которые показывают шесть более низких уровней тюрьмы. Они все испуганы и хватаются за оружие.

- Руки за головой, - кричит Барклай. - Ложись на землю!

Я навожу свое оружие на парня, который выглядит так, будто он тут главный, крупный грузный парень в футболке и брюках-карго, поскольку Бен и Элайджа прошли через портал после меня, оружие поднято и наведено через их спины к окну - точно так же, как Барклай проинструктировал.

Моя хватка на пистолете расслаблена, руки слегка согнуты в локтях. Предохранитель уже выключен, а мой палец на спусковом курке. Биение моего

сердца эхом отдается напротив барабанных перепонок. Я не обращаю внимание на звуки вокруг нас, как будто я на стрельбище - как будто мужчины передо мной это цели. По опыту знаю, что если я выстрелю десять раз, все десять из них станут роковыми.

Их было не больше, чем нас, но они безоружны, и видимо это сыграло. Все шесть парней нехотя поднимают руки, некоторые из них более неуверенно, чем другие. Барклай движется к первому, и я с фланга на всякий случай, если парень попытается сделать что-то глупое.

Но он не делает. Он позволяет Барклаю стянуть свои руки за спиной и опустить ничком на землю, что Барклай повторяет с каждым парнем в комнате. Я следую за ним, держа свой пистолет, направленный прямо на их головы. Я говорю спокойно и объясняю каждому, что, если он сделает неверный шаг, то я всажу пулю ему между глаз.

Мой голос такой холодный, я едва узнаю себя.

Когда мы добираемся до последнего парня, я вижу как его взгляд мечется, как будто он ищет выход. Его рука дергается и я киваю в сторону пистолета на его бедре. - Ты будешь мертв, прежде чем доберешься до него.

Барклай ухмыляется и заламывает левую руку парня, заворачивая ее за спину. - Лучше не испытывать ее, Бэзил. Однажды она почти выстрелила в меня.

Бэзил не находит это столь забавным, как, очевидно, Барклай, но он остается неподвижным и позволяет Барклаю задержать себя. Тогда он смотрит позади меня на Бена с только чистой ненавистью на лице.

- Ты пил мое пиво и рассказывал мне о своей подружке и своей собаке, как сильно ты скучаешь по ним, а также ты слушал рассказы о моей семье, и теперь ты приходишь сюда и целишься мне в лицо? - говорит он. - Я держал тебя в безопасности здесь. Я думал, мы товарищи.

Я рисую бросить взгляд на Бена. Его лицо покраснело. Его пистолет поднят, его руки дрожат, когда он указывает им на этого предполагаемого товарища. - Вы насилие Непристроены и тушите свои сигареты об их кожу, - говорит Бен.

- Не нужно, - говорю я, перемещаясь к нему. Я не забочусь о том, что сделал этот парень, насколько ужасен он был. Мы должны здесь спасти рабов и получить доказательство, в котором мы нуждаемся. Я думаю об охраннике, которого я убила и о том, как смотрела в его глаза, когда он уходил, как его кровь теплом пролилась на мою кожу, когда он умер. Я защищаю свою собственную жизнь и жизни всех здесь, но мы должны пройти через это, не убивая больше никого, если сможем.

Это - то, что я думаю. То, что я говорю: - Помни то, что делает нас хорошими ребятами.

Барклай закатывает глаза, но позволяет моему решению остаться, и Бен опускает пистолет.

Со всеми шестью парнями, подчиненными и ограниченными, Барклай и Бен двигаются к компьютерам. Я смотрю на тюрьму. Мы в подземном объекте в шесть этажей, по существу в стеклянном кубе. Нас окружают четыре стены, каждая из которых с десятью камерами подряд и шестью этажами. Это значит, что в этом месте 240 камер.

- Дерьмо, - говорит Бен, и я оборачиваюсь.

- Что случилось?

Барклай качает головой. - Флэш-накопитель не имеет достаточно места для хранения всех файлов. Нам придется скопировать их из сети на компьютер и взять всю эту чертову штукку с нами.

- Элайджа может сделать это, - говорю я. Он может открыть портал и выйти, и он движется медленнее, чем остальные, из-за ноги.

- Ты сделаешь это, черт возьми, - говорит Элайджа. - Я хочу отомстить.

- Что это вообще значит? - говорю я.

Барклай игнорирует нас обоих. - По завершении передачи, закройте это так, чтобы можно было перемещать, - говорит он Бену. Затем он смотрит на Элайджу. - Возьми его обратно в больницу. Перемести прямо туда, где мы были, и установи его в комнате, где мы спали прошлой ночью. - он наклоняется и говорит что-то еще, потом он смотрит на меня. - Ты готова?

Я готова. Я знаю, что мы должны делать дальше, и это не обещает быть легким.

Барклай открывает портал обратно в больницу, и с процессором под мышкой и монитором под другой Элайджа шагает в него и исчезает, в то время как Бен нажимает на кнопочную панель на стене.

Нас официально на одного человека меньше.

Двери камер открываются, сигнал тревоги стихает, и весь ад вырывается на свободу.

02:05:38:29

Бен открывает еще один портал. Нам нужно попасть в другое место в тюрьме, чтобы вывести людей. Если нам повезет, мы сможем спасти их, прежде чем любой из торговцев сможет заставить их действовать сообща и остановить нас.

Барклай нажимает на кнопку интеркома, и его голос проходит через тюрьму, через сигнализацию. - Это АИ. Если вы были похищены из своего мира и заперты в камере, не паникуйте. Мы здесь, чтобы спасти вас. Выходите до конца вашего коридора и затем двигайтесь в направлении выхода из тоннеля.

Барклай кладет интерком и лифт звенит. Он поднимает свое оружие к нему и смотрит на Бена. - Выведи всех Непристроенных отсюда, - говорит Бен и толкает меня через портал.

Бен и я сильно падаем на землю в северо-западном углу тюрьмы. Я потеряла равновесие, так что моя голова откидывается назад и падает на тротуар. Звезды заслоняют мое видение, но Бен здесь, тянет меня. - Ты в порядке? - спрашивает он.

Он шепчет мое имя, и на секунду я забываю, где нахожусь. Я думаю, что вернулась на шоссе 101 ивижу его в первый раз. И тогда я хочу чтобы это было правдой, потому что мы бы имели еще один шанс, шанс начать все сначала и исправить все, что сломалось между нами.

Звук выстрелов и вспышек, пробивающихся из офиса центра обработки выше нас возвращает меня, хотя - это и толпа людей, которые бегут к нам.

- Я в порядке, - говорю я Бену, хотя это неправда. Я могу разобраться со своей головной болью позже.

- Этот путь! - кричит Бен толпе людей, и тянет меня до выхода тоннеля. По словам Барклая, этот длинный коридор приведет на поверхность мира, в место, которое мы не хотим идти, поскольку атмосфера может сделать людей больными. Но мы не можем просто открыть портал и ожидать, чтобы люди следовали за нами через него. Вот как они попали сюда - кто-то схватил их, ткнул иголкой, и вытянул их через черную дыру. Несмотря на логику ситуации, эти люди травмированы, и логика будет отвергнута их эмоциями и их отвращением к прохождению через другой портал. И у нас нет времени, чтобы убеждать их, что мы лучше, чем люди, которые привели их сюда.

Поэтому мы решили прежде, чем мы добрались сюда, что, чтобы сделать это быстро, мы должны обмануть их.

Бен бежит впереди меня пока я машу рукой и кричу Непристроенным. - Сюда! Это приведет на поверхность! - я продолжаю кричать это снова и снова, и они подходят ко мне.

Я стараюсь отслеживать, считать их каким-то образом, пока они проходят мимо. Но их много и чем дальше мы проходим в коридор, тем темнее становится.

На тридцать семь я сбиваюсь со счета.

Потому что я вижу Сесиль.

02:05:32:49

Она до сих пор в своих пижамных штанах и своей футболке "I ONLY DATE NINJAS", а ее молочно-светлые волосы свободно свисают вниз по спине. В ее руках маленький мальчик.

Я собираюсь бежать к ним, когда женщина в нескольких шагах позади Сесиль хрипит и валится на землю. Маленький мальчик прячет лицо в шею Сесиль и она заметно набирает темп. Но примерно в десяти ярдах позади нее стоит парень в боксерах и армейских сапогах и у него пистолет, направленный на них.

Бен открыл портал впереди в темноте так, чтобы никто не видел его - они будут бежать прямо через него и окажутся в больнице в мертвом мире - но с этим парнем, стреляющим в людей, они никогда не добегут.

- Брось оружие или я буду стрелять! - кричу я, указывая на него пистолетом.

Я знаю, что он стрелял в ту женщину, но не знаю, оглушена ли она или мертва, но она не двигается, и я не собираюсь позволить этому произойти с Сесиль.

Он размахивает пистолетом в мою сторону.

Я не думаю. Я просто нажимаю на курок.

Но и он тоже.

Мне повезло, потому что я дальше в темноте, потому что моя цель лучше. Он опускается вниз, в то время как что-то врезается в мое плечо, отталкивая меня назад. Моя голова врезается в стену коридора и я снова вижу звезды. Я сомневаюсь, что поразила что-нибудь достаточно сильно, но моя голова часто ударялась в последние двадцать четыре часа.

- Джаннель? Боже мой, что ты здесь делаешь?

Сесиль находится рядом со мной, используя свою свободную руку, чтобы попытаться оттащить меня от стены. Я вижу ее светлые волосы и водянистые голубые глаза, и фокусировка на ней очищает мое видение.

- Я в порядке, Си, - говорю я, пытаясь игнорировать то, что мое плечо горит. - Мы должны бежать, вперед!

- Но, ты... - говорит она.

Я отталкиваюсь от стены и начинаю бежать с ней. - У меня есть оружие, у тебя нет. Продолжай бежать.

Она делает то, что я ей говорю, но поворачивается, чтобы оглянуться на меня.

- Я буду прямо позади тебя, - вру я.

Я оборачиваюсь и поднимаю пистолет, двигаясь назад по коридору в поисках угрозы. Последние несколько рабов хромают мимо меня. - Иди! - говорю я. - Ты почти там.

Ниже меня, на свету, я вижу другого парня с оружием.

И он не один.

02:05:30:06

Здесь их чуть больше полудюжины.

Я поворачиваюсь и начинаю бегать по коридору, потому что я не могу бороться со всеми этими парнями. У меня даже нет столько пуль.

Я делаю несколько выстрелов позади себя и надеюсь, что это замедлит их, может быть, сделает их немного более осторожными, потому что они направляются в темноту. Но я знаю, что единственное реальное решение для нас это двигаться быстрее.

Я бегу самому медленному из рабов. Она хромает, пытаясь не переносить вес на свою правую ногу. Я хватаю ее руку и перебрасываю через свое плечо. - Они прибывают, - говорю я, и она получает сообщение.

Перед нами лишь тьма. Вообще-то я не вижу портала, ночуствую запах соли и открытого воздуха от него так что я знаю, что мы уже недалеко.

Я слышу выстрелы позади себя и направляю собственный пистолет назад, не оглядываясь, и стреляю. Это не как в кино, где легко. Я стреляю одной рукой, пытаясь бежать вперед, и я уже потеряла равновесие от этого. Отдача от стрельбы не помогает. На самом деле, это нас задерживает.

- Джаннель! - это голос Бена, и это напрягает. Я не знаю, как долго он держал портал открытым, но это, наверное, слишком долго. Мы должны добраться туда, прежде чем у него закончится энергия, или у нас не будет шансов.

- Мы идем!

И вдруг мы на свету.

Девушка, которую я поддерживаю, задыхается и падает на землю.

Белый пол, белые стены вокруг нас. Люди везде. Они кричат, утешая друг друга, наводя справки о ком-то, чтобы объяснить что-то. И затем Бен врезается в меня, и я падаю на землю с ним вместе.

У меня есть время, чтобы увидеть его лицо, покрасневшее и покрытое тонким слоем пота. Затем портал закрывается за его спиной, и он кладет теплую ладонь на мою щеку. Я наклонился немного вперед и мир становится нечетким.

В моем вызванном болью успокоении мне снится ночь, когда Рене Адамс пропала без вести - взгляд на лицо Сесиль, когда она спросила меня "Куда они все идут?"

Я мечтаю о Бене, о том, как он был первым, что я увидела, когда вернулась из мертвых, вырисовывающегося на фоне солнца и нависающей рукой над моим сердцем. Кроме этого времени, Барклай здесь тоже есть.

- Ты можешь что нибудь сделать чтобы вылечить ее?

- Я пытался, но я не могу. Я держал портал открытым слишком долго. У меня сейчас ничего нет.

Барклай вскидывает руки. - Какой от вас толк? - затем он уходит.

Бен наклоняется ближе, его волосы щекочут мое лицо.

- Прости, - шепчет он. - Мне так жаль. Я должен был знать, что она не была тобой.

И мне снятся Алекс и мой брат. Это происходило прежде чем мир развалился, а мы находились на подъездной дорожке моего старого дома. Мы играем в баскетбольную игру по версии Алекса, придуманную, чтобы подловить Джареда в учебе. Джаред бежит к корзине, а Алекс задает вопрос. Если он отвечает правильно, Алекс бросает ему мяч и он может кидать в корзину. Как только он забьет десять мячей подряд, они поменяются местами.

Это своего рода неубедительная и неоригинальная игра, но когда Джаред был в средней школе и заботился о своей "баскетбол это жизнь" философии, а не успеваемостью по английскому, это было блестящее.

Только вместо слов из словаря, Алекс продолжает задавать вопросы о деле. Он спрашивает вещи, которые Джаред не может знать - где находится Меридиан, сколько еще людей надо спасти, кто из АИ замешан в этом.

Джаред просто стоит перед корзиной, смущенный и расстроенный, с налитыми кровью глазами и злобной гримасой на лице. Это заставляет меня думать о том, какая я ужасная сестра.

Тогда Алекс спрашивает: - А что, если Дженнель не вернется?

Джаред меня удивляет. Он поднимает глаза и поворачивается туда, где я наблюдаю за ними, и говорит: - Она такая жесткая, даже страшно. Эта девушка переживает всех нас.

01:13:27:41

Когда я пришла в себя, солнце уже садилось, а в комнате было темно.

Я вскакиваю - кто знает, сколько времени мы потеряли, пока я была без сознания - и я не могу помочь, издав испуганный визг от боли, что пронзает мое плечо и голову. Звезды движутся через мое видение, я закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Когда он сдвигается, я понимаю, что кто-то находится рядом со мной.

Бен садится, глаза мутные, волосы торчат в разные стороны. На долю секунды, он просто смущен, но потом он видит, что я смотрю на него, и широкая улыбка появляется на его лице. Он тянется ко мне, его теплые, мозолистые руки останавливаются на каждой стороне моего лица, он шепчет: - Дженнель.

Я оглядываю комнату. Она пуста и мы одни, но рядом с моей кроватью стоит чаша, полная каких-то странных ягод. Они яркие, почти цвета электрик и выглядят как нечто среднее между ежевикой и малиной.

Бен откашливается. - Барклай выгнал меня из комнаты ранее. Он думал, что я зависну, а я не знал чем занять себя, поэтому я переместился и взял немного. Я не знаю, как они называются, но они такие сладкие, и в первый раз я попробовал их несколько недель назад и знал, что ты полюбишь их...

- Ты принес мне ягод? - говорю я. В разгар кризиса, он ушел и достал плоды. Это не имеет смысла.

Он краснеет и пожимает плечами. - Я думал о цветах, но они универсальны, и что бы ты делала с ними здесь, но я все испортил и причинил тебе боль, и я не знал что делать. Я думал, что мы могли бы съесть их вместе... - чтобы подтвердить свое мнение, он захватывает ягоду и бросает ее в рот.

Я предполагаю, что это не так, он мог бы пойти к Роберто и взять для меня буррито и виноградную содовую.

Я выбираю одну из неизвестных ягод и переворачиваю ее между пальцами. Она мягкая и пахнет удивительно, так что я продолжаю и съедаю ее. И Бен прав, она сладкая и немного приторная, и мне действительно это нравится.

- Спасибо, - говорю я и не могу не улыбнуться. Это точно не тот подарок, который я предполагала получить от парня, но ничто происходящее прямо сейчас не соответствует ничему, что я могла себе представить.

Вдруг он говорит: - Ты самое красивое, что я когда-либо видел.

Я закатываю глаза, не потому что мне не нравится слышать это, но ведь он явно еще спит, а мы много чего должны делать прямо сейчас. Я пытаюсь двигаться, но он удерживает меня на месте.

- Я серьезно, - говорит он. - Я думал о тебе каждый божий день с тех пор как ушел, о том как ты смотришь вверх и зажимаешь переносицу, когда думаешь о настоящих трудностях, то как твои губы складываются в этой крошечной улыбке, когда ты что-то понимаешь, даже то как ты закатываешь глаза. Я помнил каждое мгновение, которое мы провели вместе. Я прокручивал их снова и снова в моей голове. Каждое утро, когда я просыпался, я хотел бы забыть, что мы не были вместе, что ты была в другом мире.

Он берет одну руку и двигает ее вниз по моей руке, пока не захватывает мои пальцы, и затем он прижимает их к центру своей груди. Я могу чувствовать его сердцебиение под грубым термоматериалом его рубашки. - Даже если я не был там, ты всегда была со мной. Всегда.

Его лицо такое серьезное, а глаза настолько темные. Если я посмотрю на него такого еще секунду, то буду плакать снова. Я опираюсь на него, прижимая свой лоб к его, и закрываю глаза.

- И теперь ты здесь, а я не отдал тебе должное. Ты даже лучше, чем я помнил. - одна его рука движется по моим волосам, а другая массирует мою шею. - Ты красивая и сильная и бесстрашная, и я так боюсь за тебя. Не потому, что это больше, чем ты, или слишком опасно для тебя. Я знаю, ты можешь справиться с чем угодно, но я... - его голос обрывается. - Если что-нибудь случится, из-за меня... Я не смогу справиться с этим.

Я сжимаю в кулаке его рубашку, держа его рядом с собой. Я не могу говорить. Комок в горле не позволяет выйти моему голосу, но я не хочу, чтобы он ушел куда-либо.

- Когда ты вошла в больничную палату с курткой, завязанной вокруг твоего лица, я знал. Я знал, что облажался.

- Ничего страшного, - говорю я, мой голос хриплый, с прощением. Это причиняет боль, это заставляет мое тело болеть, что он не знал, кем я была или кем я не была - но я все еще люблю его. Больше всего на свете.

Но я чувствую, что он качает головой. - Я должен был знать, - шепчет он, его теплое дыхание напротив моей щеки. - Тебе не нужен никто, чтобы спасти себя. Ты та, кто спасает.

Я хочу протестовать и сказать ему, что это глупо, но я думаю не только о Бене, но и об Элайдже и Сесиль, и всех людях, которых мы просто переместили из центра обработки, которые должны быть где-то здесь, и горячие слезы льются из моих глаз, катятся по щекам.

Когда-то давно я сказала бы, что могла спасти себя.

Но я открываю глаза и вижу длинные, темные ресницы Бена и идеальный изгиб его рта, я говорю, - Мы спасаем друг друга.

И тогда я игнорирую все, что думала всего несколько часов назад - все мои намерения держаться подальше от его вышвырнуты в окно, а я прижимаюсь губами к его губам и наслаждаюсь тем как мы словно растворяемся друг в друге.

01:13:19:21

Сесиль похожа на смерть.

Она входит, когда я посреди смены моей рубашки на что-то, что не заляпано кровью и потом. Ее кожа бледна, ее волосы в беспорядке, и со своего места я вижу круги под ее глазами.

- Как ты себя чувствуешь? - ее голос неуверенный.

Я чувствую себя как дерньмо. Моя голова раскалывается, рука болит, и все мое тело болит, когда я двигаюсь. Но это не имеет значения. Я бы с удовольствием почувствовала себя еще хуже, если бы это означало вызволить ее оттуда. - Наверное, так же плохо, как ты выглядишь, - говорю я. - Можно подумать, что тебя похитили или что-то еще.

Она бросается ко мне и обнимает. - Ты пришла спасти меня, - говорит она, так что я знаю кто-то, наверное, Бен или Элайджа, рассказали ей.

А затем она заливается слезами.

Я удерживаю ее, пока она плачет. Все мы разные, Сесиль очень похожа на меня. Именно поэтому мы друзья. Она жесткая - она потеряла родителей несколько лет назад и переехала в Сан-Диего, чтобы жить со своей тетей, и она не стала эмо или замкнутой. Она вступила в группу черлидеров, выиграла ежегодный вызов в День физики, и подружилась со всеми, кого встретила.

Она как я, только красивее и более живая - и также лучше в науке.

Когда она закончила, мы сидим на кровати и я рассказываю ей все, что произошло до землетрясения - о дне, когда я умерла, Бене, который исцелил меня, моем отце и UIED, порталах, мультивселенных и Барклае. Затем я рассказываю ей о том, что привело нас сюда.

Когда я говорю ей, что существуют разные вселенные, она фыркает. - Я вроде это поняла.

- Прости, что не сказала тебе раньше.

Она пожимает плечами и вытирает глаза, прежде чем сменить тему. - Эли рассказал мне все о том, как ты помогла ему сбежать. Я не представляла, что ты такая задира.

- Неубедительно. Я думала, ты знаешь меня.

Сесиль улыбается. Это маленькая и немного грустная улыбка, но этого вполне достаточно. Она на самом деле не злится на меня. Я немного расслабляюсь. - А что насчет тебя? - спрашиваю я. - Ты впорядке? - мне не нужно добавить, что она прошла через многое.

- Я плохо сплю и мне не нравится быть одной, - говорит она, пожимая плечами.
- Вероятно, мне придется лечиться всю оставшуюся жизнь, но я не мертвa, а могло быть и хуже. Это было только несколько дней. Они казались длиннее, поверь мне, но все это было только несколько дней.

Я жду, чтобы увидеть, расскажет ли она мне больше. Я видела некоторые из таких событий в "60 Минут" о торговле людьми и о том, как девушек накачивают, избивают и хуже, пока они сломаются.

Она чувствует о чем мое молчание. - Возможно я расскажу тебе об этом, когда мы будем дома.

- Я могу сказать Барклаю отправить тебя домой прямо сейчас, - предлагаю я.

Сесиль качает головой. - Я не могу оставить всех их, пока мы не узнаем, куда они отправятся. Некоторые из них из нашего мира, но некоторые из других.

- Ты не должна принимать их как свою ответственность. Твоя тетя...

- Все еще будет там через несколько дней, - говорит она. - Я была Непристроенной как и эти люди. Мы в этом вместе.

Несмотря на то, что я думаю, что она неправа, что должна позволить нам отослать домой ее, я киваю. Она имеет дело с вещами, помогая другим людям. Я знаю это; я видела ее в Квалькомме.

- Джаннель, - говорит она, хватая меня за руку. - Я буду в порядке. Мы все будем в порядке.

У меня нет такой же слепой веры, но я надеюсь, что она права.

01:13:06:41

- Этого не может быть, - говорит Барклай, когда Сесиль и я входим в комнату, где они установили компьютер и подключили его к генератору. - Дай мне посмотреть.

Бен сидит перед компьютером, а Барклай нависает над его плечом. Это та вещь, которая будет сводить меня с ума, но видимо Бен имеет больше терпения, или он притворяется.

Элайджа растянулся в углу, прислонившись спиной к стене, и закрыл глаза. Не открывая их, он говорит: - Святое дермо, что не так теперь?

Бен нажимает несколько клавиш на клавиатуре и анализирует экран. Если кто-то и знает больше о компьютерах, чем должен, то это он. Но ни он, ни Барклай не реагируют, и мне это не нравится. Это подразумевает, что многое пошло не так после того как мы вернулись.

- Потребовалось время, чтобы сломать пароль на компьютере, - говорит Сесиль рядом со мной. - И под временем я имею в виду всю ночь. Они втроем не спали и по крайней мере дважды они чуть не подрались из-за чего-то нелепого, вроде как кто собирался нажать "Enter" или что-то еще.

Я сжимаю челюсти. Какое время для меня, чтобы уступить сотрясению и упасть в обморок. Я не совсем могу себе представить как Барклай и Бен ладят - хотя я не могу представить и как я уживаюсь со Барклаем, мы уже неплохо сработались. Но все равно, Барклай отправился к Бену домой, обвинил его в открытии нестабильных порталов и вытащил пистолет. Если б я не вмешалась и все запутала, Барклай убил бы его.

Я не удивлена, что есть напряженность, и я сомневаюсь, что участие Элайджи сильно помогает. Конfrontации следуют за ним куда бы он ни пошел - просто он такой.

- Что это? - говорю я, потому что просто не могу задаться вопросом, насколько плоха ситуация.

Барклай оборачивается, показывает на компьютер и отвечает немного громче, чем нужно в тесном помещении, в котором мы находимся. - Мы наконец взломали его, но здесь нет ничего против АИ.

- Мы что-нибудь придумаем. Давайте просто все успокоимся. - пальцы Бена нажимают на клавиши чуть сильнее, чем следует.

- Мы выйдем на это с другой стороны, - говорю я, потому что у нас есть кое-что, даже если это не указано в компьютере.

- Той, которая требует меньше тестостерона в одной комнате, - добавляет Сесиль себе под нос.

- Какие стороны еще есть? - Барклай вскидывает руки в расстройстве.

- Не смей орать на нее, - говорит Элайджа, отталкиваясь от стены. - Это был не ее план. Он был твоим. - он повышает голос и дразнит Барклая. - Освободи Элайджу, найдите Бена, пойдите в центр обработки, захватите их компьютер. Все, что удалось сделать, так это только добавить нам травм.

- Вопли друг на друга не помогут чему-либо, - говорит Бен, его голос спокоен, но также и не замечен Элайджей и Барклаем.

- Хочешь, я доставлю тебя обратно в Поршень? - говорит Барклай. - Возможно, я смогу казнить тебя прямо сейчас, если ты не хочешь ждать еще полтора дня.

Элайджа пересекает комнату, и на секунду я уверена, что они подерутся прямо здесь, не уверена что я собираюсь делать с этим. Конечно в итоге я прыгну, наверное, с Беном, чтобы разнять их, но этого не будет достаточно. Я разбита в хлам, я чувствую себя так, будто меня переехал грузовик - я знаю, каково это - и мой боевой дух сильно подбит.

Мы ранены и нам не хватает времени. Если мы будем драться друг с другом, то собираемся закончить мертвыми.

Но потом Сесиль оказывается между ними, ее руки на груди Элайджи.

- Это глупо, - говорит она. - Сколько раз я должна сказать, что эта комната слишком мала для драки? У нас есть много места снаружи, если вы действительно хотите начать тренироваться для UFC.

Я вскакиваю. - Барклай, трое парней в твоей квартире - они должны быть замешаны, верно?

- Хорошая идея, - говорит Бен. - Мы начнем отсюда.

- И что делать? - говорит Барклай. - У нас нет времени, чтобы поймать их и посмотреть что они скажут.

Мое сердце сжимается. Я могу сказать по тону его голоса, что он оскорблен. Комментарием о том как Бен и Элайджа преследовали Эрика, когда мы думали, что он был плохим парнем. Потому что я разочарована, я говорю, - Так что, ты просто собираешься сдаться?

Только это плохое время, чтобы подталкивать Барклай. Вместо того, чтобы ответить мне, он качает головой и выходит из комнаты.

И потому что я это я, то следую за ним. Мы не закончили этот разговор.

- Барклай, - я зову его.

Он не оборачивается.

Но другие люди оборачиваются. Госпиталь переполнен Непристроеными. Мы спасли более сорока человек, большинство из них женщины, и многие из них молодые. Кто-то - наверное, Сесиль - разместил их в разных комнатах на полу, и когда они слышат, что я зову Барклай, то подходят к своим дверям.

- Барклай, - зову я снова. Он все еще не оборачивается и даже при том, что это ребячество, я добавляю, - Ты придурак!

Он просто продолжает идти. Я спорю, бегущая за ним, но я не уверена, что из этого выйдет что-то хорошее. Я смотрю на лица в дверных проемах. Расширенные глаза сосредоточились на мне. Надежда практически просачивается на их лица.

Они рассчитывают на меня. Независимо от того, что Барклай говорит, мы должны доставить их домой.

Я возвращаюсь в компьютерную комнату.

- Нам нужен план, - говорю я, потому что видимо люблю констатировать очевидное.

- Мы должны к чертям расформировать АИ, возможно взорвать их дермо или что-то еще, - говорит Элайджа.

- Так или иначе, я сомневаюсь, что это избавит вас от Большого Списка разыскиваемых, - говорит Сесиль с улыбкой.

Элайджа пожимает плечами, но я вижу ухмылку на его губах.

Бен игнорирует их обоих. Он проводит рукой через волосы и глубоко вздыхает.

- Барклай прав. Если мы не знаем, кто в АИ вовлечен, мы не знаем кому доверять. Мы могли передать доказательства неправильному человеку, а моя семья все еще будет под угрозой казни, только другая часть нас тоже будет с ними.

- Я знаю, - говорю я, двигаясь в его сторону.

Мы также продули наш элемент неожиданности. Мы ворвались в центр обработки, украли их рабов, связали их охранников, а я стреляла в людей,

пришедших за нами. И сейчас слишком много времени ушло на то, чтобы взломать компьютер и придумать план. Все, кто работают на Меридиана, будут знать, что Барклай попытается взять их.

Значит, они охотятся на нас. С их ресурсами и рабочей силой, у нас не много времени, прежде чем они добьются успеха.

Есть только полтора дня, прежде чем семья Бена будет казнена. Но мы может даже больше не имеем столько времени.

01:12:44:28

- Что мы имеем? - спрашиваю я, глядя на компьютер.

- Много из ничего, - говорит Элайджа.

- Эли, так как ты хочешь быть настолько услужливым, ты можешь пойти со мной, чтобы повидать Непристроенных, - объявляет Сесиль. Он смотрит на нее так, будто она сумасшедшая, но что бы это ни было в Сесиль, что заставляет людей слушать ее, он видит это.

Сесиль смотрит на меня и улыбается. - Мы вернемся и будем готовы придумать план. - Элайджа находится на какой-то страшной лекции о позитивном настрое и приподнятом настроении, я знаю это - я получала эти лекции раньше.

Он, должно быть, уже тоже получил такой, потому что он закатывает глаза и подражает ей, но все же следует за ней из комнаты.

Когда они уходят, Бен берет мою руку и сжимает ее. Я дышу немного легче. У нас может не быть большого количества времени, но никто здесь тоже не собирается сдаваться. Если АИ схватит меня, это будет стоить им чего-то.

- Здесь, позволь мне показать тебе, что у нас есть, - говорит Бен, открывая программу на компьютере. Он дает мне краткое изложение того, как прочитал ее, и где-то в середине этого, я понимаю, что он показал мне книгу с идентификацией каждого, кто когда-либо был украден. Откуда они, куда их послали - и для чего.

- Мы уже знали, что большинство Непристроенных прибывают из слаборазвитых миров и переправляются в самые богатые, - говорит Бен. - И мы, возможно, предположили, что большинство делятся на две ценовые категории.

Волна тошноты движется через меня. - Девушки и дети. - сексуальное рабство и принудительный труд.

- Хотя мы нашли кое-что новое в данных. Пару лет назад ставка на мальчиков-подростков и молодых мужчин, которые будут проданы, взлетела до небес.

Это не имеет смысла. Мужчины могут быть сильными, что бы сделать их хорошими кандидатами для принудительного труда, но они также маловероятно пойдут спокойно. От них только лишние неприятности. Женщины и дети легче согнутся под волей кого-то сильного, чтобы выжить; мужчины набросятся и в конечном итоге умрут. Восстание и мертвые рабы не очень хороши для бизнеса.

Бен вздыхает и проводит рукой через волосы, - Я думаю, что они, возможно, использовали их как солдат.

Меня тошнит от того как бесчеловечно все это, я прижимаю руку к животу. По сути, богатые страны в войну могли использовать нежелающих воевать за них юношей-подростков, вероятно, обещая им возвращение домой, если они победят в войне и все такое. Но они отправили бы их на передовую, потому что они просто расходный материал, который вероятнее всего умрет, а если они выживут, то было бы несложно продать некоторых из них после того, как война закончилась.

- Какой длины список? - спрашиваю я.

Бен смотрит вниз. - Длиннее, чем должен быть.

Он прав. Это слишком много - гораздо больше, чем я рассчитывала.

Потому что Меридиан похищал людей не в последние несколько месяцев или даже последние несколько лет. Он похищал людей на протяжении более двух десятилетий.

Из записей, в начале оборот был не такой большой - около двадцати четырех человек с шагом восемь человек каждые несколько месяцев в течение первых нескольких лет, в основном молодых женщин. Потом пять лет назад это число подскочило до десяти человек каждые несколько недель, что само по себе серьезная операция, но она продолжает расти - стабильно - после этого, там был скачек еще раз около пяти лет назад и резкий рост.

Когда я смотрю на цифры, то подсчитываю с своей голове, и тогда я делаю это снова, потому что результат не может быть правильным.

Потому что если это так, Меридиан ответственен за похищение и продажу в рабство 131 824 человек в прошлом году.

01:12:40:07

- Это... - Бен делает глубокий вдох и смотрит на экран компьютера. Он тяжело дышит, будто пытается переварить информацию, пытается убедить себя, что это не настолько плохо.

Но это не совсем те данные, которыми вы можете оперировать.

Сто тридцать одна тысяча людей это город. Нет никакого преимущества здесь.

- Это не твоя вина, - говорю я, потому что если бы я была на его месте, то думала бы про себя именно так.

- Я должен был сделать что-то, - говорит он, его голос твердый, с эмоциями.

- Ты делал. - я не говорю о том, что он мог попытаться сделать что-то раньше, потому что на самом деле я не думаю, что это правда. Если бы он попытался сделать что-то раньше, возможно у нас бы не было информации, которую мы имеем сейчас.

Бен не отвечает, и я могу сказать по жесткому взгляду на его лицо, он мне не верит.

- Я серьезно. Посмотри как давно это продолжается. - я начинаю прокручивать назад к первым отчетам, которые, конечно, являются только первыми отчетами, которые они записали в компьютер. Кто знает, что они делали до этого?

В журнале 1995 год был первым годом, когда продажа Непристроенных была зафиксирована. Даже при том, что они записали людей, которых похитили, по номерам - забрав их имена и личности - они указали вселенную, из которой произошел каждый человек, и куда они были направлены.

И я вижу объявление о продаже из моей земли - Земли 19402. Кого-то похитили из моего мира на Землю 04032. И в следующем столбце, где иногда встречаются заметки, указано: "Женщина, семнадцать лет, блондинка".

Это заставляет меня чувствовать себя больной.

01:11:59:31

Вот когда план приходит ко мне.

Я смотрю на запись девушки, которую укради из моего мира - и понимаю, что мы все делали неправильно.

Пять с половиной-шесть лет назад торговля людьми более чем удвоилась и стала чем-то намного большим, чем преступная организация - именно тогда это приобрело корпоративный масштаб.

Это означает, что все изменилось, когда у них стало больше ресурсов и меньше заботы о том, чтобы быть пойманым.

Это должно быть когда Меридиан начал набирать людей из АИ.

Платил ли он им за то, чтобы они смотрели в другую сторону или их участие было глубже - может быть они получали старые квантовые устройства от них или что-то еще - в любом случае, вот тогда все и изменилось.

Но нам не нужно знать, кто в АИ замешан в этом. Нам даже не надо знать, кто не замешан. Мы просто должны передать это в руки правильных людей в АИ.

Так почему бы просто не передать это в руки каждого?

01:11:47:56

Мой план довольно прост - мы все идем в Приму.

Мы скопируем файлы из реестра на пару накопительных дисков - Барклай или Бен могут переместиться куда-нибудь и взять их, впрочем нам понадобится много. Тогда мы ворвемся в главный офис АИ, загрузим файлы в их корпоративную сеть и пошлем по электронной почте всем адресам АИ.

Тогда у всех в АИ будут файлы. У них будут доказательства операции. Они смогут взять Меридиана, исследовать центр обработки, найти и вернуть Непристроенных, которые стали рабами, и искоренить их собственный заговор.

Даже если мы будем пойманы, кто-то все равно признает, что эта операция больше, чем делало вид АИ - и больше, чем Бен. Они будут видеть то, что видел Барклай и что вижу я. То, что есть люди в АИ, которые грязны.

- Как мы собираемся попасть в штаб-квартире АИ? - спрашивает Барклай после того, как я выкладывают свою идею.

- Быть опасным преступником делает все более трудным, - говорит Элайджа, и Сесиль немного смеется.

- Элайджа и я можем просто переместиться прямо в кабинет, - говорит Бен. - Мы можем пойти даже сегодня вечером.

Барклай качает головой. - Мы говорим о главном офисе АИ. Вы никогда не пройдете через щиты гидрохлораднеума.

- Я пойду, - говорит Сесиль. Я качаю головой, но она не позволяет мне поговорить с ней. - Вы, ребята, все разыскиваетесь правительством или кем угодно, но никто не знает ничего обо мне. Я просто пойду офис Барклая и использую его компьютер.

Неожиданно Барклай улыбается. - Мы все пойдем. - затем он смотрит на Элайджу. - Не ты, ты останешься здесь.

- Какого черта ты думаешь, что я останусь здесь?

- Если мы не сделаем этого, нам нужен будет кто-то, кто сможет переместить Непристроенных обратно в их миры, - говорит Барклай. Он не говорит, что у Элайджи повреждена нога или что в него стреляли, но он в этом не нуждается. Мы все это знаем.

- Мы пойдем в двух командах. Дженнель и я зайдем в АИ с главного входа, - говорит Барклай. - Бен и Сесиль - с черного. Каждый получит по маршруту, и каждому придется запоминать несколько паролей, но это даст нам два надежных шанса. Я могу даже создать связь между нами.

Сесиль должно быть видит выражение моего лица и знает о чем я думаю. - Даже не думай, Дженнель. Если ты думаешь, что я буду просто сидеть здесь и ждать как вы либо осуществите это, либо в конечном итоге умрете, то ты не в своем долбанном уме.

- Си...

Она качает головой. - Даже не пытайся задобрить меня. Я занималась своими делами, и какой-то мудак с ужасным дыханием схватил меня, сунул мне иголку, и протащил меня через черную дыру. Через. Черную. Дыру. И тогда они посадили меня в клетку. Существуют порталы и другие миры, и Агентство Интерверс, и все, что я хочу сделать, это пойти домой.

- Но я не собираюсь чувствовать себя в безопасности там, если я всегда волнуюсь по поводу кого-то еще хватающего меня и похищающего в рабство! - она делает глубокий и судорожный вдох, сдувает вверх пряди волос, которые падают ей на лицо. - Я часть этого, думаешь ли ты, что это безопасно или нет.

Я смотрю на Барклая, потому что он тот, кого все будут слушать - по крайней мере обычно.

Наши глаза кратко встречаются, тогда он смотрит на Си. - Я говорю, что она в деле. Она права, но больше, чем это, нам нужны две команды. Это отбросит безопасность и даст по крайней мере одному из нас шанс борьбы. И Элайджа должен остаться здесь.

- Она никогда не использовала пистолет, - говорю я.

- Ни Бен или Элайджа до недавнего времени, - говорит он. Я открываю рот, чтобы сказать еще - что она никогда не бегала от закона или делала что-то опасное - но Барклай меня прерывает. - Слушай, я предпочел бы иметь троих агентов с тактической подготовкой и опытом за спиной, но у меня их нет. У меня есть три человека, у которых есть что терять, и это может быть не идеальным, но это будет работать.

Теперь, когда у него есть курс действий и цели, его решимость вернулась.

Я смотрю на Сесиль и мои лаза щиплет. Этого не должно было случиться с ней. Она должна была планировать больше киновечеров, заботиться о людях в Квалькомме, командовать пехотинцами вокруг, заставляя их влюбиться в нее.

Но теперь она здесь, и я не имею права отнять у ее выбор. Она умная и знает, как опасно это будет. Лучшее, что я могу сделать, это убедиться, что она готова.

- Ладно, - говорю я, и я не уверена, кому я это говорю или о чем я говорю. Но это то, что каждый должен услышать.

Барклай делает глубокий вдох. - Так вот как мы собираемся сделать это.

Он знает изнанку штаба АИ. Теперь он просто обязан рассказать о ней нам.

Прежде чем время закончится.

01:02:38:27

Остаток ночи мы проходим по специфике плана, размышляя как будемправляться с различными вещами, которые могут пойти не так, и запоминая расположение штаб-квартиры АИ.

Когда мы делаем перерыв на несколько часов сна, солнечный свет пробивается из-за горизонта. Я бесцельно брожу по комнатам. Время утекает, у нас осталось только около суток, и если дела пойдут плохо, когда мы ворвемся в АИ, я не останусь живой.

Может быть, никто из нас не останется.

Я сделала только около десяти шагов, когда, поворачивая по коридору, оказываюсь лицом к лицу с девочкой-подростком примерно того же возраста, что и Джаред, с длинными, волнистыми светлыми волосами и большими зелеными глазами.

Сначала она вздрагивает и отступает от меня подальше.

Ее вид - вздрагивающий, с глазами как у лани - заставляет меня чувствовать, будто я только что ударила ее.

- Прости, - говорю я, и хочу добавить что-то еще, но не знаю точно, за что я извиняюсь. За то, что напугала ее, что не смогла вернуть ее домой, за то, что с ней происходит в первую очередь - это все расплывчено.

Я сдаюсь и двигаюсь вокруг нее, все еще запутана в собственных мыслях, и когда она находится на безопасном расстоянии позади меня, я слышу как она говорит мягким, робким голосом, - Спасибо.

Я смотрю через плечо, чтобы увидеть, не ослышались ли я или сказать "конечно" или спросить "за что" или что-то еще - я не уверена что - и понимаю, что ее глаза остекленели, и она улыбается.

Ее лицо покраснело, и она обнимает себя руками. - Я думала, что умру в том месте.

Она нет, но она может погибнуть здесь, если мы не выясним как вернуть ее домой.

Как будто она знает, о чем я думаю, добавляет, - Что бы ни случилось, это лучше, чем то место. Я рада, что ты вытащила нас оттуда.

- Я тоже, - говорю я и имею это ввиду.

Глядя ей в лицо, я поражена тем, как много здесь людей вроде ее. Это то, что мне нужно. Энергия проявляется в моем животе с осознанием этого и начинает распространяться по всему телу. Я встаю немного прямее, я, кажется, теряю часть веса, что давит на меня.

Мы должны добиться успеха завтра. У нас нет выбора.

Если мы не разоблачим Меридиана, еще тысячи людей станут Непристроеными.

01:02:30:27

Я поднимаюсь на крышу и наблюдаю восход солнца. Небо представляет собой смесь оранжевого, серого, синего и черного. Мир неподвижен и тих, и хотя это совершенно другое, это напоминает мне о чувстве, когда я хотела пойти на пляж и смотреть на океан.

Я наклоню лицо к небу и закрываю глаза, чувствуя как ветер задевает мое лицо и смахивает мои волосы. Я думаю о своем двойнике и как она предпочла сбежать, а не помочь нам, и моем отце и Алексе, которые умерли.

Интересно, что Джаред делает прямо сейчас - спит ли он все еще допоздна и жалуется ли на то, что у нас нет молока для хлопьев, все еще идущих детей в школу, все еще читает и играет в настольные игры каждую ночь. Я стараюсь не думать о том, как он зол, что я ушла, и надеюсь, он не дуется и не играет со Стразом в молчанку.

Мне нужно вернуться к ним.

Я не принадлежу этому безжизненному миру. Неправильность заставляет мои кости чувствовать тяжелыми и вялыми. Что-то в неподвижности заставляет меня оцепенеть, как будто я теперь тот бесчувственный человек, который бегает с оружием, но это не я. Это не то, кем я хочу быть.

Я хочу попасть домой и обнять своего брата и никогда не оставлять.

Но дело в том, что я стою здесь, окруженнная тем, что должно быть пробуждающимся миром, и до меня доходит, что так может быть. Дрожа от холода, я закрываю глаза.

Я могу не вернуться домой.

На обратном пути я нахожу Бена.

Есть миллион и одна вещь, которые я могла бы сказать ему прямо сейчас. Я могла бы сказать ему, что напугана и обеспокоена тем, что мы собираемся сделать, что я беспокоюсь о потере еще большего количества людей, которые мне небезразличны, что я боюсь, что не сдержу свое обещание Стразу. Я могла бы сказать ему, что думала о нем каждый день с тех пор, как он ушел, что я не могу представить остаток своей жизни без него, что я не хочу быть замененной.

Но я не говорю ничего из этого. Вместо этого я просто тянусь к нему.

Моя рука прикасается его рубашке, и я чувствую тепло, исходящее от его тела.

Он тянет меня к себе и шепчет, - Ты в порядке? - его дыхание согревает мою щеку.

Я наклоню свое лицо к нему, смотрю на темные кудри и длинные ресницы, в эти бездонные глаза. Я почти говорю ему правду - что я не была в порядке с тех пор как он ушел. Но не могу заставить себя говорить.

Вместо этого я смотрю на его губы и поднимаюсь на пальцах ног, таким образом они только в миллиметре от моих, тогда я поднимаю глаза.

Его губы раскрываются. Под моей рукой его грудь поднимается и опускается быстрее, чем следовало, а его сердце пульсирует через все тело и отзывается во мне.

Одна его рука скользит на мою спину, другую он кладет на мои пальцы, и мы стоим, застывшие во времени, в темноте, только тепло наших тел и звуки нашего дыхания.

- Я сожалею, - говорит Бен, а затем его губы оказываются на моих.

Они мягкие, и на вкус он мятный, и знакомое чувство ощущается так хорошо. Я целую его в ответ со всем, что во мне есть, открывая губы, касаясь его языка, запоминая каждый сантиметр его рта.

И все, что случилось, кажется, отпадает. Как будто мы где-то еще - как будто мы вернулись на Сансет Клиффс, целуемся в первый раз. Моя кожа горит от его

прикосновений и сердце мое громко стучит в груди, и словно все мое тело просто оживает.

Нервная энергия, которую мы оба держим внутри превращается во что-то другое, что-то более активное, что-то немного опасное. Мы захватываем друг друга, усиливая наши поцелуи, которыми мы не можем полностью управлять. Мы не нежны или осторожны - мы не думаем.

Его руки тянут меня ближе и ближе, поэтому нет места ничему между нами. Его руки проскальзывают под мою рубашку и тепло касается моей спины, дрожь проходит через меня.

- Я люблю тебя, - выдыхает Бен между поцелуями. - Давай никогда не разлучаться снова.

Я тяну его губы к себе и заставляю его поцеловать меня. Это все, что я хочу прямо сейчас.

Мои мысли в беспорядке, моя кровь кипит, и он чувствует, как моя кожа горит. Мы это только губы, языки, руки и кожа - два человека, у которых одновременно есть и нечего терять.

Я устала от бесконечного страха, не покидающего меня.

Я не хочу больше бояться. Я не хочу быть оцепенелой. И я не хочу умирать.

Но почему-то в объятиях Бена, когда он целует меня, все остальное неважно.

Потому что я не одинока.

00:18:20:05

- Если от не будет сидеть плотно, то тебе будет трудно двигаться быстро, - говорит Барклай. На мне джинсы, кеды, лифчик и бронежилет, который Барклай помогает мне затянуть. Он легче и тощее, чем все, что мой отец когда-либо носил, и вместо липучки здесь шнурки, как на каком-то сумасшедшем стойком к оружию корсете.

Но он прав. Когда шнурки затянуты и закреплены на теле, он движется со мной, как будто это часть меня, а не то, что будет мешать. Хотя я не скажу ему об этом. У него и так достаточно эго.

Я понимаю, почему ношу его. Вероятность того, что мы получим пулю, когда ворвемся в АИ есть...ну, это скорее уверенность. Барклай взял оба жилета - его и Хейли - из дома его мамы, вместе с картами памяти, которые он использовал для копирования файлов. С жилетами если нас поразят, то мы отделяемся синяками и ушибами, но не будем кровоточащими или мертвыми.

Я предполагаю, что это немного снижает риск. Я могу притвориться, что это игра в пейнтбол и меньше думать о том, что это бегство от закона.

Если, конечно, кто-нибудь не выстрелит нам в голову.

Кто-то простирает горло, и я смотрю вверх, чтобы увидеть Бена в дверях. Хотя он не смотрит на меня. Он смотрит на Барклайя.

Барклай протягивает мне мою рубашку и делает шаг назад. - Увидимся через несколько минут, - говорит он, и не может полностью подавить улыбку.

- Ты получал свой наушник? - спрашиваю я Бена, пока натягиваю свою рубашку на жилет.

- Да, Барклай показал мне, как это работает, - говорит он.

У Барклайя только было два из, таким образом, он и Бен будут носить их. Это позволит нам общаться друг с другом в случае, если план изменится или вещи пойдут не так как надо.

Бен хватается за меня и тянет в объятия, приминая к своей груди. - Ты не должна делать этого, - говорит он. - Это можем быть только я и Барклай.

Дрожь проходит по моей спине, и мои ноги чувствуются слишком слабыми, чтобы поддерживать меня. Здесь, в руках Бена, с запахом мяты и мыла в носу и в ударах его сердца под моим лицом моя решимость немного колеблется.

Мысль о побеге мелькает в моей голове. Мы могли бы быть вместе, в движении, живя приключением, о котором большинство людей не мечтают. Но это не более чем сиюминутные колебания, изображения, провоцируемые страхом, который пустил корни в моем сознании. Я не имею в виду этого.

Потому что неважно, насколько я боюсь, я должна это сделать.

Это лучший план, что у нас есть.

Потому что у нас осталось меньше суток.

- Мы можем сделать это, - говорю я Бену. Потому что я должна верить в это. Потому что это наш единственный вариант.

- Я люблю тебя, - шепчет он, и мое сердце трепещет.

Знать это в глубине души и слышать это в живую по-прежнему две очень разные вещи.

- Если мы пройдем через это...

Я качаю головой у его груди. - Когда мы пройдем через это, мы поговорим об этом потом.

- Но...

Я смотрю, мой нос прижимаются к его щеке. - Помнишь, как наступил конец света? - шепчу я.

Он кивает.

- Мы не говорили прощай или давали обещания тогда, и мы не собираемся делать это сейчас. - это не то, что прощание будет признанием, что мы можем умереть. Я знаю, что есть шансы против нас. Я знаю, мы можем и не выбраться из этого. Это сложнее, всего. - Мне нужно что-то, чтобы с нетерпением ждать.

Он ничего не говорит, и я снова двигаюсь в его объятиях и смотрю в лицо. Его глаза остекленели.

- Не беспокойся обо мне. У меня есть ради чего жить, - говорю я, и я не шучу. Прямо сейчас это самое истинное заявление, которое я могу сделать.

Он кивает, и я направляю его, наши руки переплетены, на крышу здания.

Барклай ждет нас. Сесиль тоже там. Она приняла душ и стянула волосы. Круги под глазами не совсем темные, и я рада, что она, хоть и злилась на меня, была в состоянии немного поспать. Она улыбается мне. - Давайте начнем эту вечеринку.

Я кидаю на нее косой взгляд. Она немного слишком взволнована для того, кто одет в пулленепробиваемый жилет.

- О давай, Джи, - говорит она. - Мы собираемся прищучить этих парней.

- Да, только постараитесь не умереть в конце, - говорит Элайджа, выходя.

- Разве ты не видел знак? - говорит Сесиль. - Эта комната только для позитивного мышления.

Элайджа просто фыркает.

- Хватит пререкаться. Вы готовы? - спрашивает Барклай. Я смотрю на него - у него небольшая улыбка, он заламывает пальцы, перенося вес тела на ноги. Он едва может шевелиться от адреналина, и хотя я не могу точно описать, что он чувствует, это заразно.

Это начинается как нервный трепет в животе и распространяется по моему телу, становясь беспокойством в конечностях.

Я делаю глубокий вдох и сжимаю руку Бена.

- Готова, - говорю я, шагая в сторону Барклая. Он кивает и протягивает квантовой устройство перед собой, нажимая кнопку. Этот короткий,

пронзительный электронный звук ударяет в уши, и затем передо мной холодный, пустой воздух портала.

Мое сердце бьется чуть быстрее. Вот оно.

Через час, это может все закончиться.

Или мы можем быть мертвыми.

00:17:59:55

Теперь это только Барклай и я. Сесиль и Бен находятся в другом положении, планируя войти в здание от черного хода. Они - запасной план. У них есть накопитель с файлами и если мы с Барклаем потерпим неудачу, они должны будут загрузить файлы в систему АИ.

Я придерживаю свое беспокойство за них в глубине моего сознания. Я не могу позволить этому отвлекать меня.

Барклай и я имеем более опасное положение. Мы стоим перед единственным входом в штаб-квартиру АИ - во второй раз. Итак, дюжина бетонных ступеней маячат перед нами, а маслянистый стеклянный небоскреб, кажется более зловещим, чем это было всего несколько дней назад.

- Ты согласилась, что будешь слушаться меня - ты помнишь это, да?

Я поворачиваюсь к Барклаю. Мне не нравится, что он вспомнил об этом сейчас.

- Я действительно согласилась на это, почему?

Он смотрит на двери, где стоят не менее шести вооруженных охранников, которые в худшем случае могли бы стрелять без предупреждения в нас обоих. Наша единственная надежда, что мы застанем их врасплох, что никто не ожидает от нас проход через парадную дверь. - Если это будет выглядеть, будто мы проваливаемся, я хочу, чтобы ты сбежала.

- Ты хочешь, чтобы я оставила тебя? - я не волнуюсь о том, как недоверчиво это звучит.

- Если меня поймают, они не казнят меня, по крайней мере не сразу.

Я не уверена, что любой из нас верит тому, что он говорит. Он хуже, чем я, в конце концов. Он тот, кто был на их стороне и теперь совершает измену с врагом.

Предатель это всегда самое худшее, кем кто-то может быть.

Но у нас нет времени спорить об этом сейчас. Я дала много обещаний людям, которые мне небезразличны. Это не отличается. - Я буду тебе подчиняться.

- Хорошо, - говорит он, кивая.

И мы поднимаемся по лестнице.

00:17:58:52

Мы проходим стеклянные двери центра бок о бок. На сей раз я не делаю паузу, чтобы принять во внимание мраморные полы и корпоративную деловую обстановку лобби. Я не задерживаюсь на сканерах для обследования тела в стиле безопасности аэропорта.

Мои глаза ищут вооруженную охрану.

Из шести охранников, четыре сосредоточены на людях, входящих в здание, сканировании их тел и направлениях движения для них. Один находится примерно в пятнадцати футах перед нами, в направлении, которым мы хотим идти - он стоит у лифта. Другой стоит в стороне - тот же парень, которого мы проходили буквально несколько дней назад.

И ему повезло, сегодня он тоже имеет дело с нами.

Мы всего лишь в нескольких футах от него, когда он обращает внимание. Его лицо это вся мимика, как будто он вот-вот выдаст политику компании, скажет нам, что мы не можем пройти этим путем, и сделает все механически. Потом его лицо меняется. Его губы, и его глаза слегка расширяются, перемещаясь от лица Барклай к моему. Признание - это понятно.

Все ищут нас.

Когда он тянется к своей рации, я немного расслабляюсь. Приказано не стрелять без предупреждения. Они очевидно все еще хотят взять нас живыми.

Все происходит так быстро - все кончено в доли секунды - но я готова к этому. Я знаю, что Барклай намерен делать. Я знаю, что я должна делать.

Охранник успевает нажать на кнопку на своем радио, но звук не выходит, потому что одним быстрым движением Барклай сбивает его локтем в лицо. Прежде чем он упадет на землю, мы оба обезоруживаем его. У Барклай есть автомат, а я вытаскиваю пистолет охранника с его бедра.

Барклай поворачивает автомат на вооруженных охранников около сканеров, а я поднимаю пистолет, направив ствол в лицо охранника у лифта.

- Бросай оружие! - кричу я, наступая на него. Моя хватка на пистолете крепка, и мои руки горят от напряжения. - Бросай оружие или я всажу пулю между глаз. - я не буду на самом деле делать этого, потому что я слишком напряжена и слишком далеко, чтобы сделать хороший выстрел, но и потому, что мы не хотим причинять никому боль. Я блефую - и я блефую больше, потому что

имею огневое превосходство, и если он слишком много будет думать об этом, он поймет.

Его удивление и мои угрозы перевешивают любую склонность попытаться быть героем, и он кладет свой автомат на землю. Мой пульс начинает биться быстрее, и я пинаю оружие подальше, таким образом он не сможет сделать выпад за ним. - Руки вверх, за головой.

Позади меня, у меня есть смутное ощущение, что Барклай повторяет те же самые движения. Но больше потому что я знаю план и меньше, потому что я обращаю на него внимание. Я доверяю ему и его способности охранять мою спину, но я знаю, что он кричит и высказывает угрозы, говоря охране - и людям в очереди - бросить оружие и лечь на землю.

С руками над головой, охранник передо мной падает на колени, и я снимаю с него оружие и резервный пистолет с его лодыжки. Я беру и то и другое для себя, идерживаю свой пистолет подготовленным на него все это время.

- Лицом вниз на землю, - говорю я, делая шаг назад, чтобы дать ему пространство.

Он делает то, что я говорю, и я поворачиваюсь к Барклай. Комната на удивление тиха - ни рыданий, ни стонов, или даже удушья. Это жутко, вроде тишины, что наступает перед бурей, и я надеюсь, что мы к этому готовы.

Барклай уложил каждого человека на землю, и он лишает последних двух охранников их оружия, легко разбирая, ломая на части, покупая нам просто немного больше времени.

Когда он закончил, то начинает поворачиваться ко мне. У него все еще есть автомат, указывающий на охрану и толпу, и он напоминает им: - Оставайтесь на местах. Не заставляйте меня стрелять в вас!

Он продолжает отходить назад.

Кто-то из толпы кричит, когда Барклай почти достигнет меня. Я не вижу кто, потому что он остается лежать. Он говорит: - Ты не должен делать это, Тейлор. Что бы ни происходило, есть люди, к которым ты можешь обратиться.

Барклай остается с каменным лицом, когда отвечает. - Скажи это Эрику.

00:17:54:51

Когда Барклай доходит до меня, я бегу к двери на лестницу и открываю ее. Нам нужно попасть на пятый этаж, и лифт это слишком опасно. Барклай следует за мной.

Но прежде чем это сделать, он включает пожарную сигнализацию.

Она ревет вокруг нас, когда мы взбегаем по ступенькам. Она настолько громкая, что заглушает биение моего сердца и большинство моих мыслей. Я на автомате, толкаю себя вверх по лестнице, следя Барклаем настолько близко, насколько могу. Проходим второй этаж, затем третий. Люди, которые думают, что это тренировка, начинают заполнять лестничные клетки и обгонять нас на пути вниз к фойе. Многие из них являются аналитиками или административным персоналом, а многие из них либо не знают - или только имеют представление - Барклая или меня. Они слишком заняты на своих рабочих местах или не ожидают, что кто-то достаточно безумен, чтобы ворваться в штаб-квартиру АИ.

В любом случае, они не смотрят на нас дважды, когда мы проходим.

Но они все равно выводят меня из себя. Мои ноги дрожат с каждым шагом, ожог распространяется по всему моему телу от бедер к груди.

Барклай проходит четвертый этаж в нескольких шагах впереди меня, и между нами открывается дверь. Я знаю как только вижу его лицо, что этот парень не такой, как остальные. Он знает, что что-то происходит, и когда видит, что я бегу к нему, сужает глаза в знак признания.

Воздух, кажется, замораживается передо мной, и я не могу перевести дыхание, но вместо того, чтобы идти ко мне, он смотрит вверх по лестнице на Барклая.

У меня уходит даже меньше времени, чтобы увидеть, что в правой руке.

- Пистолет! - это автоматический крик, и к счастью Барклай слышит меня за пожарной тревогой и полностью изменяет направление, направляясь прямо к парню.

Но он не успеет.

Я делаю единственное, что могу. Это не имела какого-либо намерения. Я просто реагирую. Я бросаюсь вверх по оставшимся ступенькам и напротив этого парня, я не знаю, эффективно тараню его в стену.

Его правая рука застывает на мгновение, прежде чем он справляется со своим удивлением и сбивает меня с себя.

Хотя отвлечения достаточно. Барклай здесь, а ребро его ладони летит прямо к носу парня. Кровь заливает его лицо, а Барклай опускает свой пистолет из-за спины на голову парня, сбивая его.

Я знала, что Барклай был хорош в рукопашном бою - он должен был быть. Но даже я впечатлена.

Сейчас люди глазируют на нас. Весь этот инцидент, только за несколько секунд, сумел привлечь большое внимание. Барклай хватает проходящего мимо парня -

он тощий, его галстук сбился, и он выглядит молодо, чуть старше ребенка. - Унесите его отсюда, - говорит он, указывая на бесчувственное тело. Власть в его голосе безошибочна. Это команда, поставленная в срочном порядке, добрые люди не спрашивают, не тогда, когда пожарная сигнализация взрывает их уши.

- Когда будете на улице, свяжите его и задержите.

Тощий парень кивает, и я отправляюсь вверх по лестнице после Барклай, пару человек помогают ему поднять бессознательного парня.

Идем дальше, на пятый этаж. Барклай хватается за дверь и держит ее открытой для меня.

Пятый этаж пуст. Все либо убрано, либо они не сообщили в офис еще до начала. Я следую за Барклаем, который следует через весь этаж, мимо кабинок в пустой угловой офис. Я не спрашиваю, куда он идет. Я знаю план.

Угловой офис принадлежит специальному агенту Иэну Бэчмену, который явно является кем-то важным. И кто-то, кто работает в ночную смену, так как он не здесь прямо сейчас. Он также парень с грубым голосом, который ворвался в квартиру Барклай. Или по крайней мере Барклай, похоже, уверен, что это он.

Мы собираемся послать доказательства по электронной почте всем с компьютера Бэчмена.

Я выдвигаю ящики его письменного стола, вытаскивая их содержимое, роняя бумаги на пол. Я уверена, что он ничего не будет держать здесь, что означало бы, что он в заговоре, что он работает на Меридиана, и даже если бы он это делал, у нас нет времени, чтобы пройти через все это и не попасться, но мы хотим чтобы он - и все, кто участвует, - думали, что мы идем за ними. Если они будут бояться, они будут чаще делать ошибки.

В то время как я разрушаю его письменный стол, накопитель в компьютере, файлы загружаются, а Барклай готовит наше спасение, пошагово, что я не хочу думать об этом - несмотря на то, насколько это необходимо.

Он использует маленький переносной тепловой лазер, чтобы прорезать стекло углового окна.

Есть только два выхода в этом здании - через один мы пришли и один использовали Бен и Сесиль - и мы никак не сможем теперь выбраться через любой из них. Значит, мы должны сделать собственный.

Разбитие окна, как заверил меня Барклай, зарегистрирует система безопасности здания АИ. Это принесет охрану во время работы на этот этаж - в этот офис. Это должно позволить Бену и Сесиль выбраться легче, чем они пришли.

Только это требует, чтобы мы скатились по веревке пять этажей.

Холодный воздух из разбитого окна, проходит через комнату, шурша бумагами, которые я уже разбросала по полу.

Потому что, конечно, пятиэтажное здание штаба АИ на самом деле намного больше. Это пять этажей с платформенными мостками, потом сто футов в сторону улиц подземки. Это значит, что мы намного дальше от земли, чем мне хотелось бы.

Барклай привязывает веревку к столу. Стол, он уверил меня, прикреплен к месту.

Я смотрю на компьютер. - Все почти готово, - говорю я.

Барклай открывает почтовую программу и адресует списку рассылки "Все АИ". Он печатает короткое примечание.

Эрик Брандт был убит. Потому что он раскрыл это.

И тогда он прикрепляет файлы.

Пока мы ждем, он говорит в связь, - Мы уже загружаем. Прервитесь и выходите из здания.

Я дышу немного легче, зная, что Бен и Сесиль могут следовать за толпой эвакуированных из здания из-за пожарной сигнализации людей .

Из коридора я слышу звон лифта.

00:17:42:57

- Все будет хорошо - говорит Барклай, оборачивая веревку вокруг одной руки и одной ноги.

Через этаж я слышу крики и приказы какой-то рабочей группы, идущей за нами. Они расходятся, наступают на нас, так что нет никакого пути назад к лестнице.

Я смотрю на Барклая и переливающееся небо, проглядывающее сквозь окно. Ветер колышет мои волосы и путешествия озnob движется вниз по моему позвоночнику.

- Теннер, - говорит Барклай, его голос спокоен. - Мы должны идти.

Я знаю, что мы делаем, но это будто все в моем теле отказывается двигаться вперед. Вылезти в окно высоко от земли - реальной земли - просто неестественно.

Но я беру протянутую руку Барклая, и он тянет меня несколько футов к себе. За ним я обертываю руки вокруг его груди. Я держусь за него, он держится за веревку, а веревка присоединена к столу, который прикреплен к полу.

Я говорю себе, что Барклай знает, что он делает, что он делал что-то подобное раньше.

- Это закончится прежде чем ты поймешь это, - говорит он.

И мы спускаемся по стене здания.

00:17:42:02

Воздух холодный, и он горит, пролетая мимо моего лица.

Но еще хуже ощущение тяжести. Ощущение прыжка длится только долю секунды, а затем я чувствую, что сила тяжести вступает во владение и начинает тянуть нас вниз. Мое сердце подскакивает в груди из-за отсутствия контроля, а ноги сводит судорогой от страха.

В моих ушах шум, что-то жалит мое плечо, и я смотрю вниз вовремя, чтобы увидеть белую платформу, которая несется навстречу нам. Я открываю рот, чтобы выпустить крик, но у меня нет времени.

Барклай делает что-то с веревкой, и мы кренимся, не до полной остановки, но достаточно медленно, чтобы звуки окружающего мира - людей, движения, общего шума - вернулись в мои уши, и я снова могу дышать.

Мы примерно в пяти футах над платформой, когда Барклай говорит: - Тебе придется прыгать.

Вместо этого я отпускаю его и просто падаю на землю. Я держу ноги свободно, так что, когда я ударяюсь о бетонную платформу, ноги жжет от контакта, но колени сгибаются, и в итоге я сижу на корточках, держась руками за землю.

Я не жду Барклая, хотя знаю, что он прямо позади меня. Я просто начинаю бежать. Мы должны уйти от штаба АИ - настолько далеко, насколько разрешит город.

Я думаю о карте, которую Барклай рисовал мне прошлой ночью, и направляюсь в запланированную сторону, по существу, в противоположный конец города.

Мы скользим вдоль здания на виду у камер, так что АИ будет знать, куда мы направляемся, но, по крайней мере, это поможет Бену и Сесиль выскользнуть незамеченными.

Я протискиваюсь мимо людей на платформе, не обращая внимания на вздохи или как они спотыкаются после того, как я толкаю их плечи. У меня нет

времени, чтобы сделать слишком много уклонений или покачиваний. Я двигаюсь быстро, и они должны уйти с моей дороги.

Когда я ударяю плечо девушки примерно моего возраста, она ругается и кричит мне вслед. Я оглядываюсь назад по привычке и понимаю, что она с группой друзей, все одетые в соответствующие белые рубашки-поло и клетчатые юбки - наверняка школьная форма. Один из них показывает мне средний палец и остальные начинают смеяться.

Я не им еще секунду - я должна продолжать бежать - но что-то сжимается в моей груди. Я должна быть с друзьями, смеяться и вести себя глупо, а не бегать от копов.

Барклай догоняет меня, прижимая ладонь к моей спине. Мы попадаем на перекресток на платформах. Направо приведет нас обратно туда, откуда мы пришли, и перед нами какой-то высококлассный торговый центр.

Я иду налево, потому что это уведет в сторону. Сигнал из штаба АИ по-прежнему ревет на заднем плане.

- Дерьмо! - Барклай ругается.

- Что это? Это Бен и Сесиль? - спрашиваю я. Просто вопрос искушает меня развернуться и отправиться обратно.

- Продолжай бежать, - говорит Барклай.

Мы поворачиваем налево и бежим через людей на платформе. Барклай находится передо мной сейчас, и я держу свои глаза на его спине и заставляю себя не отставать.

Я знаю, что АИ пошлет группы людей следовать за нами - они должны - но они не будут стрелять в нас, потому что мы находимся в окружении мирных жителей, а все остальное, все детали, которые мы пробегаем, как в тумане. Мои ноги стучат от по асфальту, мои легкие втягивают в себя воздух, то, как мое тело выбирает и горит от слишком больших усилий, и Барклай снова передо мной - очевидно. Остальное мое внимание сосредоточено на поисках угрозы и готовности избежать ее.

00:17:34:18

Я не уверена, сколько времени уже прошло на самом деле, когда мы попадаем на основную станцию монорельсовой дороги, которая приведет нас на поезде за город и в безопасность. Такое чувство, что мы бежали в течение многих часов, и мои ноги болят от усталости.

Но я не замедляюсь или останавливаюсь.

Я знаю, что как только я сделаю это, то упаду в обморок.

Станция, полностью сделанная из стекла, маячит перед нами, отражая яркое солнце. Бег вверх по лестнице заставляет боль пронзать мои коленные сухожилия, и я чувствую, что мои ноги не смогут продолжать удерживать меня.

Барклай оборачивается и призывает меня поторопиться.

План состоит в том, чтобы сесть в поезд. Если мы были достаточно быстры, рассчитали правильно так, чтобы двери поезда были открыты, мы успеем, прежде чем они закроются. Но любой следующий за нами нет.

Только Барклай останавливается передо мной.

Я упираюсь ему в спину.

Поезда нет.

Я так нуждаюсь в дыхании, чтобы спросить, что мы собираемся сделать, но мне не нужно. Барклай хватает мои руки и тянет к краю платформы.

Позади нас я слышу крики пешеходов и знаю, что АИ близко по нашему следу.

- Бен и Сесиль? - спрашиваю я, потому что не могу помочь этому.

Он качает головой, и в течение секунды я не могу дышать. Мои руки трясутся, и я чувствую себя неустойчивой от паники, разрастающейся в моей груди.

- Что случилось?

- У нас сейчас нет времени для этого, - говорит он.

- Барклай! - нет никакого способа, что я смогу делать что-либо, не зная, что происходит.

- Они были пойманы в коридоре. Они столкнулись с заместителем директора, и он узнал Бена. Они находятся в его офисе, рассказывая ему все прямо сейчас.

Я чувствую, что что-то во мне расслабляется. Они были пойманы, но они живы. У них есть доказательство при себе, а Барклай отправил письма. Я помню лица двух маленьких белокурых детей на столе Страза 2.0. Он мог бы быть лучше одет, чем мой Страз, но он выслушает Бена и Сесиль.

Он должен.

Звонок, предвещающий приближение поезда, начинает звонить, и объявление через громкоговоритель, призывает всех отстраниться от края платформы.

Но также есть другое объявление.

Люди позади нас кричат: - Ложись на землю!

Я смотрю через плечо и вижу, что приказ направлен не обязательно на нас - это направлено на всех остальных, а позади толпы пассажиров парни с оружием. Они агенты АИ и сил безопасности, одетые как охранники на входе в штаб-квартиру, там также несколько парней в обычной одежде - агенты, которые уже присоединились к погоне.

Движущийся поезд приближается, но к тому времени, как он будет здесь, АИ будут над нами. Даже если мы сядем на поезд, то просто оставим себе меньше пространства для побега.

Мы по существу загнаны в угол.

Ближе всего к нам стоит парень с короткой стрижкой в стиле военных конца двадцатых годов, штанах цвета хаки и военных ботинках. Его пистолет направлен на Барклая. - Тебе некуда деваться, Чудо-мальчик, - говорит он, и я узнаю его голос, это парень, который не мог перестать хихикать, когда ворвался в квартиру Барклая.

Все кончено. Мы в ловушке.

Мы можем только надеяться, что доказательств, которые мы послали по электронной почте, достаточно.

Прямо когда я собираюсь поднять руки и сдаться, пальцы Барклая впиваются в мое плечо, и я слышу, как он говорит: - Доверься мне! - но я не успеваю спросить, что мне делать или что это значит.

Потому что он толкает меня.

Я отступаю с платформы и падаю на тонкие рельсы.

Мои ноги пульсируют от удара. Рельсы вибрируют от приближения поезда, а подо мной, все что я вижу это воздух.

За грохотом поезда, я слышу несколько криков на платформе, и вдруг Барклай рядом со мной, тянет меня на ноги, так что мы оба стоим на рельсах. Он вздрагивает и хватается за бок, и я надеюсь, что жилет защитил его от настоящей травмы.

Он что-то говорит мне, но я не слышу его. Поезд слишком громкий, но он бросается вперед, его руки ловят край противоположной платформы, и я знаю, что он от меня хочет.

Я не решаюсь. Если я прыгну на стену и подскользнусь, то упаду на сотню футов вниз к подземке. И не будет ничего, чтобы остановить мое падение.

Но порыв теплого воздуха окутывает меня - высокая температура поезда, несущегося на меня - и мои ладони скользкие от пота. Я делаю то, что он говорит.

Я прыгаю.

Мои руки ударяются о бетонный край платформы, и все мое тело - даже мое лицо - ударяется о стену с глухим стуком настолько болезненно, почти ослепляя, а затем тепло от поезда опаляет мою спину, в то время как он заезжает на станцию и с визгом останавливается.

Рядом со мной Барклай подтягивает сам себя наверх. Я стараюсь подражать ему, но у меня просто не хватает сил, и поезд слишком близко от меня, ограничивая мои движения. У меня скользкие пальцы, и тот факт, что нет ничего подо мной кроме неба сводит мои ноги судорогой.

Я не хочу умирать таким образом.

Но Барклай здесь, хватает мои руки и тянет меня вверх.

Как только мои колени ударяются о цемент, я встаю на ноги.

Другой поезд въезжает на станцию. Он движется в противоположном направлении, и это на расстоянии по крайней мере ста ярдов. И я знаю новый план, даже прежде чем он говорит что-либо.

Барклай хватает меня за руку. - Мы должны попасть на этот поезд!

Мы бежим.

Все вокруг нас, я слышу крики людей. Агенты АИ выкрикивают приказы. Они знают, что мы собираемся сделать, и они пытаются добраться до платформы и поезда перед нами. Обычные люди, пытающиеся идти на работу, кричат, застигнутые врасплох огромным количеством оружия и волнения.

У меня болит все тело. Мои лодыжки жжет от боли каждый раз, когда ноги ударяются о землю, плечо и спина пульсируют пуль, засевших в моем жилете, а мои легкие чувствуют, что они готовы лопнуть, потому что я не получаю достаточно воздуха.

Сердце бешено колотится с тем же бешеным ритмом, что и мои ноги, я сосредоточиваю все внимание на открытых дверях поезда. Как будто бы я в тоннеле, ведущем только к тем дверям, я блокирую все остальное. Попасть туда вовремя это единственный вариант.

Я толкаюсь сильнее, двигаю ногами быстрее, и когда мы примерно в десяти футах, и звучит сигнал для обозначения закрытия дверей, я задерживаю дыхание.

Барклай достигает поезда непосредственно передо мной, в то время как двери, скользя, закрываются. Его рука прижимается к одной из дверей, оставляя шестидюймовый промежуток и давая мне дополнительную секунду.

Краем глаза я замечаю Хихикающего, спускающегося по лестнице на платформу, несколько агентов за его спиной.

Сигнал звучит снова, и двери задвигаются напротив Барклая.

Я бросаюсь в поезд и сталкиваюсь с Барклаем, толкающим нас обоих на стену. Металлический столб врезается в мое плечо, и я стою от боли, потому что это наверняка оставит синяк.

Двери закрыты. Я выпускаю вздох, который задержала, и вдруг у меня кружится голова от облегчения. Барклай улыбается мне, тянет на ноги, и мы смотрим друг на друга, тяжело дыша.

Затем я вижу Хихикающего.

Он едва ли в десяти футах, бежит по направлению к нам на полной скорости и кричит кому-то - вероятно, проводнику поезда. Если двери откроются снова, то он сможет войти. Я поворачиваюсь и хватаю Барклая за руку, пытаясь оттащить его в сторону следующей двери. Если Хихикающий сядет в поезд, мы сможем сойти. Но Барклай стоит на своем, улыбается и показывает Хихикающему палец.

И поезд начинает двигаться.

00:17:31:25

Лицо Барклая раскраснелось от бега, и я ничего не могу поделать, я обнимаю его. Потому что мы сделали это. Мы все еще живы.

Барклай обнимает меня, его руки крепки, прижимают меня к его груди. Я знаю, что он тоже чувствует это.

- Бен и Сесиль? - спрашиваю я, отстраняясь.

- Он верит им, - говорит он. - Он сейчас задает пару вопросов, но...

Ему не нужно больше ничего говорить. Вес этого заговора только что свалился с наших плеч, потому что теперь все кончено. Мы переместимся обратно в больницу, соберем Непристроенных, подождем АИ, и затем сможем пойти домой.

Мы победили.

Этого достаточно, чтобы заставить меня расчувствоваться. Мои глаза горят, мои плечи поникают, а мое тело начинает дрожать. Я так рада, что все, что я могу делать, это плакать.

- Хороший план, Теннер, - говорит он, но потом я вижу как его улыбка дрогнула.

На секунду я задаюсь вопросом, что если кто-то стоит у меня за спиной, если один из агентов смог попасть в поезд. Если мы не совсем в безопасности.

Но Барклай поднимает руку к своему наушнику, и я понимаю, что это что-то другое.

Это то, что происходит с Беном.

- Что это? - говорю я, прислоняясь к нему, пытаясь услышать.

Поначалу я не могу различить ничего. Тело Барклая напряжено рядом со мной, и я понимаю, что он затаил дыхание. Я не знаю, что он услышал, но он застыл, будто ждет нападения, а это означает, что это плохо.

Интересно, что если заместитель директора захочет по-прежнему наказать Бена за его участие и не собирается предоставить ему иммунитет за предыдущие преступления, такие как работа с торговцами, чтобы похищать людей из их миров, пока он не смог спасти другую Джаннель.

И тогда мне не приходится больше гадать.

Потому что я слышу что-то через наушник Барклая.

Выстрел.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Но уже врацала мое желание и волю,
Как колесо, которое равномерно пущено в ход,
Любовь, которая движет солнце и другие звезды.*

- Данте

00:17:26:17

Даже прежде, чем у меня появляется шанс отметить, что происходит - или что я делаю - я хватаю наушник и вытаскиваю его из уха Баркляя. Он издает какой-то визг от неожиданности и боли, но я не обращаю внимания.

- Бен, ты в порядке? - говорю я, нажимая на кнопку. Еще несколько выстрелов, и я слышу, как Сесиль кричит: - Нет! - и - Не надо! - и - Бен! - потом появляется какой-то стук. Затем ничего.

- Бен? - говорю еще раз. Я качаю головой, потому что этого не может быть. Не после всего. Он должен быть в порядке.

Барклай хватает меня за руку, потянув от кнопки. - Если они попали в беду, последнее, что ему нужно, это ты, говорящая с ним посреди всего.

Я открываю рот, чтобы возразить, чтобы сказать ему, что он не понимает, но не говорю ничего. Я знаю, что он прав. Вместо этого я делаю глубокий вдох и слушаю. Если уши можно напрягать, то это то, что я сейчас делаю. Я слушаю все, что наполняет меня.

Это как будто время - или мир - замедляется, и все, что имеет значение это то, что я слышу из наушника. Мои глаза закрыты, и я жду, чтобы снова услышать голос Бена, что бы он что-то сказал, что-нибудь. И каждый раз, когда мой ум начинает вызывать образ его, лежащего в луже крови с пулевым ранением в грудь, я сжимаю глаза покрепче и отталкиваю его.

Я хочу кричать, что это не справедливо, что это должно быть закончено, что мне не придется потерять его тоже.

Я не замечаю ничего другого, пока не осознаю, что мое лицо покраснело, и вкус крови на моем языке. Я выпустила дыхание, которое задерживала и уперлась в стену поезда, когда звезды затмили мое видение. Барклай вытягивается и вытирает кровь с губы, где я сильно прикусила ее.

И еще я стараюсь прислушиваться.

Но не слышу ничего, кроме эха моего пульса в ушах.

Ничего.

Ни беспорядков, которые следовали бы во время бегства, ни затрудненного дыхания от кого-то, кто ранен, ни крика или шаркания. Нет ничего.

- Бен, ты там? - спрашиваю я, мой голос дрожит. Нет ответа, что и не должно меня удивлять, потому что в глубине души я знаю, что его нет. - Бен?

- Теннер, мы приближаемся к следующей остановке. - Барклай тянет мою руку, его голос все тот же возбужденный шепот.

Образ Бена вернулся. Это все, что я вижу. Везде кровь, пропитывающая переднюю часть его одежды, объединяясь под ним, покрывая его темно-каштановые локоны. Моя грудь сжимается, и я не могу дышать. Это был мой план. Это моя вина - я та, кто послал его в АИ.

Это как Алекс, снова и снова.

Неожиданно я так разозлилась, что хочу кричать так громко, как могу на полнейшую несправедливость всего этого.

Этого не должно было случиться.

- Дженнель.

Я хриплю и поворачиваюсь к Барклэю, колотя кулаками в его грудь. - Что случилось? Что с ними случилось?

Сначала он просто принимает это. Он стоит там и позволяет мне бить его. Он не делает ничего, чтобы меня остановить или свести к минимуму ущерб, который я хочу нанести, и по какой-то причине это делает злость только хуже. Потому что я так ничтожна - я не могу ничего изменить. Все, что мы делали было столь же эффективным, как биться об стену.

Но что-то в Барклэе меняется, и он поднимает руки, обхватывая мою голову, в то время как я ударяю его. Его голос твердый, даже спокойный, но есть определенная серьезность в его тоне. - Дженнель, мы должны выбраться отсюда.

Это щелкает по мне, я вспоминаю, где мы находимся.

Наш поезд наполовину заполнен пассажирами, направляющимися на работу. Они все втиснуты рядом друг с другом на другом конце вагона, делая вид, что не смотрят на нас с масками безразличия, их язык тела говорит "я не вижу ничего", как будто они пытаются слиться с фоном. К тому же волны паники, приходящие из конца вагона, добавляют острый аромат в воздухе.

- Идем, - говорю я, мой голос груб.

Барклай кивает и вытаскивает свое устройство.

Когда портал открывается, захожу в него первой. Я даже не замечаю как он ощущается, или что я делаю, когда прохожу. Это просто еще один портал, и после всего остального я чувствую онемение, я проскальзываю сквозь черную дыру и оказываюсь в другом мире.

Я жду Барклая, на своих ногах в заброшенном заросшем джунглями мире, когда он проходит через портал позади меня.

- Эй, ты прошла расслабленной, - говорит он. - Я знал, что ты поймешь в конце концов.

Я не забочусь об этом. - Скажи мне, что случилось, - говорю я. - Мне нужно знать все.

- Это может быть не так плохо, как это звучало, Дженнель, - говорит Барклай, но даже я могу сказать, что он играет надежду и оптимизм.

Он не верит в то, что говорит.

- Просто скажи мне.

Барклай рассказывает то, что он слышал. Он начинает с деталей, которые я уже знаю, но я не останавливаю его. Я сказала, что хочу знать все, и я узнаю.

Если эти последние моменты жизни Бена, я хочу иметь возможность представить все это. Я хочу посвятить это его памяти.

Бен и Сесиль отправилась в штаб-квартиру АИ по сигналу - они пошли вверх по задней лестнице на второй этаж и подождали, пока все не ушли после пожарной сигнализации, которую включил Барклай. Они не добрались до своих компьютеров, но как только Барклай сказал им, что создал письмо, это не имело значения. Они опустили свои головы вниз и вышли с толпой, позволяя окружающим людям диктовать, как быстро двигаться и куда идти.

Только они нарвались на заместителя директора Райана Стразински. Казалось, он был удивлен, но не встревожен, когда узнал их. Конечно, как и Си, так и Бен тоже узнали его, поэтому они пошли в его кабинет и он обещал их выслушать.

Сесиль рассказала ему все. Она начала с похищения и ничего не пропустила. И тогда Бен добавил то, что знал.

Заместитель директора был впечатлен, но скептичен. Он попросил посмотреть диск с доказательствами из центра сортировки. Он вставил его в компьютер и выглядел в шоке от увиденного. Он похвалил Бена и Сесиль за все, что они сделали, а Бен с облегчением вздохнул и сказал был так рад, что он могли доверять Стразу.

Воцарилось молчание.

Тогда заместитель директора спросил, были ли они взволнованы по поводу того, кому давать информацию. Сесиль сказала со смехом, - Вы понятия не имеете, - и все трое засмеялись.

Затем заместитель директора спросил: - Так значит вы никогда не показывали это никому?

Вот когда Барклай остановился. Потому что он знал, что был не прав, - что не должно было быть следующего вопроса.

Бен ничего не сказал, но Сесиль начала отвечать.

Барклай не совсем уверен, что произошло, но ему было ясно, что Бен так же внезапно осознал, что сделал. Заместитель директора был не на нашей стороне. - Остальное ты знаешь, - говорит Барклай. - Следующее, что я услышал, был выстрел, ты вырвала передатчик из моего уха, и теперь никого на другом конце.

Мое тело чувствуется отяжелевшим, будто оно уже мертвое и просто ждет, чтобы я заметила. Я не могу продолжать борьбу - продолжать двигаться вперед, продолжать пытаться выиграть против чего-то, как АИ, не после всего. Барклай никогда не должен был приходить ко мне за помощью. Мы противостоим чему-то, что слишком большое, слишком мощное.

Сейчас оба, Сесиль и Бен, исчезли.

00:16:51:44

Я думаю о том, как Сесиль стояла на футбольном поле, с руками на бедрах, волосами, блестящими на солнце, как она посмотрела на Бена, как серьезна была, спросив, "Кто твой любимый супергерой?"

Бен отступил на шаг, будто его ударили, и рассмеялся. "Что? Это все что ты можешь? Это легко."

И тогда он посмотрел на меня. Его глаза темные, при этом его губы слегка изогнулись в улыбке, когда он сказал, "Чудо-женщина."

Сесиль бросила усмешку в мою сторону перед тем, как допрашивать о его выборе, а Алекс вложил свои два цента о чудесности ее костюма, и я просто почувствовала легкое головокружение - в лучшем виде.

Это ощущается, будто могло быть вчера. Я помню все так четко.

Как мы оказались так далеко от этого момента?

00:16:51:43

Теперь они ушли. Все из них.

И это моя вина. Мой глупый план. Мы должны были оставить их в больнице с Непристроеннымми. Барклай и я просто ушли бы одни. Я должна была сильнее бороться, чтобы держать Сесиль подальше от этого - я должна была сильнее бороться, чтобы сохранить их живыми.

Больше слез проливаются из моих глаз. Я больше не могу сдерживать их.

- Мы не знаем, что произошло, - говорит Барклай снова.

- Что, ты думаешь, они вышли из штаба АИ, подальше от парня с пистолетом, который стрелял в них? Ты и я оба знаем планировку кабинетов, скажи мне, как это возможно.

Он ничего не говорит.

Я держу руку на глазах и пробую остановить слезы, но они, кажется, имеют собственный ум.

- Это еще не конец, - говорит Барклай, хватая меня за плечи.

Я ничего не говорю. Мне нечего сказать.

- Посмотри на меня, - говорит Барклай, давая моим плечам толчок, который встряхивает все мое тело.

Я смотрю на него.

- Возьми себя в руки. Мы не знаем, что случилось.

Я качаю головой, потому что не могу подобрать слов.

- Это могли быть выстрелы в воздух, - говорит Барклай. - Даже если они ранены, это может быть не смертельно. Я не собираюсь сидеть и ждать, пока АИ ищут меня и тебя тоже. У нас есть ограниченное количество времени, прежде чем они начнут делать зачистки в мультивселенных или кто-то поймет, что лучшее место спрятаться это мир, который никто не ищет.

- Нам ничего не осталось, - говорю я, потому что разве это не было наше "Аве Мария"? Как мы можем победить, если в заговоре участвует такая верхушка, как заместитель директора АИ?

- Всегда что-нибудь остается.

00:16:48:09

- Это всего лишь неудача, - говорит Барклай.

- Неудача? - я могла бы врезать ему. - Бен и Сесиль могут быть мертвы, а если заместитель директора участвует, не мог ли он заявить АИ, что ты сумасшедший или что-то еще? Разве он не может замять это?

Барклай качает головой и начинает расхаживать по комнате. - Я имею в виду, он мог бы попробовать, конечно, но приказ об игнорировании расследования должен исходить от директора.

Внезапно его глаза расширяются и он оборачивается, хватая меня за плечи. - Я знаю, что мы должны сделать.

Я вздрагиваю и вспоминаю, что у меня есть по крайней мере две пули, засевшие в моем жилете. Хотя они не принесли того ущерба, который могли бы, они все еще пульсируют напротив моей кожи.

- Мы пойдем прямо к директору и поговорим с ним, - говорит Барклай, отпуская меня.

- Откуда мы знаем, что он не причастен? - я начинаю чувствовать, будто все мультивселенные против нас.

- Разве ты не видишь, я знал, что кого-то там наверху должен был быть вовлечен, так как документы были стерты или переписаны. Но директор Франклин старше. Он собирается на пенсию. Он имеет большую сферу ответственности до Стразински.

- Это не делает его невиновным, - говорю я. Я не хочу обрушиваться на план Барклая, но не могу с собой ничего поделать. Мы в колossalном беспорядке прямо сейчас. - Если заместитель директора участвует, кто говорит, что директор нет? Все в АИ могут быть вовлечены!

- Не все, - говорит Барклай сквозь стиснутые зубы. Он явно пытается удержаться от эмоций, и я под впечатлением от его силы воли. - Мы просто должны пойти к директору и он поможет нам.

Я не могу больше слушать. - Как ты можешь так думать! - я кричу.

- Потому что я не знаю, кому еще доверять! - кричит Барклай в ответ. Он поворачивается спиной ко мне и отходит на несколько шагов. - Это происходит не только с тобой, ты знаешь.

- Я знаю, - говорю я, мой голос хрипит. Я не задумывалась всерьез о том, за что он переживает - боится ли он за свою семью или беспокоится, что он никогда не сможет вернуться домой.

- Мы пойдем в дом директора, мы соберем рабочую группу...

- Как ты можешь до сих пор верить в них? - спрашиваю я.

Он поворачивается и смотрит на меня, его глаза остекленели. - Я должен, - говорит он. - Я до сих пор хороший. Ничто не заставит меня продаться. Эрик все еще хороший.

Я не напоминаю ему, что Эрик мертв, что его убили.

- Это было моей мечтой, в детстве, чтобы быть в АИ и иметь значение. - его голос слегка ломается, и он глубоко вздыхает. - Там должны быть люди, которые остаются, как и я.

- А что если нет? - говорю я. Это бездушно, но я должна это сказать. Мы не можем попасть в западню, потому что Барклай чувствует себя сентиментальным.

- Джаннель, ужасные люди есть везде, в каждом мире, - говорит он. - Поверь мне, я знаю, это точно также, как и ты, но для каждого из этих людей есть такие люди, как ты и я.

Я хочу поверить ему.

Но прямо сейчас я не могу. Мы, бегающие вдвоем, играющие героев, так не может продолжаться.

- Я могу пойти один, - говорит Барклай. - Если ты мне не доверяешь.

Я пинаю грязь. - Ты не можешь идти в одиночку. - я верю в Барклая. И я доверяю ему, каким бы ни было его заблуждение и идеализация чувств к АИ. - У меня нет идеи получше, во всяком случае.

Мы должны пойти к директору домой. Нам нужно попытаться убедить его в том, что мы видели. Мы знаем достаточно о работе центра обработки и у нас есть свидетели. Это должно заставить рабочую группу АИ пойти в Черную дыру и работать с файлами. Это должно вернуть Непристроенных в их дома.

- Как же нам войти в директорский дом? - спрашиваю я.

00:15:40:37

Мы переместились в директорский двор и стали скрываться за кустом гортензии.

Это, безусловно, наименее сложный план Барклая, и часть меня рада.

Каждый, кто участвует в АИ имеет щиты гидрохлораднеума вокруг своих домов, значит директор, скорее всего, имеет действительно хорошую систему безопасности. Мы никак не смогли бы пройти ее, и в любом случае мы не хотим показаться опасными. План в том, чтобы просто подойти и постучать в парадную дверь.

Поэтому это именно то, что мы делаем.

Мои пальцы покалывает в предвкушении, когда мы приближаемся к дому. Солнце начинает спускаться, а свет внутри дома, на фоне седеющего неба, делает его будто светящимся.

Пожилая женщина открывает дверь. Ей наверное около шестидесяти, но я могу сказать, что она была классически красивой в свое время, с густыми светлыми волосами, которые падают на плечи и блеклыми голубыми глазами. Она одета в черное платье с длинными рукавами и высокие каблуки.

Это явно жена директора. - Я могу вам помочь? - спрашивает она. Ее тон говорит, что она не поняла, почему два помятых и избитых человека в грязной одежде стоят на ее пороге, но она не выглядит встревожено.

Часть напряженности, скопившейся во мне, немного отступает, и мои плечи слегка расслабляются.

- Миссис Франклайн, - говорит Барклай. - Я сожалею, что беспокоим вас, но я агент из АИ, и есть кое что срочное, что мне нужно обсудить с вашим мужем.

Я ничего не говорю. Я просто за компанию.

Она открывает дверь шире, ее растерянность обращается в понимающую улыбку. Директор видимо тот парень который приносит работу на дом. Больше напряжения спадает - я знаю несколько таких парней.

- Конечно, - говорит она. - Позвольте мне просто... - она поворачивается, и я вижу мужчину, подходящего к двери. Он хороший в свои шестьдесят, с седыми волосами и морщинами на лице, но он сложен также, как будто ему тридцать. - Кит, один из ваших агентов...

Она даже не успела закончить, потому что Кит Франклайн, директор Агентства Интерверс, узнает нас.

00:15:32:19

Он достал свой телефон из кармана и поднес к уху так быстро, что не было времени ходить на цыпочках вокруг да около или приносить извинения. Дверь широко открыта, так что я переступаю порог.

- Вы не хотите этого делать, - говорю я. Мой голос немного дрожит, несмотря на мое убеждение. Просто всего этого слишком много.

Это не то, что он ожидал. Плохой парень пошел бы к телефону или наставил бы пистолет на невинную жену. Плюс Барклай тот, кто, как все думают, управляет этой операцией. Я просто какая-то девушка из другой вселенной, которая застряла в этом.

Пристальный взгляд директора переходит от Барклая ко мне, хоть не надолго. Он не глуп - он знает, кого он должен не упускать из вида.

- Послушайте, я знаю, что вы слышали. Что Барклай изменник, что я сбежала из тюрьмы, и что Бен... - мой голос надламывается. - Что Бен Майлз работает с рынком по продаже людей. Истина заключается в том, что все это ложь. Это прикрытие, потому что есть нечто гораздо более серьезное.

- Директор Франклин, сэр, - говорит Барклай. - Пожалуйста, просто выслушайте нас. Позвольте мне объяснить все, что произошло. Если вы все еще будете думать, что мы виновны, то мы охотно пойдем под стражу.

Я не смотрю на Барклая. Я не хочу показать то, что я знаю, что это вообще не план. У нас есть запасной выход на случай, если директор участвует в заговоре или не поверит нам.

Но ему не нужно это знать.

Я смотрю на директора, поскольку он решает, что делать.

С одной стороны, Барклай доверяет ему, даже любит его, а с другой, он тот, кто подписывает документы, чтобы казнить людей - я не могу поверить, что этот парень, который готов казнить невинных людей из-за их связи с тем, чья вина даже не доказана, может быть одним из хороших парней. Должны быть какие-то пределы.

Хотя я стараюсь не думать об этом. В противном случае я остановлюсь на том, что мы находимся здесь, пытаясь получить его помочь, и я не понимаю, как мы можем действительно продолжать верить в этого парня.

Он кладет телефон в карман и смотрит на Барклая. - Заходи внутрь, Тейлор.

Я слышу голоса из другой комнаты, кто-то смеется, а потом зовет, - Кит! Анна Мария! Что там у вас?

Я смотрю на Барклая, и я не удивлена, что вижу шок в его глазах и путаницу на лице. Потому что я узнаю этот голос. У меня уходит минута, чтобы определить его, но потом я вспоминаю, что она пригласила его на обед в ресторане с лучшим видом в городе.

Это губернатор.

- Ужин с гостями, - говорит нам директор. Он развлекался в то время как мои друзья умирали. Глядя на свою жену, он говорит, - Не могла бы ты сказать Ханне и Мэйкону, что я буду через несколько минут?

- Конечно, - говорит она, кидая на нас настороженный взгляд и проходя по дому.

Надеюсь, нескольких минут будет достаточно.

00:15:28:19

Директор ведет нас в комнату, которая могла бы быть его библиотекой или домашним офисом, и закрывает за собой дверь.

Он скрещивает руки на груди. - У вас есть пять минут.

Барклай рассказывает ему все.

И когда я говорю все, я имею в виду, что он не оставляет недосказанным какую-либо часть. Он начинает с материалов дела того времени, когда он встретился со мной и Беном - как мы помогли ему разобраться, вроде бы. Он объясняет, как он наткнулся на рынок торговли людьми, насколько это было сложнее, чем одна похищенная из своей Вселенной девушка. Он подробно излагает свои подозрения о смерти Эрика и участии АИ.

Барклай даже не оставляет в стороне то, что мы двое сделали, что является нарушениями закона. Как и то, что каждый из нас убивал людей.

Это занимает больше времени, чем пять минут, но директор не останавливает Барклая и не смотрит на часы. Вместо этого он садится, в то время как Барклай рассказывает ему про трех парней, которые ворвались в его квартиру.

После объяснений Барклая о том, что мы нашли в центре обработки, он замолкает.

- А у вас есть этот компьютер?, - спрашивает нас директор.

- Я отправил письмо с файлами по электронной почте всем в АИ, в том числе и вам, - говорит Барклай.

Директор встает и движется к своему компьютеру, включая его. Пока я жду, чтобы он открыл свою электронную почту и прочитал файлы, что мы послали, я не могу помочь, задерживаю дыхание. Вот оно - то момент, когда мы узнаем, будет ли он прислушиваться к нам или нет.

Его глаза расширяются, когда он читает. - Тейлор, это не может быть правдой...

- Это правда, сэр, - говорит Барклай, склонившись над ним и показывая пару вещей на компьютере. - Записи начинаются в 1995 году и продолжался вплоть до вчерашнего дня. Это полностью завершенные операции.

Директор снимает очки и трет глаза.

Барклай кивает. - Но это еще не все. И сэр, это хуже.

Директор поднимает брови. - Хуже? - спрашивает он. - Что может быть хуже?

Барклай сглатывает, и я знаю, что он собирается сказать. Он собирается показывать пальцем на правую руку директора. - Сегодня Бен Майлз отправился в офис с доказательством. Он привел с собой девушку, которая была похищена, в качестве свидетеля. Они говорили с заместителем директора Стразински. Они рассказали ему все, и показали ему доказательства, которые мы бы получили от торговцев.

- И он стрелял в них, - говорю я, прежде чем могу остановить себя. Лучший друг меня покинул, а парень, которого я любила, ушел. Я не собираюсь приукрашивать ситуацию.

Директор смотрит на меня, его глаза слегка расширились, губы приоткрылись. Сейчас он удивлен. - Это произошло сегодня? Когда...

- Час назад, - говорю я.

- В штаб-квартире? - он смотрит на Барклая. - Никто не звонил.

- Заместитель директора Стразински участвует, - говорит Барклай. - Он собирался скрыть доказательства. Я слышал все это через чип, который носил сегодня.

Директор смотрит вниз. Он в шоке, и его мозг пытается переварить то, что он только что услышал. Но он не говорит нам убираться или арестовывает нас, это означает, что некоторые из его воспоминаний размахивают красными флагами, говоря ему, что это на самом деле имеет какой-то смысл, что были знаки о Стразински, признаки, указывающие на это.

- Сэр, пожалуйста, - говорит Барклай. - Я призываю вас тщательно подобрать людей для рабочей группы. Нам надо выдвигаться сегодня, пока у нас еще есть шанс попасть в Черную дыру и найти доказательства, которые нам нужны, пока кто-нибудь не уничтожит их. Мы не можем позволить, чтобы они перенесли это в другое место.

Директор берет свой телефон снова. Он быстро набирает и держит его возле уха.

Я смотрю на Барклая. Я не уверена, что это означает. Телефонный звонок может быть потому, что он верит нам и собирался последовать предложению Барклая и учредить рабочую группу, или это может означать, что он собирается нас арестовать.

Я просто замерла, затаив дыхание. Я не смогу принять это, если другой человек, которому мы думали, что можем доверять, откажется от нас. Если директор участвует в заговоре, нам конец. Нет более неожиданных ходов или последних отчаянных вариантов.

Хуже, если он замешан, мы в ловушке.

Что означает, если мы собираемся бежать, мы должны сделать это прежде, чем другие люди прибудут сюда.

00:14:43:54

Директор вызвал специального агента Роберта Барнса и поставил его на громкую связь. Он просит Барнса открыть письмо Барклая, и говорит ему, что собирается запустить операцию. Они будут нуждаться в рабочей группе, чтобы отправиться в Черную дыру и закрыть ее. Им понадобится команда из тех людей, которые смогут расшифровать компьютерные файлы, которые извлек Барклай, и разобраться в доказательствах.

Затем он рассказывает ему о Стразински и других людях в АИ, которые могут быть вовлечены.

На линии Роберт Барнс клянется. - Стразински был потерян из виду после стрельбы сегодня днем. - он продолжает рассказывать то, что всем в АИ сказали, что произошло. Двое подозреваемых ворвались, напали на заместителя директора, и скрылись.

- Они бежали? - прерываю я. Мое сердце как будто в горле, и я задыхаюсь. Я боюсь надеяться. - Значит ли это, что они все еще живы?

- Команда вышла после них, но не выносила никаких тел, - говорит он.

Барклай вскакивает, чтобы объяснить, что он слышал через передатчик. Хотя я с трудом могу слушать слова. Бен и Сесиль живы. Облегчение поражает меня. Они, вероятно, снова в больнице, ждут нас и интересуются где мы.

- Сэр, могу ли я также предложить Хейли Уокер, - добавляет Барклай. - Я ее хорошо знаю, и могу поручиться за то, что она тут не причем.

- Я разрешаю ее переназначение, - говорит директор. - Сделайте звонки, все подготовьте, и давайте встретимся в комнате совещаний на 0600.

- Семья Бена, - говорю я, подпрыгивая прежде чем он повесит трубку. - Они были посажены в тюрьму. Они должны быть казнены завтра утром, но они невиновны.

- Это правда, сэр, - добавляет Барклай. - Были заказы на людей, которые будут задержаны и казнены.

Директор кивает и говорит в трубку. - И Роберт, ты оформишь приостановление на казни, назначенные на завтра, и проверишь предписания для тех, кого Стразински отправил в Поршень.

Узел в моей груди развязывается. Я думаю о том, каким бледным было лицо Дерека, в синяках и распухшее, когда он сказал мне бежать, и о том, как я обещала вытащить его, когда стучала в его дверь.

Я должна быть уверена в успехе, пока еще не слишком поздно.

- Тейлор, ты должен был прийти ко мне в самом начале, - говорит директор после того, как повесил трубку. - Ты один из лучших агентов, которые у нас есть. Я бы выслушал твои подозрения.

- Такой подход дал Эрику много хорошего, - говорю я, потому что давайте будем честными, именно поэтому он мертв.

Барклай напрягается, и я знаю, что должна чувствовать себя плохо. Может мне не стоило вспоминать Эрика - может быть, я должна быть благодарна, что директор верит нам, но я ничего не могу поделать. Он мне не нравится. И хотя кажется, что он не грязный, я все равно не доверяю ему. Неужели он не знал, что семья Бена была незаконно заключена? Или он не волновался, потому что цель оправдывает средства? В любом случае, это неправильно. Он глуп или безнравствен - оба качества делают его непригодным для АИ.

Барклай делает глубокий вдох. - Я не знал, кто в этом участвовал, и даже если бы я это сделал... Если бы я пришел к вам с подозрениями, но без доказательств, что ваш заместитель и ряд других людей, имена которых я даже не знаю, были задействованы в контрабанде, вы бы мне поверили? Прягнули бы в расследование?

Директор откидывается, и я вижу, что он думает об этом, и решает, что мы правы, он не поверил бы, что это его собственные сотрудники - он все еще не может поверить, несмотря на то, что Барклай рассказал ему и несмотря на то, что он знает, это правда.

- Хорошо, мы собираемся расследовать это сейчас, - говорит он.

На секунду, я думаю это действительно все, что хоть я и не люблю этого парня, мы сможем переместиться обратно в больницу, найти Бена и Сесиль и пойти домой.

Мы могли бы выиграть.

Но это даже не близко к тому, чтобы закончиться.

00:14:41:27

Дверь открывается.

Губернатор заходит с бокалом вина в руке, в окружении двух ее телохранителей. Ее щеки зарумянились, а глаза остекленели, и она кажется

почти легкомысленный, словно не может удержаться от улыбки. Телохранители кажутся незаинтересованным, как и должны большинство телохранителей.

- Кит, что ты здесь делаешь? - говорит она. - Может ты, возможно, возьмешь отгул? Мы уже открыли Бордо.

- Ханна, это просто займет еще несколько минут, если вы могли бы извинить нас, - говорит он.

Затем она видит Барклая.

- О, Тэйлор, ты пришел, чтобы пообедать с нами? - говорит она.

Что-то не так в этом. Даже если она легкая, сколько она действительно смогла выпить за час? Плюс, если она потеряла рассудок, она должна быть в состоянии видеть, что есть некоторое серьезное дерзко, происходящее в этом офисе прямо сейчас. Если она хотела знать, что происходило, она могла просто спросить. Я не понимаю, что у нее на уме.

Пока я пытаюсь разобраться с мыслями в моей голове, я слышу двигатель автомобиля, и мы кратко освещаемся слепящим светом фар, подъезжающих к дому.

Я знаю, что не так.

Но я опаздываю, и я знаю это.

Я тянусь за пистолетом за моей спиной, но оба телохранителя достают свое оружие, уже готовые, и направляют в мою сторону. - Не думай об этом, дорогая, - говорит губернатор, ее поведение полностью изменилось. Сейчас она жесткая и трезва как стеклышико. Трансформация заставляет ее выглядеть как совершенно другой человек, и я понимаю как я ошибалась, недооценивая ее.

- Ханна? Что... - директор, видимо, на шаг позади меня.

- Слушай внимательно и делай, что я скажу, - говорит она. - Мэйкон держит пистолет у рта бедной Анны Марии, и она никогда ему особо не нравилась. Положите ваше оружие на пол. - она смотрит прямо на меня, поэтому я делаю это первой. Может быть, она пропустит кого-то еще. Она поворачивается к Барклву, и он убирает пистолет за спину и роняет его на пол. Она пинает его подальше от него и добавляет: - Все пистолеты.

Он достает другой пистолет из кобуры на лодыжке. Любое преимущество, которое мы, возможно, имели, пропало.

Губернатор согнувшись и подбирает пистолет Барклая. Когда она встает, то улыбается ему. - Я всегда знала, что ты тот, кто наблюдает, Тейлор. - затем,

прежде чем я могу осознать, что происходит, ее хватка на пистолете изменяется и она делает три выстрела.

Прямо в грудь директора Кита Франклина.

Он умирает прежде, чем его тело падает на землю.

00:14:38:25

Это как будто весь воздух был высосан из комнаты. Я просто замираю, уставившись на тело директора на полу рядом со мной. Из всех возможных сценариев, которые мы проработали, когда направлялись сюда, это был тот, который я не ожидала увидеть.

Хлопнула входная дверь, и тот, кто находится в подъехавшей машине, присоединился к вечеринке.

Мои глаза переходят на Барклая, но он явно шокирован, как и я - он просто смотрит на губернатора.

Я смотрю на нее, готовая на любой риск от ее следующего шага, но она не смотрит на меня. Ее телохранители по-прежнему держат свое оружие наведенным на нас, но она смотрит на дверь, в которую входит человек.

Я видела его раньше.

Он высокий и долговязый, но с характерным телосложением. Его одежда не что-то броское или темное, ничего говорящего, что он совсем не обычный парень. Его лицо жесткое, и что-то в нем кидает меня в тот же озноб, что я получила, когда я впервые увидела его. Его светлые волосы, сбриты близко к голове, и это усиливает эффект, что он был в значительном количестве боев, и он не такой парень, чтобы с ним связываться.

Когда его глаза сосредотачиваются на мне, он делает паузу, глядя вниз, но никаких эмоций не пересекает его лицо, а дрожь перемещается вверх по моему позвоночнику.

Я не нуждаюсь в представлении. Я знаю, кто этот парень.

Константин Меридиан.

Последний раз, когда я его видела, он был с охранниками, тянувшими Дерека Майлза из камеры, на его рубашке была кровь.

Несколько парней входят позади него. Они в том же духе, возможно немногого более потрепанные, но не так страшны.

- Кстати о времени твоего прибытия, - говорит губернатор. - Я пыталась дозвониться тебе весь день.

Он игнорирует ее и машет одному из своих мужчин. - Обработайте их.

Губернатор начинает говорить ему, но я не слушаю ее. Он собирается сделать из нас Непристроенных. Эта мысль пробивается сквозь шок в моем мозгу и будит меня. Я не допущу, чтобы это случилось. Я, вероятно, в конечном итоге получу пулю, если попытаюсь бороться с этими парнями, но я не могу позволить им взять нас. Я делаю шаг назад, шаг в сторону Меридиана - хотя я не уверена, что собираюсь делать.

Я просто знаю, что мне нужно что-то сделать.

- Не надо, - говорит Барклай себе под нос.

Но я не прислушиваюсь. Вместо этого, я делаю еще шаг, и теперь я достаточно близко, чтобы Меридиан заметил мои перемещения.

- Думал, ты давно ушла, - говорит он.

На секунду я сникла. Я не понимаю что он говорит, а потом вспоминаю. Он знает моего двойника. Он никогда не смотрел внимательно на ее или уделял достаточно внимания ей, чтобы осознать, что я другая. И, может быть, в этом есть смысл - она ушла, вместо того чтобы остаться и попытаться принять его. Но он не знает, насколько я другая.

Я могу использовать это. Я могу сделать что-то неожиданное, застать его врасплох.

- Ты думал, что я была мертва? - говорю я.

Он пожимает плечами. Это уклончиво. Ему наплевать - он просто думал, что ее здесь не было.

Я размахиваюсь и ударяю его в лицо.

00:14:34:19

Мой кулак соединяется с левой стороной его лица, и такое чувство, что я только что ударила руку о кирпичную стену. Боль пронзает мою руку, но я не останавливаюсь. Я направляю колено в его промежность и достаю оружие из-за его спины.

Стекло разбивается у меня за спиной, несколько криков двигаются по комнате, и Меридиан ворчит. И когда мои пальцы проносятся мимо оружия, я думаю, что у меня могло бы быть оно, но затем я чувствую резкую боль в голове, и грубые руки тянут мои волосы назад, затем толкают меня вниз на колени.

Я чувствую холодный металл напротив своего виска и запах пороха.

Меридиан тянется вниз и хватает меня за подбородок, заставляя мое лицо подняться к нему. Парень не сбавляет хватки на моих волосах, и я чувствую, как некоторые из них вырываются из моей головы.

Меридиан качает головой, его рука падает. - Ты не та, кто я думал, - говорит он тихо.

Что-то в спокойствии его голоса заставляет меня вздрогнуть. Его внимание прямо на мне сворачивает мой живот и заставляет мою кожу чувствовать некомфортно. Я не хочу чтобы он прикасался ко мне снова.

Он этого не делает. Вместо этого, я вижу как его рука спускается.

И боль взрывается в моей голове.

00:09:06:30

Когда я просыпаюсь, у меня худшая головная боль в моей жизни - отвратительно.

И мое лицо чешется.

Я ничком на бежевом ковре, а мои руки закреплены за моей спиной. Я не могу сказать, как долго была в отключке, но не думаю, что это настолько же плохо как некоторые из других моих травм на этой неделе. С другой стороны, мои руки еще не окоченели, значит они не были в таком положении слишком долго.

- Если мы их не найдем, мы будем выманивать их, - говорит женский голос. - Конечно, вы понимаете концепцию. - это губернатор.

Оттуда, где я нахожусь, я не вижу ее - я не могу видеть большую часть всего.

На долю секунды, я рассуждаю, стоит ли мне передвигаться, проверить мои пути, проанализировать, где мы находимся и, возможно, рассказать то, с чем я пришла, или просто полежать здесь. Второй вариант гораздо более привлекательный для моей больной головы. Это также кажется безопаснее. Я меньше рискую попасть под удар снова, меньше шансов получить прямой выстрел, меньше шансов привлечь к себе внимание.

Но что получу в итоге?

Что бы ни случилось, я, вероятно, буду в конечном итоге в том же месте.

Мертвый.

Я немного смещаюсь и поворачиваю лицо в сторону, так у меня есть обзор на комнату. Я еще не готова погибнуть в бою. Через мое нечеткое зрение, мне

удалось разглядеть книжные полки, прикрепленные к стене. Позади меня стол. В другом конце комнаты есть дверь. Она частично открыта, и девушка - вероятно, моего возраста или немного старше, с каштановыми волосами, сидит за столом, перед высокотехнологичным компьютером. Ее нос с горбинкой и половина ее лица это черный и синий с относительно свежими синяками. Она выглядит так, будто либо получила с лету мячом или кулаком в лицо. Я не должна быть слишком творческой, чтобы предположить последнее.

Рядом с моими ногами еще один парень, который связан, в сознании и сидит прислонившись спиной к стене. Его избили довольно сильно - его лицо покрыто кровью, засохшей и свежей. Он фыркает, пуская брызги крови из носа, и я понимаю, что это Барклай. Он не совсем близко ко мне, чтобы прикоснуться к нему.

- Это ваша работа, чтобы справиться с этим, вы оба, - говорит мужской голос. Я думаю, что это Меридиан, но я не совсем уверена.

Я не могу видеть его - или любого из людей, говорящих с ним вполголоса. Если мне не повредили уши, то они должны быть как минимум в комнате подальше от нас, потому что я могу слышать их, только когда их голоса поднимаются.

Девушка за компьютером смотрит на меня. Наши глаза встречаются, и она знает, что я очнулась.

00:09:01:21

Она смотрит на дверь и снова на меня. Она думает - пытается принять решение о чем-то. Я вижу это на ее лице, как ее губы прижимаются друг к другу. Я просто не знаю, что она задумала.

Мой пульс ускоряется. Он чувствуется будто стучит прямо в ухе напротив ковра. Я смотрю на Барклая, чтобы увидеть, смогу ли я привлечь его внимание, но он закрыл глаза. Он либо в отключке, либо ему слишком больно, чтобы сосредоточиться.

Девушка встает из-за своего стола и движется к двери, разделяющей наши комнаты. Она в джинсах и белом свитере. Если бы у нее не было синяков, она бы выглядела так нормально. Это заставляет меня задаться вопросом, что она здесь делает. Как она была втянута в это.

Она медлит и смотрит на дверь в коридор - в направлении откуда слышны голоса.

Никого нет в поле зрения.

Она мчится к моей стороне, кладя свои руки под мое плечо и бедро, поворачивая меня немного - как раз таким образом, что у меня есть лучший вид на то, что происходит, а затем она прикладывает шариковую ручку к моим

рукам. - У меня нет больше ничего, - шепчет она, ее внимание все еще на дверном проеме.

- Сколько их там? - я не уверена, что могу действительно что-то сделать с ручкой, особенно если я все еще обездвижена, но если я собираюсь сделать что-нибудь, мне нужно знать как много.

- Прямо сейчас? - говорит она, кусая губы. - У них всегда есть четверо парней, которые вроде Секретная служба или что-то такое. Губернатор и ее муж, я имею в виду. Сегодня вечером ее кузина здесь. У него было несколько человек с ним, но он отослал их. Хотя они наверняка вернутся. И затем появился этот новый парень.

- Поэтому в лучшем случае их восемь, - говорю я. Не хорошие шансы. - В худшем случае, может быть, двенадцать?

Она кивает.

- Где мы?

Ее голова наклоняется чуть, и она говорит, - Дом губернатора Ворс.

Я уже догадываюсь о многом. - Нет, я имею в виду планировку дома, где мы? - наш лучший шанс, возможно, попытаться сбежать, пока они думают, мы все еще в нокауте.

- Второй этаж, - шепчет она. - Возле задней части дома.

Не то, что я хотела услышать. В состоянии, в котором мы находимся, мы трое не сможем спрыгнуть со второго этажа и потом встать и побежать, и мы, очевидно, слишком далеко от двери.

- Я думаю, что они идут, - говорит она, и как встает, ее левая рука движется мимо моего лица. Она носит золотое кольцо на безымянном пальце, и она потеряла большую часть ногтя на большом пальце.

Слова срываются с моих губ прежде, чем я слишком много думаю об этом. - Как тебя зовут?

Она оглядывается и улыбается. - Рене, - говорит она, а затем проходит через дверной проем и обратно к своему столу, глядя в компьютер.

Каштановые волосы, чуть больше двадцати, половина ногтя и порванная простынь месте происшествия, Рене.

Сесиль говорила, что Рене Адамс работала с компьютерами где-то в центре, но согласно ее начального файла, который мы нашли, она работала над

сортировкой временных рабочих мест в течение дня, а большинство остального времени проводила дома за компьютером.

В разные времена работала в крупных компаниях - тех, что с большими базами данных и информацией, которая потенциально может стоить что-то. Если бы я не была связана или лежащей на полу, то я искала бы, подавали ли те компании когда-нибудь иски об украденной информации. Я изучила бы банковские счета Рене Адамс и видела бы, какие крупные вклады были проведены.

Я наблюдаю как она делает что-то в компьютере и слышу, как кто-то говорит, - Как вы по возможности собираетесь разрешить это? - и я стараюсь игнорировать тот факт, что узнаю этот голос где угодно.

Это может напрягать, но я не удивлюсь, если Рене Адамс кто-то вроде компьютерного хакера.

Более важный вопрос, конечно, в том, какую работу она делает для губернатора.

Но я не успеваю спросить, потому что она была права. Кто-то идет.

Сейчас они здесь.

00:08:55:26

Это Меридиан, сама губернатор, двое ее телохранителей и заместитель директора Райан Стразински.

Я нажимаю шариковой ручкой на свои оковы, но это провод, а не веревка, и ручка не сделает ничего. Я засовываю ее в свой рукав. Это все еще может быть единственным оружием, которое у меня будет.

Через тяжелые веки я отслеживаю движения Меридиана и губернатора. На основе расположения - телохранители находятся по бокам от ее, а злой Страз отстает от них - они одни ответственные.

Они все еще спорят. - Позаботьтесь о девушке, а я разберусь с Тейлором, - говорит губернатор.

- Я могу использовать ее. Она достаточно красива - в ней ничего особенного - но все же. Кто-нибудь заплатит сколько-то за нее. Вот этот... - он пинает ногу Барклая. - Он будет просто неприятностью.

Горло сжимается, когда я понимаю, что именно они обсуждают.

Что делать с нами.

В частности, должны ли они убить нас. Если мои варианты смерть или рабство, я не уверена, за какой из них я проголосовала бы.

Они оба неприемлемы. Я не готова умереть - я обещала моему Стразу, что вернусь домой к моей семье. И я конечно не собираюсь отправляться в какой-то другой мир, где моя свобода будет вырвана из меня любым способом, который лучше всего сработает.

Я пытаюсь немного пошевелить руками в наручниках. Проволока впивается в мои запястья, но я имею некоторую свободу действий. У меня маленькие руки - если я смогу сжать их, сделать их немного меньше, возможно, я смогу выскоцить одной из них.

- Я могу контролировать его. - губернатор смеется. - Он такой же, как Райан, умен, амбициозен и голоден. Мы просто должны выяснить, чего он хочет.

- Ты проделал такую превосходную работу до сих пор, - говорит Меридиан.

Следует пауза, и они должно быть ожидают решения злого близнеца Страза, потому что он говорит: - Не смотри на меня. - его голос слабый, сухой и уставший. - Просто делай то, что собирался сделать.

Меридиан смеется. Это не маниакальный злой смех или что-то такое, но это холод, как будто он смеется потому что должен, а не потому что он понимает юмор. Я дрожу и сильнее сосредотачиваюсь на наручниках. Я стараюсь сначала достать свою левую руку - провода, несомненно, порежут ее в нескольких местах, но это освободит мою правую руку - рука просто нужна мне невредимой.

- Ты разыгрываешь невинную карту так хорошо, - говорит Меридиан. - Особенно для кого-то, экспериментирующего на детях.

- Я никогда не говорил, что был невинен, - говорит заместитель директора, смиренение в его голосе выходит как позор.

- Достаточно. - губернатор пересекает комнату, подходя к Рене Адамс и компьютеру. - Тейлор не был проблемой, пока не встретил ее. Девушка плохо влияет на него. Просто убейте ее, а с ним я разберусь.

Тишина.

Я желаю сесть и назвать это чушью. Сказать ей, что я была простым нормальным школьником подростком с плохим отношением, пока Барклай не появился - что именно Барклай пришел в мой мир и попросил у меня помощи. Я даже не хочу быть здесь, в этом дурацком мире с его нелепыми небоскребами и людьми, которые проводят свою жизнь в ста футах над землей, будто они лучше, чем все, кто под ними.

Но я остаюсь неподвижной и позволяю своему негодованию обернуться вокруг меня - позволяют ему стабилизировать мои руки и, тем не менее, мое тело. Я держусь за него так, что это держит мой страх на расстоянии.

Как плохо ни было бы рабство, но я оставалась бы живой.

Молчание затягивается. Ни один из мужчин в комнате не озвучивает каких-либо протестов, как будто все аргументы закончились.

А почему бы не протестовать? Меридиан может подумать, что это пустая трата - убить меня, особенно если он может получить определенную сумму денег за меня в качестве раба, но не было доказательств, что я не буду всегда слабой и он, вероятно, уже получил достаточно денег.

Я перевела глаза Барклая, желая, чтобы я могла дотянуться до него и попытаться разбудить каким-то образом. Но когда я вижу синеву его глаз сквозь кровавую и опухшую кожу, я понимаю, что мы в одной лодке. Он тоже слушал и притворялся, будто в отключке.

Я стараюсь общаться с ним. Я стараюсь сказать ему, сейчас или никогда, своими глазами. Моя единственная надежда, что он вдобавок понял как выбраться из своих наручников.

Я не уверена получил он сообщение или нет. Он слегка трясет головой, что бы это ни значило.

- Итак? - говорит губернатор.

- Как насчет того, чтобы просто убить их обоих? - говорит Меридиан.

Она надувает губы, но не возражает.

Мои руки липкие и теплые от крови, но я думаю, что смогу их вытащить. Если я собираюсь сделать что-нибудь, это будет прямо сейчас. Я не позволю Барклаю или себе умереть, не сделав хоть что-нибудь.

- Поднимите ее - говорит Меридиан, и один из телохранителей появляется передо мной. - Что? Вы пристрелите ее пока она в отключке? - он фыркает. - Где же тут веселье?

00:08:50:59

Телохранитель подсовывает руки под мои подмышки. С закрытыми глазами, я представляю себе комнату и все в ней.

Дальше всех от меня, около шести или семи футов, губернатор и один из ее телохранителей. Рене Адамс с ними в другой комнате.

Злой близнец Страза задерживается у двери, на расстоянии приблизительно в пять футов.

Меридиан находится прямо передо мной, не более чем в нескольких футах, но только вне моей досягаемости.

Когда телохранитель поднимает меня вверх, я задерживаю дыхание и дергаю левой рукой в наручниках.

Боль сильнее, чем я могла себе представить. По крайней мере три слоя кожи примерно на половине моей руки отрываются, горячая кровь льется от моего запястья до кончиков пальцев, а я издаю какой-то ужасный визг.

Но мои руки свободны.

00:08:49:57

Я открываю глаза.

Телохранитель пытается подпереть меня к столу. Меридиан находится позади него, его лицо пустое.

Я перекладываю правую руку и даю шариковой ручке выпасть из моего рукава и попасть на пальцы.

Я делаю глубокий вдох и думаю о своем папе, на что он бы пошел, чтобы держать меня в безопасности. Я думаю об Алексе и как он на меня посмотрел, когда я попросила его пойти со мной на курсы самообороны, как он сказал, я в деле. Мы не позволим кому-либо причинить тебе боль снова. Я думаю о Сесиль и как она настояла на том, чтобы идти в АИ с нами, как она сказала, что занималась своими делами, и какой-то мудак с ужасным дыханием схватил ее, сунул иглу в руку, и протащил через черную дыру.

Меридиан выхватывает свой пистолет и стучит им по бедру.

Я думаю о Бене, его семье, которая все еще может быть казнена завтра, как он может быть мертв или истекать кровью где-то.

И я говорю себе, что либо моя жизнь либо этот парень, и я имею полное право делать все, что в моих силах, чтобы убедиться, что это не я.

Я меняю свою хватку на ручке, поэтому стержень обращен наружу.

Я говорю себе, что независимо от того, что я делаю сейчас, это не делает меня такой плохой, как они.

Телохранитель поворачивается к Меридиану. Его губы раскрываются, словно он хочет что-то сказать, но я не даю ему шанса. Он не обращает внимания, я замахиваюсь своей правой рукой и двигаю ручкой прямо в его правый глаз.

00:08:46:56

Телохранитель кричит, роняя мне, и хватается за глаз. Я двигаюсь вместе с ним, используя его тело как щит, когда тянусь за пушкой под его пиджаком.

За криком, кричит кто-то еще - или несколько человек кричат друг на друга, но я понятия не имею, кто что говорит, что и мне плевать.

Мои пальцы сомкнулись на металлической рукоятке ручки, и я вытаскиваю пистолет и поворачиваюсь к цели. Я не продумала кто именно должен быть целью. Но мне и не нужно.

Какой-то инстинкт самосохранения заставляет меня.

Меридиан является мишенью. Губернатор только думает, что она главная - он самый опасный человек здесь.

Я слышу выстрел, когда мой палец сжимает курок.

Но моя правая рука вдруг перестает работать. Она падает на мою сторону, а пистолет выскользывает из моих пальцев.

В замешательстве, я смотрю на руку. Когда я вижу как кровь хлещет через рубашку, покрывая мое плечо, я чувствую боль.

Кто-то ругается, я смотрю вверх и вижу что не я одна истекаю кровью. Я получила выстрел, но это было плохо. Похоже, все, что я сделала, это задела плечо Меридиана.

Он хватает меня за горло и толкает к стене. Сильно.

Но он не останавливается на этом. Он расслабляет хватку и хлопает меня обратно по стене снова и снова. Слишком много раз, чтобы сосчитать. Боль от каждого удара головой о стену чувствуется будто что-то взрывается напротив меня. Я стараюсь пнуть или поцарапать его, но мое тело как будто бесполезно. Я причинила слишком много вреда себе, и у меня нет никаких средств. Все, что мне удастся сделать, это вытереть часть крови из моей левой руки об его лицо.

С его пальцами, сдавливающими мое горло, и весом его руки на моей трахее, я быстро теряю воздух. Чёрнота обрамляет мое видение, когда я собираюсь упасть в обморок, и несмотря на то, насколько я слаба, я тянусь, обертывая свои пальцы вокруг его руки, пытаясь оттянуть его от своего горла.

Вдруг он останавливается, его хватка слегка расслабляется, и когда воздух врывается в мои легкие, мое видение рассеется, я понимаю, что телохранитель все еще кричит.

Меридиан поднимает руку, и, не говоря ни слова, стреляет три раза в грудь парня, и крик прекращается.

- Что... - кричит губернатор.

- Продолжай шуметь и я застрелю тебя тоже, - говорит он.

Она закрывает рот, но так же не собирается принимать угрозы от него. Похоже, она хочет что-то сказать.

Но она не получает шанса.

Крик приходит снизу, затем сноп выстрелов.

00:08:41:27

Двое мужчин приводят Элайджу и Бена. Мое дыхание перехватывает при виде их. Я не успеваю удивиться, что они тут делают вместе или почему Элайджа покинул больницу. Я просто так рада видеть Бена в живых, что это затопляет мое тело и заставляет меня чувствовать себя слабой и теплой.

Их руки удержаны за спинами. Я жду кого-то, кто приведет также Сесиль, но ее нет. Я не уверена, что это значит. Она может быть в безопасности в больнице; она может быть где-то в доме; она могла получить травму где-то или еще хуже.

Я смотрю на Бена.

Положение, в котором мы находимся, - что мы оба, скорее всего, будем убиты - не важно. Он не в крови или без сознания или в тюрьме АИ, и видя это, во мне появляется надежда.

- У нас произошла ситуация. - парень, который говорит, выглядит на шестьдесят, и он не носит форму телохранителя как в Людях в черном. Он должно быть муж губернатора.

- Мы потеряли кого-нибудь? - спрашивает губернатор. Ее муж кивает.

Губернатор машет телохранителю, который был здесь. - Иди с ним, - говорит она перед тем, как она повернуться к новому. - Ты останься.

Губернаторский муж и один телохранитель покидают комнату, оставив Меридиана, саму губернатора, одного оставшегося телохранителя и злого Страза, который был до странности тих. Если я не собиралась умирать, я бы акцентировала внимание на том, что нас четное количество.

Я смотрю на Бена. Он смотрит на меня, и я думаю о том, что он сказал - как большинство его решений крутится вокруг меня. Должно быть, он ворвался в планирование, чтобы спасти меня, но допустил роковую ошибку.

Он не подготовился к тому, что если он собирается ввалиться сюда, то ему нужно было сначала нажать на курок, а задать вопросы позже, это значит, что он переместился прямо сюда с опасностью для жизни. И он попался.

- Что это? - говорит Меридиан.

Телохранитель губернатора явно не понял, что вопрос риторический. Он начинает рассказывать нам о том, что Бен и Элайджа пришли из ниоткуда и начали нападать на них. У него не было шанса, чтобы закончить.

Меридиан наставляет ружье сначала Элайджу, а затем он стреляет.

Элайджа хрюкает, отступает назад и резко падает на землю. Пуля прошла в большую ногу. Кровь течет и покрывает ткань его джинсов.

- Бен! - кричу я. Я не знаю, что я пытаюсь сделать, сказала ли я его имя, чтобы предупредить его, что Меридиан целится в него, чтобы сказать ему бежать или нечто совсем другое.

Но это не имеет значения.

Я не имею шанса закончить мысль.

Меридиан нажимает на курок два раза, одна пуля для каждой ноги Бена. Он хрипит от каждого удара и падает на пол, его лицо перекосило от боли.

Мое дыхание перехватывает в горле. Я должна что-то придумать, иначе мы все здесь погибнем.

Меридиан бросает свой пистолет на землю.

Я снова не могу дышать, только это не из-за Меридиана. Слезы жалят мои глаза, и я хватаю воздух. Все облегчение от наблюдении живого Бена и надежда, которая могла бы появиться, что мы были так близки - все прошло. И пустота, которую это оставляет после себя, сокрушительна. Теперь только Бен собирается убить себя.

- Подожди! - говорит Бен, когда оставшийся телохранитель губернатора хватает его за руки, тянет их за спину, и обматывает проволоку вокруг них. - Отпусти ее. Убейте меня вместо нее, - говорит он. - Я тот, кого вы хотите.

Я начинаю трясти головой, так как это ужасная идея.

Я не единственная, кто так думает. Меридиан говорит: - Зачем мне это делать?
У меня есть вы оба.

Он ужесточает хватку вокруг моего горла, и я возобновляю свою борьбу против него, когда он вытаскивает что-то из кармана, что выглядит как охотничий нож.

- Ты причинил мне много неприятностей, - говорит он Бену. - Теперь можешь смотреть как она умирает, прежде чем я убью тебя.

Он поднимает нож к моей шее.

00:08:36:27

Моя спина прижата к стене и стальное лезвие приставлено к моему горлу, некуда идти. Мои глаза обводят комнату еще раз.

Справа от меня стоит губернатор, скрестив руки на груди, дожидаясь моей смерти. За ней через дверной проем Рене Адамс прячется за монитором компьютера. Напротив меня мертвый телохранитель на полу завалился на бок, одной рукой все еще держась за глаз, куда я ударила его. Другой охранник стоит рядом с Барклаем, который прижат спиной к стене с гримаса на лице. Элайджа стоит на полу, кровь окрашивает его штаны. Он дышит нормально, хоть и косится на Меридиана. Не похоже что он собирается умирать. Злой близнец Страза все еще слоняется в дверном проеме.

И Бен.

Бен напротив меня, на своей стороне, его губы слегка приоткрыты, глаза распахнуты, борется с наручниками. Он выглядит слишком бледным, но я не могу видеть как много крови он потерял. Я пытаюсь сказать ему глазами, что это не его вина, что все нормально.

Если я двинусь неправильно, я вспорю собственное горло, а моя лодыжка все еще болит после толчка Барклая в метро. Нет необходимости пытаться вычислить мои шансы на побег, поэтому я заставляю себя остановиться.

Я встречаюсь глазами с Меридианом. Они близко, я могу видеть, что они неяркого зеленого цвета с вкраплениями золота - не тот цвет, который я бы представила для кого-то такого жестокого.

- Собираешься ли ты попробовать поторговаться за свою жизнь? - спрашивает он. - Предложишь сменить сторону?

Я не отвечаю. Я держу себя в руках и стискиваю зубы.

Вот оно.

00:08:36:17

Я слышала, что некоторые люди принимают свою смерть, когда она приходит - что это их время. Я никогда не понимала что до этого момента. Не то, чтобы я сдаюсь или подчиняюсь. Это будто я собираюсь сделать выбор: идти с гордостью.

На этот раз, когда моя жизнь проносится перед моими глазами, это не работа моих зрительных нервов, это не смерть, и это не Бен Майклз.

Это я.

Я помню маму, беременную Джаредом, на пляже, наш брошенный замок из песка рядом с ней.

Я помню лето, когда мне исполнилось тринадцать, когда в местном видео-магазине было специальное предложение на старые фильмы: четыре фильма, четыре дня, четыре доллара. Кейт и я позволили Алексу выбрать четыре экшн-фильма без сюжета, мы разложили спальники в моей гостиной и смотрели все подряд. Мы позволили Джареду смотреть с нами до тех пор, пока он не заснул, а затем рисовали инопланетян на его лбу нестирающимся маркером, ели попкорн и пиццу и пили спрайт до тех пор, пока Алекса не стошило от переедания. Затем мы катались на велосипедах в парке Блэк Маунтин и смотрели на восход солнца.

Помню, как вернулась к жизни на Торри Пайнс Роуд, силуэт Бена, наклонившегося надо мной, тепло его рук на моей коже. Его первое воспоминание обо мне, заполнившее мой ум - когда мне было десять, мой розовый в цветочек купальник, вытаскивающая его из воды, словно я какой-то ангел.

Я помню день рождения Джареда в этом году. Были только я, Страз и двое друзей Джареда, торт из коробки с соевым молоком и заменителем яиц и глазурью из банки. Мы сидели снаружи и передавали по кругу фонарик, рассказывая жуткие страшилки, какие могли придумать, пока не сел аккумулятор, а затем Страз удивил Джареда, заставив одного из пилотов вертолетов поднять его для быстрого полуночного облета.

Я помню свое первое свидание с Беном. Когда он отвел меня на закате на скалы и мы ели еду на вынос от Роберто и наблюдали за закатом над водой. Тепло солнца, запах океана и шум волн - впервые вкус Бена на моих.

Я помню своего папу. Как он приходил и читал мне, как только возвращался домой с работы, как он мог посещать все мои плавательные соревнования, не смотря на его работу, как он смотрел на меня каждый день - как будто излучал гордость.

И я помню тот день в Диснейленде. Запах попкорна и кусочек торта, яркие краски, воздушные шары, и маленькие дети на каникулах, которые смеются и кричат, Джаред и я жадно глотали хлеб с чили и мороженое Микки Маус, в очереди к Космической горе и дважды к Башне ужасов, затем смотрели шоу обучения Джедая и фейерверк в замке Золушки.

Я даже не моргаю когда наклоняю подбородок вверх и думаю, что я собираюсь оставить позади - в моем собственном мире и здесь, в Приме. Что-то теплое стекает по моей шее. Я оставила свой отпечаток на жизни всех людей, которых спасла - тех, кого Бен и Барклай и я освободили, тех, кого АИ сможет освободить, когда остановят Меридиана.

Я была здесь.

Я жила.

Я была значима.

Это хороший способ уйти.

- Это позор, что я должен убить тебя, - говорит Меридиан.

Он изменяет свою хватку на ноже, и прямо перед тем, как он вонзит его в мое горло, я притворяюсь, что могу видеть Бена перед собой, запах мыла, мяты, и бензина...

00:08:36:16

Кажется, что все происходит сразу.

Я на самом деле не замечаю что первое. Это просто набор шумов.

Мычание и какой-то булькающий звук.

Затем выстрел, и что-то теплое брызгает на мое лицо.

Крики, борьба, давление на мое горло исчезло, и еще один выстрел.

И еще.

Я коснулась своего лица, и моя рука покрывается кровью. Я наклоняюсь вперед и закрываю лицо руками, чувствуя все вокруг, но не могу сказать, что в меня стреляли. Кто-то хватает меня за плечи и поворачивает лицом к себе, крича что-то мне, но я не могу сосредоточиться на словах.

Борьба, чтобы восстановить ориентацию, я сосредотачиваюсь на комнате.

НА первый взгляд в этом нет смысла. Тело лежит на земле в луже крови рядом Беном, что-то торчит из его горла. Губернатор лежит ничком в скомканной

куче на полу. Так это Меридиан передо мной, а его лицо исчезло. Пуля застряла в стене в нескольких дюймах над моей головой. Человек, который не Страз, стоит передо мной, держа в руке пистолет. На секунду это выглядит будто оно направлено на меня, но потом я понимаю, что он просто держит его, держит его как человек, который только что использовал оружие и сделал что-то, на что, как он думал, был не способен, и теперь он в растерянности, что делать дальше.

Когда я вижу Барклай на полу, оружие в его руке, кровь, льющуюся из раны на его горле, Элайджу, подползающего к нему, я знаю, что произошло.

00:08:36:09

Барклай спас меня.

Он должно быть был в процессе освобождения, когда я начала свой пробег слишком рано. Вот что он пытался сказать мне - то, что он хотел, чтобы я знала.

Я была просто слишком сосредоточена и слишком высокомерна, чтобы обращать внимание.

Когда я переживала моменты своей жизни, с Меридианом, держащим лезвие у моего горла, Барклай заканчивал вырываться из наручников. Он схватил шариковую ручку из глаза мертвого телохранителя и вогнал его прямо в яремную вену живого, одновременно хватая его пистолет.

И прежде, чем кто-либо успел среагировать, он выстрелил Меридиану в затылок.

Но это элемент неожиданности, который он мог получить. У губернатора тоже был пистолет, и когда он обернулся на нее, она выстрелила в него.

Барклай убил телохранителя губернатора, а затем Меридиана. Губернатор выстрела в Барклай...

И кто-то выстрелил ей в спину.

00:08:36:08

Когда я смотрю на него, заместитель директора Райан Стразински поднимает свой пистолет.

Я прыгаю на Барклай, хватая пистолет из его руки и указываю им на последнюю угрозу в комнате.

Он может быть в шоке, но он не дурак. Его пистолет направлен на меня на долю секунды раньше, чем мой на него, а мое тело непроизвольно напрягается, будто это может как-то остановить пулю.

Но он не стреляет.

По крайней мере пока.

Мы застыли, направив друг на друга оружие. На этом расстоянии ни один из нас не упустит возможности выстрелить в голову, и эффект будет смертельным, без сомнений. Даже с задержкой реакции любого стреляющего, вероятно, в конечном итоге мы оба будем мертвые.

- Вы не должны делать этого, - говорю я, хотя я не уверен, почему. Мне нечего предложить взамен. Конечно двое его главных заговорщиков мертвые, но с нами на своей стороне, он еще мог бы уладить это. И я не собираюсь даже пытаться лгать ему о сохранении его причастности в тайне. Он никогда бы не поверил мне.

Глаза Стразински встречаются с моими. Он выглядит немного печальным, как будто не хочет делать того, что будет дальше, и я чувствую, как мышцы моей правой руки начинают трястись под напряжением.

- Все кончено, - говорит он.

Затем он поворачивает пистолет на себя и стреляет.

00:08:35:01

На долю секунды меня парализовал шок.

Тогда мой собственный пистолет падает из моих дрожащих рук, и я тянусь к Барклаю. Я не собираюсь просто позволить ему умереть у меня на руках.

Кровь везде.

Я пытаюсь остановить ее, надавив на рану, чтобы хоть как-то удержать кровь в его теле, но она пульсирует под моими руками, теплая и густая.

Я хочу сказать ему, что он идиот или дать пощечину. Это была самая глупая вещь, которую он когда-либо делал - влезть в это и взять на себя четырех человек с оружием. А Барклай из всех людей должен был знать свои шансы. Он должен был знать, что шансов не было.

Но то, как он смотрит в мою сторону, я понимаю, что он сделал. Он знал все это и все равно сделал свой ход. Он принес себя в жертву.

Чтобы спасти меня.

Это почти слишком много для длинного списка вещей, которых должно быть слишком много. Мое горло сдавливает, в глазах жжет, и я качаю головой. Все разы, что я была строга к нему и называла высокомерным придурком, не было

никаких сомнений, что Барклай был хорошим парнем. Без него Сесиль и другие Непристроенные были бы рабами всю оставшуюся жизнь. Без него я была бы в Поршне, ожидая казни.

Но это больше. Он верил в меня. Он делал все, чтобы защитить меня, чтобы убедиться, что я была в порядке. И теперь я никогда не смогу отплатить ему.

Я стараюсь унять дрожь в моих руках, так чтобы быть на самом деле полезной, и я смотрю на Бена, который ползет к нам, его кровь оставляет след на ковре.

Элайджа держит руки над животом Барклая. Его предплечья наполовину в крови. - Я не могу исцелить его!

Тогда Бен около меня, присоединяя свои руки к борьбе.

Я наклоняюсь к Баркллю, свободной рукой потянувшись к его лицу. Кровь на моих руках оставляет следы на холодной липкой коже его щеки, а слабое биение его сердца дрожит напротив моей кожи. Я задерживаю дыхание. Его глаза расфокусированы, его кожа бледная, а губы начали синеть. У него есть секунды, прежде чем он истечет кровью, а если Элайджа не может исцелить его...

- Теннер, - ворчит Барклай. - Пистолет...дверь.

- Ничерта не работает, - говорит Элайджа.

- Дверь, - повторяет Барклай напряженным голосом.

Я делаю то, что он говорит, не обращая внимания на протест в моих мышцах. Последнее, что нам нужно, это быть застигнутыми врасплох. Я помню, что Рене сказала о парнях Меридиана, посланных по поручению.

- Это работает? - я смотрю на Бена.

Он качает головой.

Мы были здесь раньше, и я отказываюсь иметь тот же результат. Меня не волнует насколько они уставшие и избитые, мы просто должны дать Бену достаточно времени, чтобы исцелить Барклая, так мы сможем выбраться отсюда.

И тут до меня доходит. Они не смогут исцелить его. Не в этом здании.

- Гидрохлораднеумовые щиты, - говорю я. - Вы не можете открыть порталы или исцелить его, пока мы внутри.

- Мы должны вытащить его отсюда, - говорит Бен.

Я вскакиваю на ноги. - Мы просто должны отойти достаточно далеко от дома...

- Теннер! - кашляет Барклай. - Я черт возьми умираю.

- Не волнуйся, мы...

- Я сказал, я умираю, Теннер. Ты не сможешь.

- Ты ведешь себя глупо, - говорю я, падая на его сторону, чтобы он смог увидеть меня.

- Окно, - говорит Бен, потянувшись к плечам Барклая. - Мы просто должны выйти на улицу. Мы сделаем это в любом случае.

Но Барклай тянет руку и сжимает мою. - Не играй в Бога, Теннер, - говорит он.

- Не будь приурком, - говорю я в ответ. Потому что он только начал нравиться мне, а теперь он твердо намерен умереть у меня на руках.

- Мы все еще можем сделать это, - говорит Бен.

Барклай кашляет в ответ и крови покрывает его нижнюю губу. Она кажется слишком темной, чтобы быть реальной.

Я открываю рот, чтобы сказать что-то еще, - чтобы попытаться убедить его каким-то образом, - но мое горло сжимается. Единственное, что выходит это - Пожалуйста.

Но я знаю, что уже проиграла.

Я смотрю на Бена, и он забирает пистолет из моей руки.

Барклай улыбается. - Пули, - говорит он.

Я оглядываюсь по сторонам. Я понятия не имею о чем он говорит.

- Гидрохлораднеум... - его голос стихает.

Я уже и забыла. Даже если бы мы вытащили из щитов, табельные пули АИ покрыты гидрохлораднеумом, они создают раны, которые нельзя исцелить их способностями. Элайджа испытал это на своей шкуре, когда Эрик подстрелил его прошлой осенью.

- Мы были хорошей командой, Теннер.

Я хочу сказать одной из лучших. Я открываю рот, но я не могу подобрать слов.

Барклай протягивает руку и я обхватываю ее. - Я не смог бы сделать этого без тебя. - слезы вытекают из моих глаз, они горят, когда катятся вниз по моему лицу.

Он кашляет снова, на этот раз появляется больше крови. Он бледный, даже призрачный, а я сжимаю его руку, как будто контакт с живым будет держать его с нами чуть дольше. Его пальцы перемещаются немного, а затем его рука - мертвый вес в моей.

- Джаннель... - говорит он, его глаза с трудом остаются сосредоточенными.

- Я здесь, - говорю я, поправляя голову так, чтобы он смотрел на меня. - Прямо здесь.

- Убедитесь. - его глаза закрываются.

- Что? - говорю я, слегка встряхнув его.

- Мой памятник.

И тогда я смеюсь и плачу одновременно. - Я прослежу за этим сама, если придется.

И тогда я знаю. Он ушел. Все, что сделало Тейлора Барклай тщеславным придурком, определило и довело его до точки одержимости - то, что сделало его моим другом - этого человека больше нет. Сейчас это просто тело.

00:08:28:57

Бен тянет меня к себе, и тепло его тела вокруг меня это просто слишком много чтобы выдержать. Мы оба были подстрелены, и мы оба истекаем кровью, но мы все еще здесь.

Мы живы.

- Я думала, ты умер, - говорю я и чувствую вкус соли от моих слез.

- Ага, так он и сделал, - говорит Элайджа.

- Я никогда тебя не брошу, - говорит Бен, его голос шепчет в мои волосы.

- Сесиль? - спрашиваю я.

- Бодрая, как всегда, - говорит Элайджа. - И снова с Непристроенным.

- Что произошло?

- Я рискнул, - говорит Бен. - Я пригнулся, когда я увидел пистолет, и первый выстрел пролетел мимо меня; второй задел руку. Еще два застряли в жилете. Я схватил Сесиль и мы побежал через ближайший выход: в окно.

- Но падение...

- Он думал, что это будет хорошее время, чтобы проверить эту силу открытия портала, - говорит Элайджа. - Пока они падали, он думал о больнице, открыл портал, и они, черт возьми, упали прямо в него. Ты веришь в это дерньмо?

- Вы пошли обратно в больницу? - говорю я. Мы должны были вернуться туда - мы должны были перегруппироваться, но у меня просто не было веры. - Я думала, вы были мертвые.

- Посадка была жестокой, и мы оба были в отключке на больничном полу.

Я сжимаю Бена крепче. Я все еще жду, что он исчезнет, чтобы проснуться и осознать, что я только вообразил, будто он еще жив. - Как вы узнали о нас?

- Парень был в отчаянии, чтобы найти вас, - говорит Элайджа. - Это было жалкое зрелище.

- Я не знаю, куда я хотел открыть портал, но я знал, что должен найти тебя. Вместо того, чтобы думать о месте, куда я должен был пойти, я открыл портал, думая только о тебе. Я не был уверен, куда приведет меня этот путь, но мы оказались на заднем дворе поместья. Он привел меня так близко к тебе, насколько можно было. Мы попытались проникнуть внутрь, но были пойманы охранниками на первом этаже. Остальное ты знаешь.

Я не могу в это поверить. Вопреки всем ожиданиям, мы могли бы выйти из этой комнаты. Нам удалось сохранить друг друга - снова.

- Мне не хочется вас прерывать, но мы должны убраться отсюда, - говорит Элайджа.

Я киваю напротив груди Бена. Кто знает, собирается ли парни Меридиана или когда вернуться сюда?

Вспоминая о Рене, я отодвигаюсь и поворачиваюсь в ее сторону. Она притаилась под столом с закрытыми глазами, и я думаю, что она молится.

- Рене, - говорю я, приближаясь к ней. - Пойдем с нами, мы вытащим тебя отсюда. - я хочу спросить ее, что она делала для губернатора, но сейчас не время, а губернатор мертв в любом случае. У нас есть достаточно времени, чтобы обсудить это позже.

Ее влажные карие глаза смотрят на меня, и она выглядит моложе двадцать лет и старше одновременно. Я полагаю, что похищение может сделать такое с человеком.

- Мы заберем тебя домой.

Она встает. - Домой, - говорит она, и от того, как она это делает, я понимаю, она разговаривает не со мной. Я знаю, она не думала, что это слово будет иметь смысл для нее.

Я хватаю пистолет, которым Барклай убил Меридана, и проверяю его - осталось четыре пули. - Возьми пистолет. Он может нам понадобиться.

- Как скажешь, Джи, - говорит Элайджа. - Это уже второй гребаный раз, когда я получил пулю, находясь с тобой. Я не думаю, что мы можем быть друзьями.

По какой-то причине, тот факт, что мы друзья заставляет меня хотеть улыбаться.

Бен достает специальное устройство из кармана Барклая.

Я почти говорю ему, что мы в этом не нуждаемся. По некоторым причинам, я не хочу отнимать у Барклая то, что так свойственно ему. Бену это не нужно, чтобы открывать порталы, а я не знаю, как это использовать.

Но тогда я вспоминаю, что и Бен и Элайджа были подстрелены и вероятно довольно истощены, и я, конечно, знаю, как учиться. Наличие устройства это умный поступок. Кроме того, Барклай хотел бы, чтобы я взяла его.

Элайджа несет Бена, комбинированным стилем, и мы пробираемся через дом, быстро и тихо, гуськом в линию. Я иду первой, не обращая внимания на пульсирующую боль в руке, истощение движется через все мое тело. Я держу пистолет перед собой, и я готова стрелять, если понадобится. Я не знаю, где губернаторский муж, но продолжаю напоминать себе, что нам просто необходимо выбраться наружу. Тогда мы сможем переместиться в безопасное место.

Рене идет следом за мной, а Элайджа и Бен у нее за спиной. Детали как в тумане.

Все, что я знаю, когда мы спускаемся вниз, что вижу свет фар - фары, которые принадлежат слишком большому количеству машин, чтобы сосчитать - но вместо паники я чувствую только гнев.

Он катится через меня, как огонь - гнев от того, что в меня стреляли, что я дважды чуть не умерла сегодня ночью, что я избита, истощена и терплю больше боли, чем я считала возможным. Этому должен прийти конец, здесь и сейчас. Я больше не буду убегать.

И это мое единственное оправдание за то, что я делаю, возможно, самую глупую вещь, которую я когда-либо делала.

Я иду прямо в дверь. Я ничего не слышу, что Бен говорит мне. Я распахиваю дверь и выхожу в эти прожекторы, пистолет на боку.

Из-за угла и света, я ничего не вижу, но слышу, как люди кричат мне бросить оружие и поднять руки вверх. Это так отличается от того, что я ожидала, будто кто-то вылил на меня холодную воду.

Силуэт движется ко мне. Ее оружие поднято вверх, руки пусты, и она говорит мне.

Я роняю пистолет и поднимаю свои руки вверх, как только узнаю Хейли Уокер. Я сосредотачиваюсь на ее губах. Сначала все, что я слышу, как кровь бежит по моим ушам, но потом понимаю, она спрашивает, - Дженнель, ты в порядке?

Я не в порядке.

Я не уверена буду ли когда-нибудь в порядке снова. Поэтому я просто говорю: - Они все умерли. - потому что это в значительной степени подводит итог всего.

Допрос длится в течение нескольких часов.

Тишина, которая следует, еще более длительна.

После того как Хейли и подразделение АИ вошли в губернаторский дом и нашли нас, забрали всех обратно в штаб АИ для оказания медицинской помощи и разбора полетов. Я была сразу отделена от Бена, Элайджи, и Рене. Пулевое ранение в руку осмотрели, обработали и посчитали поверхностным в худшем случае, все как в кино. Как только моя левая рука была забинтована, меня усадили в комнате без окон, с чашечкой кофе и потребовали рассказать все.

Так что я рассказала им.

Потом я рассказала им снова. И в третий раз.

Я даже описала в общих чертах Хихикающего и парней, которых я видела в Черной дыре.

Но где-то между пятой и шестой чашками кофе, когда я не была уверена сколько минут, часов, или даже дней прошло, я начала собирать недостающие фрагменты:

Я обязана жизнью Хейли Уокер и ее партнеру, Джимми Мейсону.

Директор не добрался до зала совещаний на 0600, о котором он думал. В то время как специальный агент Роберт Барнс информировал всех остальных, Хейли почувствовала неладное. Она схватила своего партнера и они поехали к директору домой. Когда они добрались туда и нашли его и его жену мертвыми, Хейли вызвала остальных.

Барнс уже собрал целевую группу и отправился в Черную дыру, конфисковал все оборудование, и арестовал всех, кто был там. Так что он поручил Хейли и Джимми сформировать группу, чтобы отыскать нас.

Директор вел организованной календарь, даже для своих социальных планов. Губернатор была там на ужин с мужем и никто из них не истекал кровью на полу, следовательно, они были либо частью этого, либо их уже взяли.

К счастью для нас, первое место, которое Хейли и Джимми осмотрели, был дом губернатора.

По словам Хейли и Джимми, АИ нашли и арестовали мужа губернатора. Он был связующим звеном между ней и Меридианом. Он взял фамилию жены, когда они вступили в брак, что по-видимому не было чем-то необычным в Приме. Мэйкон Меридиан стал Мэйконом Уортон, а губернатор оказалась соединена с Меридианом кровью.

Как дольше всего служащий губернатор Примы, она лгала, мошенничала, покупала людей и использовала Непристроенных, чтобы остаться при исполнении служебных обязанностей. Рене Адамс была последней в длинной линии компьютерных хакеров - лучших из своих миров - который были особым заказом и доставлены губернатору. Она заставила их работать, копаясь в частных счетах, чтобы шпионить и уничтожать политических конкурентов.

После часов, когда я рассказывала им все, включая расположение Непристроенных, мы были спасены от дальнейших оформлений, дверь открылась. Я не спала так долго, что мышцы в моем правом глазу дергались.

Хейли вошла первой. Ее глаза налиты кровью. Скорее всего, она бодрствовала, пока я была здесь, а сейчас истощение взяло свое, она не может скрыть печаль, которая давит на ее плечи.

Надеюсь Барклай знал, как сильно она любила его.

Роберт подошел к ней сзади. Он в хорошей форме для парня в почти сорок лет, но весь его внешний вид растрепанный - галстук болтается, рубашка не заправлена, волосы торчат в странных местах. Он зевает и пытается оправдаться, но его слова теряются в мешанине слов.

- Извини за это, - говорит он, притягивая еще чашку кофе через стол.

Я качаю головой. - Я думаю, что превысила свой лимит.

- Ты уверена? - говорит он. Когда я киваю, он пожимает плечами и отпивает из нее сам.

- Что еще тебе нужно знать? - спрашиваю я. Нет смысла спрашивать, когда я смогу вернуться домой. Они знают, что я хочу, и вопросы не доставят меня туда раньше. Они отправят меня домой, когда все дела со мной будут решены.

- Не много, - говорит Роберт, поглядывая на дверь.

- Ты была удивительна, Джаннель, - говорит Хейли, предлагая мне искреннюю улыбку. - Мы вытащим тебя отсюда в ближайшее время.

- Мы привлекли всех наших компьютерных специалистов, для работы с этими файлами, - добавляет Роберт. - Мы также работаем над поиском другого оборудования. Мы собираемся найти этих людей и вернуть их обратно.

Я могу сказать по тону его голоса и искренности на его лице, что он не врет. Это заставляет меня дышать немного легче.

Ни один из них не говорит что-нибудь еще.

Я знаю много стратегий, разработанных, чтобы заставить людей говорить. Как только мне исполнилось тринадцать, и мой отец понял, что я больше не рассказываю ему все, он начал использовать их все на мне.

Одним из них является молчание.

Они, должно быть, думали что могли быть вопросы, о которых они даже сами не знают, что они должны спрашивать. Если они молчат, может быть, я просто поделюсь информацией.

Только не осталось ничего, чтобы сказать.

Вместо этого я решила задать им вопрос. То, что я не понимаю, кусок головоломки, который все еще беспокоит меня. - Заместитель директора, - говорю я, пытаясь подбирать слова. - Что вы думаете...зачем он это сделал?

Он должен был иметь все, о чем любой мог мечтать. Он обладал почти неограниченной властью в рамках АИ. Он мог путешествовать в любой из миров. Я уверена, что он получал высокую зарплату. Зачем ввязываться с торговлю людьми, а потом застреляться, когда все пошло наперекосяк? Это не имеет никакого смысла.

Роберт проводит рукой по своим уже спутанным волосам и сползает в кресле напротив меня. - Райан был невероятным агентом, - говорит он. - На пятнадцать лет моложе меня, и был моим начальником. Губернатор обратила на него внимание. Он был перспективным, умным и амбициозным. В то же время люди думали, что она увидела что-то в нем, поддерживали его из-за того, что он мог сделать для АИ.

Но оказывается она поддерживала его потому что видела что-то, что она могла использовать.

- Мы изучили его банковские записи и поговорил с его женой, - говорит Роберт со вздохом. - Похоже, он мог бы быть пойман с Меридианом около пяти лет назад. На основе некоторой переписки на своем личном компьютере дома, мы думаем, что он, возможно, наткнулся на рынок торговли людьми, когда был меньше по званию, и что губернатор убедила его заключить сделку и смотреть в другую сторону, а затем, в конечном счете, поддерживать операции.

Я качаю головой. - Но почему?

- У него двое детей. Восемь и шесть лет, - сказал Роберт, а я думаю об их фотографиях - улыбающиеся лица с голубыми глазами и выющими светлыми волосами. - Они оба имеют генетически передающуюся болезнь Крейтцфельдта-Якоба.

- Что это? - спрашиваю я. Я ничего об этом не слышала.

- Это дегенеративное неврологическое расстройство, - говорит Роберт. - В Приме есть лекарства, которые могут продлить их жизни, конечно, но это значительные затраты - и многие из них являются экспериментальными. Они могут иметь побочные эффекты, наносящие серьезный ущерб качеству жизни.

Я вся продрогла и не могу унять дрожь. Мне даже не нужно знать остальное.

Потому что я знаю насколько далеко мой Страз зашел бы, чтобы сохранить Джареда и меня в безопасности, чтобы сохранять нас в живых.

- У нас есть отчеты о некоторых его поездках. Он пытался встретиться с лучшими врачами в самых развитых мирах, но не многие из них были открыты для путешествий между вселенными. Они хотели, чтобы он привел своих детей к ним. Но как ты можешь себе представить, это опасно для больного малыша. Похоже что он, возможно, привел некоторых специализированных врачей, а затем возможно даже некоторых детей.

Я позволяю своему дыханию оставить мое тело на вздохе. Я не хочу, чтобы он больше говорил - я не хочу думать, что любой способен на то, что он собирается сказать.

- Дети, возможно, были подопытными для новой экспериментальной процедуры, - говорит он, и я наклоняюсь вперед, чтобы почувствовать холодный металл стола напротив своей кожи. Все, чтобы держать себя в этой реальности.

Я оборачиваю руки вокруг себя, чтобы отогнать озноб. Я точно знаю, почему он застрелился. Каждый шаг, который он сделал, был маленьким - может, он похитил врача, потому что врач мог помочь его детям, может быть, он

намеревался отправить парня обратно. Дело в том, что как только отчаянный человек делает один маленький шаг, он будет делать еще и еще, до тех пор, пока не окажется близко к своей отправной точке.

Я не успеваю спросить что-нибудь еще. Дверь открывается и входят двое безупречно одетых людей. Роберт встает и представляет их.

Чарльз Суонсон и Элла Мандерлей, вероятно близкие к сорокалетнему возрасту, оба являются самыми высокопоставленными чиновниками в аристократическом правительстве Примы.

- Ты должно быть истощена, - говорит Элла. - Директор Барнс говорил нам, что ты была здесь почти сорок часов.

Озвучивание количества моего времени здесь, кажется, добавляет вес моим конечностям. Я кошусь на Роберта. Он должно быть исполняющий обязанности директора прямо сейчас.

- Мы хотели бы лично поблагодарить тебя, - продолжает она. - За все, что ты раскрыла. Риски, которые были предприняты, были чрезвычайными, и мы не сможем отблагодарить тебя.

Чарльз откашливается. - Но мы бы хотели попробовать. Что мы можем сделать, чтобы поблагодарить тебя за службу?

Это не совсем та линия допроса, которой я ожидала.

На самом деле, это настолько далеко от реальности, что я не знаю, что сказать.

А затем я вспоминаю кое-что.

- Тейлор Барклай, - говорю я, и мой голос ломается на его имени. - Мы никогда не обнаружили бы ничего, если бы не он. Это его вы должны благодарить, но он отдал свою жизнь за это. Вы должны поставить ему какой-нибудь памятник.

Элла кивает. - Это определенно может быть организовано.

- И я хочу еще кое-что, - говорю я, когда идея приходит ко мне. - АИ имеет возможность помочь людям в других мирах, которые в ней нуждается. Моя Вселенная была поражена бедствиями, когда почти развалилась. Нам нужны припасы и ликвидация последствий стихийных бедствий.

- Джаннель, могут быть некоторые вещи, которые мы не можем сделать, - говорит Роберт.

Но Элла поднимает свою руку. - Я уверена, что это можно организовать.

Чарльз кивает. - Мы соберем команду, чтобы предложить помочь.

- И я просто хочу домой, - говорю я. Я могу спросить сейчас, если они предлагают мне все, что я захочу.

- Конечно, - говорит Роберт. - Но перед этим я бы хотел предложить тебе возможность. Мы делаем это не часто - на самом деле редко - но мы бы хотели предложить тебе работу в АИ.

Я фыркаю. - Нет, спасибо.

Все они выглядят в шоке. Настолько, что я чувствую необходимость объясниться.

- АИ коррумпировано. Какое агентство, которое это поклялось защищать, заключает в тюрьму и угрожает казнить невинного? - спрашиваю я. - Я имею в виду, семья Бена уже была выпущена из тюрьмы?

- Они освобождены, - говорит Элла.

- Слушай, - говорит Роберт. - Многое изменится. Есть несколько экстремальных идей, с которыми я не согласен.

Чарльз и Элла оба кивают, вторя его мыслям.

- Коррупция распространилась шире, чем просто в АИ, - говорит Чарльз. - У нас есть люди, работающие над отслеживанием, куда именно попали Непристроенные, и несколько членов правительства были вовлечены.

- Я хочу изменить АИ, - говорит Роберт. - И я предлагаю тебе шанс помочь мне. Есть много людей, которые, возможно, были вовлечены в этот заговор - или другие - и мне нужны хорошие люди, чтобы отыскать их. Я предлагаю тебе шанс закончить то, что вы начали.

- Ты бы докладывала непосредственно мне. Ты бы работала с Хейли и Джимми и некоторыми другими людьми, которых я отобрал для команды. После того, как все будут заключены в тюрьму или освобождены от их причастности - или отсутствия таковой - ты можешь посещать North Point и стать полноправным агентом АИ.

На секунду я думаю об этом. Я верю в то, что он говорит. Я верю, что он хочет изменить жизнь к лучшему. Я уважаю его за желание попробовать, и я польщена, что он думает, будто я могу помочь.

Но я просто хочу домой. Быть с моей семьей. Свернуться калачиком и плакать обо всем, что произошло за последние несколько дней.

Может быть, не беспокоиться о смерти.

- Спасибо за предложение, - говорю я. - Но моя собственная Вселенная нуждается во мне.

Роберт кивает, но Элла протягивает руку и трогает меня за руку. - Пожалуйста, подумай об этом, - говорит она. - Нам нужно больше таких людей, как ты.

Я смотрю на Роберта, затем на Хейли, которая говорит: - Тейлор увидел в тебе что-то, чего не видел в большинстве людей.

Мои глаза слезятся и я отворачиваюсь. Я не могу представить, что передумаю, но я обязана Барклаю, чтобы по крайней мере рассмотреть предложение. - Я подумаю об этом.

Несколько часов спустя, когда выхожу на свободу, Хейли кивает в сторону двух агентов, которые только что появились вместе с женщиной. - Мы уже начали возвращать некоторых Непристроенных, - говорит она.

Женщина старше, наверное, ей тридцать лет или даже сорок. Она худая, с тусклыми светлыми волосами и глазами, которые выглядят немного впалыми, и она ходит, опустив голову вниз, а ее плечи вывернуты внутрь.

- Она одна из тех, что постарше, - говорит Хейли. - Из твоего мира, вообще-то. Она была похищена еще в девяностых.

- И она еще жива? - около 80 процентов людей, похищенных для торговли, оказались мертвы в течение нескольких лет, будь то от насилия, наркотиков, или от отчаяния - им просто это непривычно.

- Она может выглядеть кроткой и робкой сейчас, но она должна была быть сильной, когда они схватили ее, чтобы делать это так долго. - Хейли хлопает по моему плечу. - Она, вероятно, никогда и не думала, что вернется домой. - она не должна говорить из-за нас; это подразумевают ее манеры. Несмотря на то, какой разбитой она себя чувствует из-за Барклая, она гордится тем, чего мы достигли.

Я предполагаю, что должна гордиться тоже.

- Как ее зовут? - спрашиваю я.

Хейли достает свое устройство и прокручивает его. - Бауэр, я думаю. Эмили Бауэр.

Мое дыхание перехватывает в горле. Девушка из отцовского дела. Тепло разливается по моему телу и я чувствую, что мои губы кривятся в легкой улыбке. Мой папа был бы горд.

Из-за меня Эмили Бауэр наконец-то вернется домой.

Из-за меня - и из-за Бена.

Я вижу его. Он в другой одежде - чистой и свежей - и у него бинты на шее и одной из его рук. Его лицо серьезно и замкнуто, его глаза скрыты за волнами его волос. Это будто воздух покидает мои легкие, когда я вижу его. Я люблю его настолько, что это физически больно.

Он не один. Рядом с ним стоит его двойник. И я имею в виду, в традиционном смысле этого слова, парень, который очень похож на него - почти идентичен, но не совсем. Этот парень на какой-то дюйм выше, он немного худее, а его волосы выглядят немного короче. Но они явно братья.

Дерек Майлз видит меня первым. Его нос был сломан, а кожа вокруг глаз выглядит почти черной, с синяками, но он вымылся. И он жив.

Он делает шаг ко мне. Он медлит; движения немного отрывисты, и я знаю, что у него могут быть какие-то долгосрочные повреждения под одеждой. - Приятно наконец познакомиться с тобой, - говорит он. И что-то в его голосе придает значение.

- С тобой тоже, - говорю я, и перевожу глаза к Бену. Я хочу запомнить каждую линию его лица, так чтобы я могла вызывать в воображении его образ по прошествии нескольких месяцев.

Рядом со мной, улыбается Хейли. - Мы должны дать вам пару минут.

- Продолжай, - говорит Дерек со смехом.

Мы просто вне штаб-квартира АИ в закрытой зоне, где люди могут открывать порталы и уходить. Солнце, проглядывающее сквозь облака, купает нас в свете, и нет бешеной энергии, необузданного ажиотажа вокруг нас - это чувство осознания, что ты только что разрушила большое дело.

Хотя это только начало. Кто знает, на что будет походить энергия, когда они начнут наводить порядок в доме?

Я больше чувствую, чем вижу передвижение Бена рядом со мной. - Ты берешься за работу? - спрашивает он.

Я смеюсь. - Они предложили тебе тоже присоединиться к АИ? После всего?

Он пожимает плечами. - Я думаю, они хотят держать глаза закрытыми.

- Я просто хочу домой, - говорю я.

- Я тоже, - говорит он, и я слышу это в его голосе. Независимо от того, насколько он может скучать по мне - неважно, сколько он может думать, что хочет вернуться ко мне - он не может прийти. Не сейчас - не когда Дерек находится здесь, а его родители были отправлены в больницу в его родном мире.

И если я буду честна перед собой, может быть, не когда-нибудь.

Дело не в том, что он не выберет меня. Всегда будет что-то, почему он должен будет остаться.

Он должно быть читает мысли на моем лице, потому что протягивает руку и сжимает мою. - Я верю в нас, - говорит он, его голос хриплый. - Я верю.

Мое горло сжимается, и я не могу говорить, поэтому молчу.

- С того момента как я попал в твой мир, ты была лучшим, что случилось со мной, - говорит он. - Я люблю тебя больше всего на свете. Но моя семья: они только что были освобождены из тюрьмы, а они оказались там из-за меня. Мне нужно убедиться, что они в порядке. Мне нужно...

- Я знаю, - говорю я тихо. Я оглядываюсь назад на агента АИ, который медлит с устройством позади нас. - Откройте его портал, - говорю я.

Мгновение спустя, он открывает.

Глядя через пропасть в небытие портала, я не могу помочь, но чувствую ощущение дежавю. Воздух вокруг меня, заряженный энергией портала и весом моих эмоций, холодит тепло моей покрасневшей кожи.

Я чувствую грубые мозоли на ладони Бена и пытаюсь запомнить их. Я хочу чувствовать как его пальцы отпечатываются на моих чувствах.

Он сжимает два раза. - Дженнель. - его голос ломается.

Мгновение я ничего не делаю. Я просто хочу закрыть глаза и пусть этот момент тает. Я не готова к этому.

Я не готова прощаться снова.

Но закрытые глаза и желание никогда не сотрет какие-либо проблемы. И даже если это каким-то чудом будет работать...ну, мне просто это не нравится.

Так что я сжимаю в ответ.

Это все, что требуется. Бен тянет меня к себе, и на мгновение я признаю то, что хочу чувствовать. Его руки оборачиваются вокруг меня, и я просто позволяю

себе опереться на него. Наслаждаться ощущениями когда он держит меня. Напряжение в моих плечах исчезает. С моим лицом, прижатым к его груди, я чувствую биение его сердца.

Весь остальной мир исчез.

Просто Бен и я, биение его сердца в ушах, теплая ткань напротив моей щеки, сила его рук вокруг меня, запах мятного мыла на его коже, чувство как его губы касаются моих волос.

Когда он шепчет “я люблю тебя”, я знаю, что это правда. Я знаю, как много это значит. И это делает то, что я собираюсь сделать, гораздо труднее.

Мое горло сжимается, а глаза горят, и я хотела бы какой-то другой способ.

Но его нет.

Я не смогу смотреть как он пройдет через еще один портал и исчезнет из моего мира снова, ни когда я держусь за надежду, что он вернется.

Я не могу провести остаток жизни в ожидании призрачного шанса. Я не хочу, чтобы кто-либо из нас шел по жизни мертвым, но дышащим.

Мое тело трясет, когда я отталкиваю его от себя. Слезы жалят, когда скользят вниз по моей коже.

- Что случилось? - спрашивает Бен.

Вся эта ситуация, что случилась - порталы, другие вселенные, торговля людьми, заговоры, мертвые люди накапливались вокруг нас.

Мы случились.

Я делаю глубокий вдох и заставляю свой голос звучать ровно. - Ты не должен оттягивать это. Ты должен идти.

- Джи. - он тянется ко мне, а я делаю шаг назад и качаю головой.

- Не надо. - мой голос ломается, и я проглатываю комок в горле. - Возможно, когда-нибудь...может быть, мы увидим друг друга снова; может быть, тогда все будет по-другому.

- Я хочу вернуться с тобой. Я просто...

- Я знаю, - говорю я, мой голос едва громче шепота. - Просто дай мне этот момент. Никаких обещаний. - потому что я хочу помнить как быть вместе, прямо сейчас.

Его глаза покраснели, а напряженность в его теле заставляет что-то в моей груди сжиматься. Он делает шаг ко мне, и я поднимаю руку, чтобы держать его на достаточно дальнем расстоянии. Он хватается за нее и держит напротив своей груди.

Я могу чувствовать его пульс.

- Я люблю тебя, - говорит он снова.

Я знаю, что он делает, и я тоже люблю его. Больше всего на свете. Но разве это действительно означает, что он готов сдаться, отказаться от своей семьи ради меня? Даже если его мир не то, что он ожидал, даже если он не принадлежит здесь ничему и никому, это немного сложнее, чем просто проверка, чтобы увидеть, что они в порядке и пообещать навестить их в следующее Рождество. Плюс есть все через что мы прошли, жизни, которые мы отняли - напрямую или нет - и людей, которых мы потеряли.

- Может быть, любви не достаточно, - говорю я, и мне интересно, когда я начала верить, что это правда.

Бен качает головой. - Я не верю в это.

Под тканью его рубашки, я чувствую тепло его кожи. Мой собственный пульс, кажется стучит в одном ритме с ним, и когда он наклоняется, я чувствую запах мыла после душа, мяту в его дыхании. Я кусаю губу и концентрируюсь на физической боли, чтобы удержать пульсацию в груди от подавления меня.

Мы видели миры, которым не принадлежали - слишком много. И ничто не изменит тот факт, что его дом на самом деле - мир далекий от моего.

- Ты должен вернуться домой, - шепчу я, когда отстраняюсь. И отворачиваюсь, потому что не могу снова смотреть как он уходит из моей жизни.

Когда я иду, опустив голову, в коридор, чтобы разыскать Хейли и потребовать, чтобы мы ушли сейчас же, я желаю, чтобы это был какой-нибудь романтический фильм, и он погнался бы за мной, развернулся, поцеловал бы так сильно и сказал что-нибудь романтическое, что-то, во что пришлось бы поверить.

Я знаю, в тот момент он ушел. Я не могу объяснить как, но это будто что-то меняется - воздух, температура, энергия, или, может быть, просто я - я чувствую себя немного более опустошенной, чем была.

Думаю о последнем раза, когда он ушел, когда я опустилась на землю, одна под дождем. Я не думала, что что-то может чувствоваться хуже, чем то, что я чувствовала в тот момент.

Но я ошибалась.

Это хуже. Я не уверена насколько, но я знаю, что так и есть.

Только светает, когда мы перемещаемся обратно в мой мир. Как только мои ноги ударяются о газон за пределами нашей квартиры на Мирамар, прилив эмоций ударяет в меня и сбивает на колени.

Я сдержала свое обещание.

Я вернулась домой.

- Где ты собираешься жить? - говорит Сесиль, когда она опускается, чтобы поднять меня обратно на ноги. Она разговаривает не со мной.

- Черт, я думал, что я буду жить с тобой, - говорит Элайджа.

- Ой, извини, - говорит она. - У нас есть языковые ограничения в Квалькомме. Ты можешь говорить слово на F только раз в неделю. Тебе придется вступить в морскую пехоту. Я думаю, что они больше в твоем вкусе. - ее лицо вымыто, а волосы убранны назад в хвост. Она не должна говорить мне как счастлива быть дома - она подпрыгивает с каждым шагом, чего я не видела с момента нашего последнего урока в Иствию.

Элайджа кивает. Его лицо серьезное, как будто он действительно задумывается о том, сможет ли сделать это и ругаться только один раз в неделю. Я не знаю, почему он даже рассматривает это - мы все знаем, что он не сможет. - А что, если я обещаю осветить эту рубашку в огне? - говорит он.

Сесиль смотрит вниз на толстовку "I ❤ NEW PRIMA", которая на ней, и когда поднимает голову, улыбка появляется на ее лице. Ее глаза выглядят почти сощуренными из-за этого. - Я точно знаю, что мы собираемся сделать, - говорит она. - У нас будет вечеринка у костра, может быть рядом с Скриппс-Пирс. Нам придется расчищать завалы, но это было бы идеальное место. И мы можем сделать пирожное. Или, может быть, только пожарить зефир, есть куча валяющихся вокруг....

Элайджа вскакивает, и он так же плох. Он хочет фейерверк и бенгальские огни и возможно даже взрыв или два.

- Вон, это нормально для них? - говорит Хейли.

Я пожимаю плечами. - Сесиль любит планировать вечеринки. Я думаю, что Элайджа просто любит их посещать.

Я не уверен, что это все еще нормально для любого из нас. Мы видели слишком много - слишком много разных миров, слишком много насилия, слишком много

смертей, слишком много горя. Это то, через что мы должны будем пройти вместе.

Сейчас держаться за часть нормальной жизни это единственный способ справиться с ситуацией.

Входная дверь открывается легко, и я думаю о своем отце, который никогда не запирал дверь. Страз такая же.

Интересно, если бы все пошло по-другому, были бы их двойники друзьями.

Сесиль и Элайджа замолкают, когда мы вчетвером заходим на кухню. У Хейли есть документы для Страза, которые он должен подписать, и миллион деталей, чтобы обсудить с ним.

Я хочу есть.

Квартира сонная, как и весь Сан-Диего прямо сейчас, и пока я смешиваю блинное тесто, нарезаю свежую клубнику и варю кофе для гурманов, что принесла с собой, я упиваюсь небольшим пространством, грудой блюд, разбросанной Монополией и ее поддельными деньгами на полу гостиной - и фактом, что здесь семь больше, чем наполовину пустых стаканов с водой на первом этаже и только два человека, спящих наверху.

Почти кажется, что я никогда не уходила. Вроде бы ничего не изменилось.

По крайней мере здесь ничего. Нет никакого отрицания, что я изменилась, что менее, чем за семь дней мир бросил в меня все что имел, так много вещей, которые пытались сломать меня, и многие из них побили.

Но я прошла через это.

И теперь я дома.

Сесиль вдыхает аромат кофе. - Ты могла бы в конечном итоге разбудить всю базу этим, - говорит она.

Как по команде, сонный и невнимательный Страз - с полузакрытыми глазами, рукой потирая волосы - спускается по лестнице. Он одет в белую футболку, серые спортивные штаны и разные носки.

Я втайне была взволнована увидеть его снова. После всего с его двойником, я боялась посмотреть на него в новом свете и удивиться на что он способен. Но сейчас я понимаю, что все, что я вижу, когда смотрю на него, это различия между ними. Я вижу спутанные волосы, одежду, которая не соответствует, потому что он слишком высокий и слишком худой.

Мое сердце сильнее стучит в груди, и я дышу поверхностно.

Его глаза распахиваются с тревогой, а затем он видит меня. - Святое дермо, - говорит он, и спускается по трем ступенькам одновременно.

Я передаю тесто для блинов Хейли и перемещаюсь вокруг островка в гостиную, как раз к Стразу, чтобы он обнял меня.

Он видит бинты на моей левой руке и правую руку, и я чувствую как его поведение изменилось - он проверяет меня, так же как Барклай напряженно проверял меня в комнате.

- Я в порядке, - говорю я. - Всего лишь несколько царапин.

Он просто обнимает меня снова, и я чувствую, как его тело дрожит.

- Джаред! - кричит Страз, давая мне отойти. - Джи-младшая вернулась!

Ни разу в своей жизни мой брат не выбирался из постели так рано и так быстро. Похоже, его ноги даже не прикасались к лестнице. Он просто летит вниз, и прежде чем я осознаю, что сейчас произойдет, он прыгает в мои объятия, как раньше, когда он был ребенком - когда он был меньше меня - и сбивает меня на землю.

Он засыпает меня вопросами, но нет никакой необходимости отвечать.

- Где ты была? Как ты могла уйти, не сказав мне? Если ты сделаешь это снова, я клянусь, что я... Я сделаю то, что тебе действительно не понравится, - говорит Джаред. - И это будет хуже, чем испортить твою одежду в прачечной.

Когда Джаред отпускает меня, я знакомлю его и Страза с Хейли и заканчиваю приготовление блинов. Мы все садимся вокруг кухонного стола и Страз кормит нас драматическими историями о том, что я пропустила - все от его ужасной попытки приготовления к перемещению всех из Квалькомм. Я выдаю сокращенный и отцензуренный вариант того, что пережила, Сесиль рассказывает нам о том, как она встретилась с Непристроенным, а Хейли делится забавной историей про ночь, когда она и Барклай встретились в первый раз. А Элайджа ест.

И вдруг все так же, как и было. Единственное, что изменилось - это я.

После того, как Хейли вернулась в Приму подготовить очередную партию припасов, и после того, как Си взяла Элайджу в новый эвакуационный приют на "экспериментальной основе" я сижу на полу в нашей гостиной рядом с сброшенной монополией. Страз находится на другой встрече с базой, а Джаред уже лег спать, и мне интересно, смогу ли я когда-нибудь снова спать.

Буду ли я в состоянии закрыть глаза и ничего не видеть, вместо того, чтобы видеть лица людей, которых потеряла.

Смогу ли я когда-нибудь забыть завитки волос Бена или как его улыбка всегда напоминала тайну, которой он поделился только со мной. Если я смогу помнить о нем, не чувствуя боли в костях и пульсации в моей груди - если я когда-нибудь переживу его уход, то, что я чувствовала, когда он меня обнимал. И если я захочу этого.

Потом я слышу это.

Высокий звук чего-то электронного - или открываемого кем-то портала.

На долю секунды, словно кто-то вытянул весь воздух из моих легких, и я думаю, что Хихикающий или кто-то другой не только догнал меня, но проследил за мной до моей семьи. Но потом я вспоминаю, кто я и чего только что достигла.

Я встаю и тянусь за железной кочергой рядом с камином.

Это портал, черная дыра в нашей гостиной, и прохладный, влажный, нескончаемый аромат возможностей движется через комнату и вызывает мурашки на моей коже. Я усиливаю хватку на кочерге.

Портал начинает вибрировать, как лужа чернил. Но еще никто не приходит. Он висит там, подведенное ничего, и меня поражает масштабность, насколько невероятно это. Идея чего-то, что, казалось бы, нарушает все законы природного мира, не только возможно, но прочно вошло в мою жизнь.

Правда, когда я думаю, что портал собирается медленно завершить свое существование, Бен проходит через него.

Он выглядит точно так же, как когда я видела его в последний раз.

- Что ты здесь делаешь?

Он улыбается, вероятно, потому что мой голос звучит с приподыханием, и потом говорит: - Я скучал по тебе.

Я не знаю что на это ответить.

К счастью, мне не пришлось ничего говорить, потому что Бен рассматривает кочергу. - Ты ожидала кого-то другого?

Я кладу ее на кухонный стол и почти говорю: "Я не ждала тебя", но не делаю этого. Потому что то, чего я ожидала, не имеет значения. Он здесь. Прямо сейчас.

Вместо этого я жду того, что он хочет сказать.

- Ты знаешь, что я люблю в тебе больше всего? - говорит он, засовывая руки в карманы.

Я улыбаюсь. Даже если бы я знала, я все еще хочу услышать, что он скажет. - Наверное, нет.

Его улыбка становится шире. - Не пойми меня неправильно, я люблю твоё лицо, и твои волосы, и твои глаза, и мне нравится твой слишком громкий смех и как ты немного пугаешь меня, когда злишься, но... - Бен проводит рукой по волосам. - Я очень люблю слушать тебя - твой голос, что ты говоришь, все.

Мне жарко и немного кружится голова, и я снова удивляюсь, что он здесь делает.

Но я стараюсь не надеяться.

- Помнишь, когда мы пошли на наше первое свидание - я думаю, наше единственное свидание?

Я помню. Я помню это так хорошо, чувствуя, как будто это было только вчера.

Мы сидели на покрывале на краю Сансет Клифс. Ниже нас были только камни и белая вода, бьющаяся о них. Мы наблюдали за чайками, как они летели к скалам посреди океана, приземлялись и громко кричали друг на друга, прежде чем снова улететь. Бен был достаточно близко, чтобы опереться на меня так, что жар его тела согревал меня, когда дул ветер с океана. Солнце, начиная свой спуск, висело как огромный золотой глобус возле кромки воды, бросая красные, оранжевые, розовые, и лиловые полосы в небо.

Это ощущалось, будто нас только двое во всем мире.

Я киваю. - Я помню. - разве я могла забыть это?

- Мир рушился вокруг нас, но это не имело значения. Мне было все равно. - его голос немного ломается под тяжестью эмоций, и я делаю шаг ему навстречу. Я хочу завернуть его в свои объятия и заставить пообещать никогда не оставлять меня снова. - В тот момент, я знал, что был не один. Ведь у меня была ты. Этот мир мог не быть моим домом, но четыре месяца назад, когда я вернулся в свой мир, он тоже не был домом.

Его глаза остекленели от слез, а его рука тянется к моей щеке.

- Джаннель, ты мой дом.

Я тяну его к себе, чувствуя его губы, как они касаются моих, и я не уверена, должна ли я смеяться или плакать.

Бен, кажется, знает, о чем я думаю. Я чувствую его улыбку напротив своих губ.

Все остальное в мире, кажется, исчезает. Пространство между нами испаряется. В один момент мы в фуре друг от друга, в следующий каждый дюйм тела Бена вдавливается в меня. Мягкий запах мяты и мыла - запах Бена - наполняет мои чувства, и я держу его крепче, тяну его ближе, целую его, пробуя его язык, в то время как чувствую его руки на своей спине, запутывающиеся в моих волосах. Сила его рук вокруг меня заставляет мое сердце биться быстрее; я взволнована и не могу сказать, где заканчиваюсь я и начинается он.

Ничто никогда не чувствовалось таким правильным.

Все, что пыталось встать между нами, теперь не имеет значения. Мы, возможно, сломались немного.

Но теперь мы сильнее в тех сломанных местах.

И мы собираемся встретить все, что будет дальше, вместе.